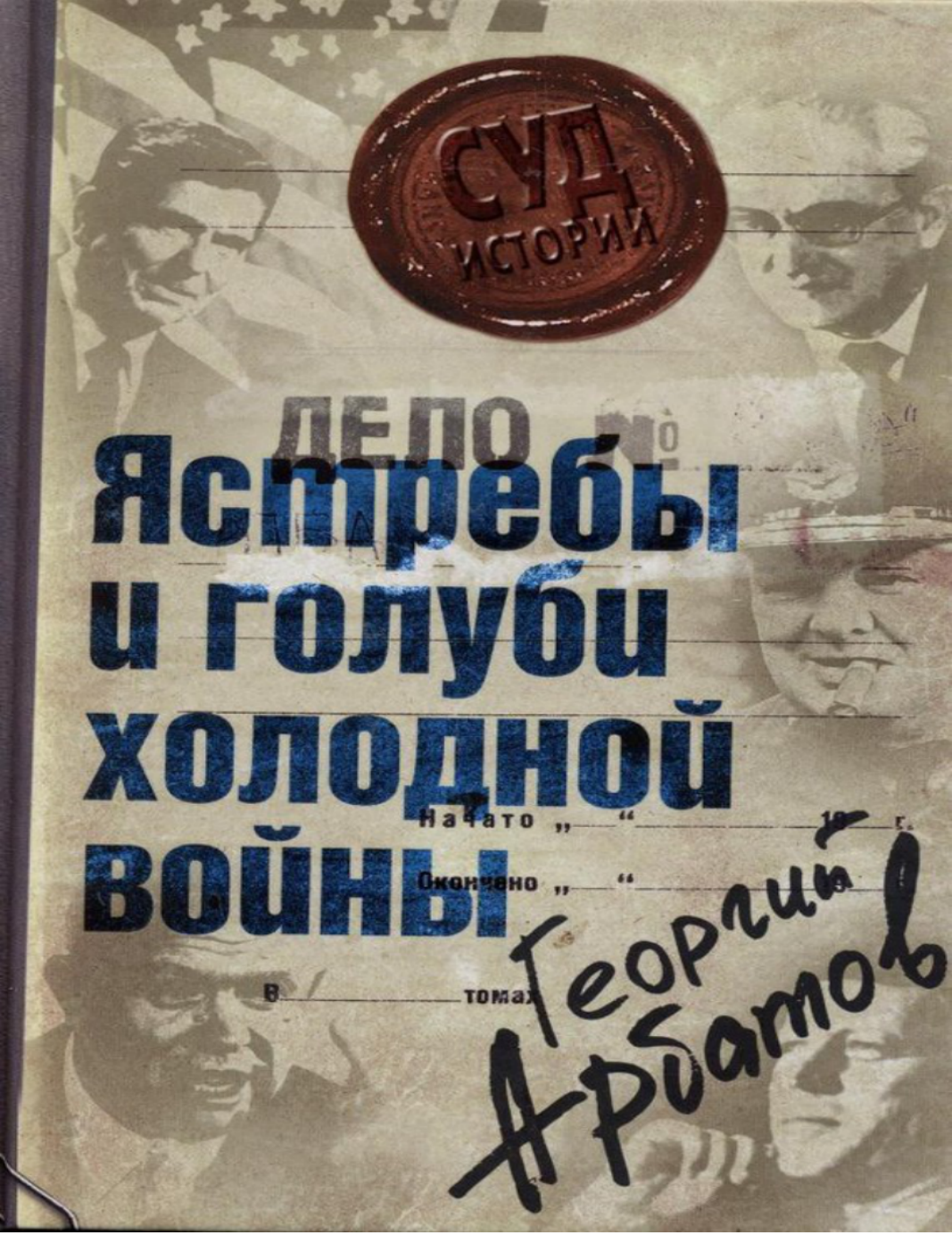
СУД ИСТОРИИ
ДЕЛО №
Ястребы и голуби холодной войны
Начато „ “ 19 г.
Окончено „ “
в томах
Георгий Арбатов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Георгий Аркадьевич Арбатов не нуждается в особом представлении. Известный журналист, писатель, директор Института США и Канады, член ЦК КПСС, личный советник Ю.В. Андропова, – он долгие годы находился на передовых рубежах обороны СССР в период «холодной войны».

Г.А. Арбатов хорошо знал многих ее «генералов», как советских, так и западных: Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.С. Горбачева, Р.Никсона, Р.Рейгана, Д.Буша, Г. Коля и др.

В своей книге он пишет о них, о политике СССР и США в ту эпоху, а также оценивает современное состояние международных отношений, сложившихся после окончания «холодной войны».

- Георгий Арбатов
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Часть 1 Генералы «холодной войны»
    - ■ Никита Сергеевич Хрущев. Маленький великий человек
    - ■ Леонид Ильич Брежнев. От стабильности в стагнацию
    - ■ Юрий Владимирович Андропов. Несбывшиеся надежды
    - ■ Константин Устинович Черненко. Агония
    - ■ Михаил Сергеевич Горбачев. На переломе
  - ○ Часть 2 Миротворцы и разрушители
    - ■ Александр Николаевич Яковлев. Государственный муж с Ярославщины
    - ■ Борис Николаевич Ельцин. Разрушитель
    - ■ Владимир Владимирович Путин. Итоги, которые еще предстоит подвести
  - ○ Часть 3 Советники и соратники
    - ■ Николай Николаевич Иноземцев. Фронтовик, ученый, политик
    - ■ Александр Евгеньевич Бовин. Не полностью востребованный талант
    - ■ Анатолий Сергеевич Черняев. Кардинал при Горбачеве, но отнюдь не серый
    - ■ Григорий Алексеевич Явлинский. Реформатор, опередивший время
    - ■ Владимир Петрович Лукин. Политик с чистыми

руками
- Послесловие. Отчет по окончании «холодной войны». Есть ли «особый русский путь» развития?
- Приложение. Зарубежные друзья и собеседники
  - Генри Киссинджер
  - Джордж Буш (старший)
  - Рональд Рейган
  - Ричард Никсон
  - Аверелл Гарриман
  - Дэвид Рокфеллер
  - Уильям Фулбрайт
  - Тэкс Торнтон
  - Том Уотсон
  - Тэд Тернер
  - Норман Казенс
  - Эгон Бар
  - Гельмут Коль и Дитрих Геншер
  - Улоф Пальме
  - Пьер Трюдо
  - Александр Дубчек
  - Янош Кадар
  - Войцех Ярузельский

Георгий Арбатов
Дело: «Генералы холодной войны»

Посвящается памяти моих родителей Анны Васильевны и Аркадия Михайловича Арбатовых

Предисловие

«Холодная война», сменившая для нас Отечественную, отличалась от войны обычной не только тем, что на ней не велся огонь из всех видов оружия, хотя и накапливали его в невиданных масштабах. Ее главные особенности состояли в другом: она представляла собой не просто конфронтацию двух вооруженных до зубов держав и сплотившихся вокруг них союзников, но и двух враждебных взглядов на сущее и должное, на то, каким является и должен быть мир. Другими словами, к политическому, военному и экономическому противостоянию добавлялось еще и идеологическое. Это значит, что помимо беспрецедентно интенсивной и разорительной гонки вооружений, «холодная война» развертывалась и на плацдарме борьбы за умы людей, за общественное мнение как в своей стране, так и в других странах, включая противников. Такие конфронтации несут особую угрозу вооруженного конфликта (а его немыслимость и самоубийственность были осознаны далеко не сразу) и к тому же создают особые ожесточенность (вспомним религиозные войны) и трудности для замирения и урегулирования. Все это мы сегодня знаем уже далеко не только теоретически.

Положение осложнялось и тем, что Вторая мировая война, окончившись в 1945 году на главных плацдармах, оставила после себя где тлеющие, а где и пылающие конфликты на периферии – в Китае, Палестине, Корее, Индокитае, Северной Африке и ряде других мест.

В общем, «холодная война» разгорелась не на шутку и стала вскоре поистине мировой…

* * *

После окончания института я в течение многих лет работал в журналистике; это значило в те годы – на одном из важных «фронтов» «холодной войны». Что не сделало меня ее сторонником, скорее наоборот, – я нагляднее увидел ее опасность и бесперспективность.

Но политику обеих сторон как заклинило на взаимных страхах и подозрениях, они во многом были искренни, что делало их еще опаснее; мало того, на обеих сторонах сложились мощные силы, кровно заинтересованные в сохранении и увековечении «холодной войны»: военно-промышленные комплексы, об опасности деятельности которых предупреждал в своей

прощальной речи при уходе с президентского поста президент США Дуайт Эйзенхауэр в 1960 году, можно смело сказать, что ни на одну другую «затею» в истории, включая обе мировые войны, не было затрачено столько средств и усилий, как на «холодную войну». Более того, «холодная война» создала для своего обслуживания большую инфраструктуру, поставив себе на службу дипломатию, все силовые ведомства, значительную часть науки и средств массовой информации.

Фактически получилось так, что именно ведомства, люди, силы, заинтересованные в продолжении «холодной войны», наличии «врага» и гонке вооружений, руководили (как единственно компетентные) всей внешней политикой и даже переговорами об ограничении вооружений, на которые под напором экономических реальностей и общественного мнения были вынуждены пойти государства, игравшие главную роль в «холодной войне».

Когда в эти дела оказалось вовлечено столь большое количество людей, разных и по взглядам, и по опыту, неизбежными стали и «дезертирства», и «измены», когда вчерашние прислужники милитаризма и империалистической политики становились их квалифицированными критиками и убежденными противниками. Это со временем пополнило ряды выступавших против «холодной войны» людьми самых больших знаний и опыта.

Начался этот процесс в США и Западной Европе. Хотя официальное движение сторонников мира первым основал СССР, но оно быстро вылилось в чисто официальную идеологическую кампанию. К тому же многие деятели этого движения отличались низкой квалификацией, даже невежеством в сложных вопросах международных отношений, военной политики, а тем более ограничения гонки вооружений и разоружения.

Это быстро поняли наши партнеры по переговорам и их публичному обсуждению: их добросовестная часть теряла интерес к дискуссиям, диалогам и встречам, а другая, пользуясь слабостями наших «борцов за мир», подрывала наш авторитет, пыталась показать западной общественности, что СССР всерьез не намерен разговаривать и что там просто не с кем вести серьезные дела.

* * *

Чтобы эффективно бороться с «холодной войной», чтобы развивать настоящий диалог с Западом, надо было менять

положение. У нас главной сферой, кадры которой могли взять на себя значительную часть бремени этой работы, была академическая среда. Ее, правда, довольно долго держали в изоляции от политики. Положение начало меняться только после XX съезда КПСС. Вскоре после его окончания был создан Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Успешное начало его работы подтвердило необходимость создания исследовательских центров, на которые могли бы опираться те, кто вершит политику, и вскоре были организованы еще несколько ориентированных на международные проблемы центров: институты Дальнего Востока, Африки, Латинской Америки, Европы, а также институт США и Канады. Создавалась новая для нас отрасль общественных наук, занимающаяся изучением международных отношений и внешней политики, включая ее экономические, военные, политико-пропагандистские и иные аспекты.

Это был шаг к реальности, а также шаг в направлении демократизации внешней политики, ликвидации монополии на понимание и деятельность в этой сфере узких групп бюрократии. Удерживать в этих тесных рамках решение внешнеполитических проблем было уже невозможно – широкая общественность слишком хорошо начала понимать, что здесь решаются вопросы ее жизни и смерти, хотела знать, что происходит, и на решения влиять. Вот почему дискуссии вокруг вопросов внешней политики и гонки вооружений начали приобретать все более широкий и острый характер.

* * *

С изобретением ядерного оружия фактически кончился тот период истории, когда можно было планировать и вести «большую» войну с расчетом или хотя бы надеждой ее выиграть, выйти из нее победителем – и при этом избежать национального самоубийства.

Нельзя сказать, что этого совсем не понимали политические лидеры, в том числе и на Западе. Уже на заре своей президентской деятельности Эйзенхауэр выступил с речью, которая по существу предлагала Советскому Союзу диалог, и вскоре он был начат с Хрущевым в Кэмп-Дэвиде. Ширилось и массовое антиядерное, антивоенное движение; официальная политика оказывалась под все более сильным давлением.

В мае 1972 года состоялась советско-американская встреча в верхах в Москве. В ходе имели место важные политические

переговоры, ознаменовавшие собой определенный прорыв в отношениях между двумя странами, и были подписаны важные соглашения, прежде всего об ограничении стратегических вооружений – как наступательных, так и оборонительных. Начался период (к сожалению, кратковременный) разрядки международной напряженности. Немалую роль в подготовке саммита 1972 года и развитии отношений с Америкой играл Институт США при Академии наук.

За несколько лет до того с предложением о создании Института США обратились в правительство МИД СССР и АН СССР. Замысел был в том, чтобы создать занимающийся исследованиями центр, который бы не ограничивался публикацией академических книг и статей, а доводил результаты этих исследований до практических выводов и рекомендаций, прежде всего в сфере советско-американских отношений. Междисциплинарные основы, кроме академических дисциплин (исторических, экономических, социологических и т. д.), включали также специальности по военным и разоруженческим проблемам.

Мне доверили создание этого института, но Брежнев не сразу согласился на мой переход, так что я имел возможность продумать, какие задачи поставить перед собой в связи с этим как основные.

Во-первых, важно было положить начало настоящим исследованиям международных проблем. Они должны были проводиться не в историческом и идеологическом ракурсе, а именно как исследования живой политики с учетом ее военных, экономических, даже психологических слагаемых.

Во-вторых, хотелось, чтобы институт положил начало настоящим военно-политическим исследованиям, помог ликвидировать монополию военных на изучение вопросов военной политики, военной стратегии и проблем разоружения.

В-третьих, хотелось, чтобы институт стал источником экспертных знаний, а в чем-то «возмутителем спокойствия» в сфере наших экономических представлений, прежде всего понимания роли научно-технического прогресса.

В-четвертых, мне хотелось, чтобы институт в меру представлявшихся в те времена возможностей отделил политику от идеологии и науку от пропаганды, изучал США не через искажающую призму догм, а такими, какие они есть в действительности.

Не мне судить, насколько все это удалось осуществить, но я думаю, что в какой-то мере удалось, и это, полагаю, повлияло и на смежные институты. Деятельность института, известная

новизна, которую он внес в академическую жизнь, были вскоре замечены и у нас в стране, и за рубежом. У нас это выразилось, главным образом, в том, что институт все активнее использовался как консультативный и аналитический центр руководством страны. За рубежом, естественно, хватало хулы. Но были и другие оценки. В материале Конгресса США, оценивающем советскую дипломатию в 1979–1988 годах, подчеркивалось, что институт наряду с другими исследовательскими центрами «сыграл важную роль в процессе интеллектуализации внешней политики СССР», а в американской книге Н. Малколма о советских политических исследованиях, вышедшей в 1984 году, отмечается, что советские руководители и общественность «теперь лучше знают американскую политику и общество, и в этом заслуга советских американистов, и в том числе Института США».

* * *

В оценках перспектив наших отношений с США раньше преобладали идеологические формулы непримиримого противоборства: «либо они, либо мы». С началом серьезных переговоров по ограничению стратегических вооружений выявилась проблема, которой было суждено преследовать наших переговорщиков и специалистов вплоть до сегодняшнего дня: одержимость секретностью во всем и особенно в вопросах военной политики.

Между тем в 1920-е годы эти вопросы дебатировались у нас открыто, и это не только не помешало, но и помогло обороне, а в годы «холодной войны» все оказалось засекреченным и закрытым от всех.

Отчасти поэтому лидеры долго не могли преодолеть взаимные страхи и подозрения. Да и разрядка начала 1970-х вскоре уступила место новым обострениям, а в силу противоречащих ей шагов, сделанных с нашей и американской сторон, особенно после избранием президентом США Рональда Рейгана с его воинственными, реакционными взглядами, в начале 1980-х годов наступил новый пароксизм «холодной войны».

Впрочем, приход к власти Рейгана имел и другую сторону. Требуя ускорения гонки вооружений и выдвигая ряд особенно опасных для дела мира проектов (в частности, программу стратегической оборонной инициативы – СОИ), он хотел поставить на колени или хотя бы напугать СССР. Но получилось так, что он напугал прежде всего мировое, в том числе американское, общественное мнение. Возникло много

антимилитаристских форумов и организаций, среди них «Комиссия Пальме», организация врачей во главе с докторами Чазовым и Лауном, получившая вскоре Нобелевскую премию мира, движение за «замораживание» ядерного оружия в США, да и настроения американской общественности начали существенно меняться.

Все это серьезно беспокоило администрацию Рейгана. Но вместо того, чтобы скорректировать политику, администрация США сделала упор на усиление пропаганды и борьбу против нашей информационной деятельности. Надо сказать, что за прошедшие годы мы тоже кое-чему научились. В частности, некоторые из наших специалистов – ученых, журналистов, да и консультантов руководства – довольно регулярно приглашались видными американскими телеведущими на самые популярные программы и весьма успешно там выступали. Это вызывало особое раздражение американских политиков, я это недовольство испытал на себе, поскольку завоевал определенную популярность телезрителей США.

Недовольные этим американские власти в виде «предупреждения» отказали мне в визе. Поскольку я был приглашен для участия в теледебатах с видными американскими политиками и специалистами, с их стороны этот шаг администрации вызвал большое возмущение. Следующий шаг ведавшего внешнеполитической пропагандой США г-на Цвика был совсем курьезным: мне выдали визу с условием, что я не буду общаться с представителями средств массовой информации. Это обеспечило мне необычайную популярность – журналисты ходили за мной хвостом, а один знакомый юрист даже посоветовал обратиться в Верховный суд США с иском: нарушают-де первую поправку к Конституции – и обещал вести дело.

Цвик предложил договориться: они не будут мешать моим выступлениям, но пусть такую же возможность получит кто-то из американцев на советском телевидении. Я ответил, что не уполномочен вести переговоры о таких обменах. Но про себя подумал, что впервые нашей пропагандой всерьез встревожились. Впрочем, думаю, дело было здесь не в одной пропаганде, скорее всего, у правящих кругов США вызвала тревогу с небывалой до сих пор ясностью обнажившаяся асимметрия между советской и американской политикой в вопросах войны и мира, то есть в самом главном вопросе отношений. Эта асимметрия наглядно выражалась в политических взглядах лидеров обеих держав – Горбачева и Рейгана.

Я, признаться, поначалу не верил, что с Рейганом у нашего лидера что-либо получится, но потом наблюдал, не скрою, с

интересом, как менялось поведение и публичные высказывания американского президента. Во время рукопожатий на официальных встречах он начал обращаться ко мне с одной и той же шуткой: «Вы теперь верите, что я не ем своих детей, подобно античному богу Хроносу?» – и я каждый раз отвечал: «Да, господин президент, я теперь верю, что вы не едите своих детей».

* * *

На одной из последних «биполярных» встреч в верхах, отвечая в интервью американцам на какой-то вопрос, я сказал: «Мы сделаем для вас самое плохое – лишим вас врага». Хотя сказано это было в шутку, но жизнь без врага, который бы оправдывал все и вся, делал все простым и доступным, оказалась действительно непростой – и не только для американцев.

Складывается впечатление, что встречи «большой восьмерки» и другие не вполне заменяют прошлые двусторонние встречи в верхах. Хотелось бы, чтобы лидеры всех восьми государств с той же ответственностью относились к каждой встрече, как «биполярные» лидеры прошлого. Ведь накопилось немало новых проблем, которые ждут своих решений.

Существование в многополярном мире – это ведь тоже не идиллия (напомним, что обе мировые войны зародились именно в многополярном мире), и в каких-то отношениях жизнь в многополярном мире и опаснее, и сложнее, нежели, скажем, в биполярном. Безопасная жизнь в таком мире требует новых подходов ко многим проблемам, несравненно большей терпимости и терпения, умения и способности понимать и учитывать интересы и возможности других членов международного сообщества. Намного возрастает роль международного права и международных организаций, а также многосторонних переговоров, искусству вести которые придется всем нам учиться, подчас заново. Только создание многотрудными усилиями нового мирового порядка даст прочные гарантии успешной борьбы против терроризма, распространения особо опасных видов вооружений и против особо опасных форм политического поведения.

Новый мировой порядок потребует и нового уровня политической дисциплины каждой большой державы, за который тоже предстоит упорно бороться.

Часть 1 Генералы «холодной войны»

Никита Сергеевич Хрущев. Маленький великий человек

С Никитой Сергеевичем Хрущевым мне работать не пришлось, так что воспоминания о нем сохранил, скорее, как наблюдатель, находившийся непосредственно вблизи.

Первая возможность лично увидеть Хрущева представилась в 1960 году во время его официального визита в Австрию. Я тогда работал в международном коммунистическом журнале «Проблемы мира и социализма», редакция которого находилась в Праге, и как раз редактировал статью Копленига – руководителя компартии Австрии. У меня возникла необходимость обсудить с автором некоторые редакционные поправки, вставки и сокращения. Тут же заготовили просьбу о визе в Австрию и отвезли вместе с паспортом в австрийское посольство. Мотив просьбы о визе – освещение визита Хрущева. Визу тут же выдали, и уже на следующий день я был в Вене, а еще через день приехал Хрущев с сопровождающими, и визит начался.

На следующее утро Хрущев встал очень рано и, взяв с собой охранника и переводчика, отправился гулять по утренней Вене. Ему, снедаемому любопытством насчет подлинного Запада, было интересно все – он заходил в булочные и молочные лавки, разглядывал витрины. Но особенно увлек Никиту Сергеевича подземный переход, который оказался большой подземной площадью с магазинами, киосками, несколькими входами к разным линиям метро и несколькими выходами на улицу. Позднее австрийский канцлер спрашивал Хрущева, понравилась ли ему подземная площадь, он ответил: «Да, понравилась, но скоро и у нас будет такая – только еще больше и красивее». Это был обычный ход Хрущева: если он видел что-то хорошее, то непременно говорил, что скоро и у нас будет такое, только больше и лучше. Я его за такие повороты разговора не упрекаю – гордость за свою страну смешивалась в этом ответе с досадой, что мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, а, к примеру, города сделать уютными, чистыми и красивыми еще не удосужились.

Потом началась поездка по Австрии. Зная об особом интересе высокого гостя к сельскому хозяйству, его повезли на несколько особо преуспевающих ферм. Здесь уже разговоры принимали вполне профессиональный характер, причем в крестьянской Австрии грубоватость и соленые шутки гостя не только не смущали, но и явно нравились хозяевам. На одной из ферм Хрущев в пылу спора даже заключил пари на довольно крупную

сумму, что вырастит под Москвой более высокий урожай кукурузы, чем местный фермер. (Хрущев, конечно, проиграл, но вежливые хозяева, насколько мне известно, ему об этом даже не напомнили.)

Остался в памяти визит на электростанцию – не оборудованием или техническим совершенством, а грубоватой шуткой Хрущева, понравившейся окружающим. Надо было спуститься вниз на лифте, чтобы посмотреть работающие турбины, и когда поднимались наверх, на обратном пути наш министр иностранных дел, Андрей Андреевич Громыко, припоздал, и когда он входил в кабину, опускавшейся сверху дверью его немного прижало. Вежливые хозяева изобразили испуг, а Хрущев сказал:

– А что, если бы его совсем зажало – наша внешняя политика много от этого потеряла бы?

Все весело засмеялись, а Громыко и виду не подал.

Большое и тяжелое впечатление на всех произвел концлагерь Маутхаузен. Здесь Хрущев искренно расчувствовался и даже разразился короткой импровизированной, но очень эмоциональной речью. Ночевали в Линце, откуда следующим утром я должен был вернуться в Вену для работы с Копленигом.

Утром я встал и отправился на вокзал. Выхожу из гостиницы – и сразу мое внимание привлекло скопление людей, собравшихся у расположенного рядом магазина, торгующего тканями. Подхожу и вижу Хрущева, спорящего с продавцом. Последний дал гостю кусок синтетической ткани (только появившегося тогда в продаже терилена) и говорит:

– Этот материал не мнется.

Хрущев ему в ответ:

– Не заливай мне! Такого быть не может! – и изо всех сил начинает мять ткань. На этой сцене я их покинул, надо было спешить к поезду. В Вене я занялся своими делами, Хрущева больше не видел, а он продолжал свою поездку по Австрии.

* * *

Второй раз судьба свела меня с этим лидером страны летом 1963 года в Москве на переговорах руководства КПСС с делегацией компартии Китая. Я там участвовал в должности советника.

Переговоры были странными, собственно их даже трудно назвать переговорами. Скажем, сегодня выступает с речью руководитель нашей делегации М.А. Суслов. Когда он

заканчивает, на несколько минут наступает молчание, а затем объявляется перерыв до завтрашнего утра. Следующим утром с китайской стороны выступает руководитель делегации Дэн Сяопин. Снова несколько минут молчания, перерыв до следующего утра, и все повторяется. Как-то во время одного из таких перерывов кто-то из наших пошутил: «Снова ждут очередного набора цитат из Пекина». (Тогда как раз шел большой шум вокруг цитатника председателя Мао.)

Но вскоре китайцы сорвались, позволили себе брань и грубости. Хрущев не выдержал и в одной из речей ответил им тем же. В дополнение мы получили от него задание – срочно готовить развернутое «открытое письмо» китайской компартии, которое сразу же должно быть опубликовано в «Правде», и еще он вручил несколько, как их называли, «задиктовок», которые надлежало исхитриться всунуть в текст. В тот же вечер мы вернулись в здание ЦК, сели за работу и утром ее закончили. Больше всего хлопот было с «задиктовками» – они выдавали не очень образованного и грамотного, но целеустремленно грубого автора, однако встраивать их было необходимо. Как бы то ни было, письмо получилось.

* * *

В актив Хрущева можно записать немало славных дел. Хрущев, пожалуй, лучше других руководителей ощущал самые наболевшие нужды народа и старался сделать что-то реальное для их смягчения. Он первым начал широкомасштабное жилищное строительство, пусть скромных пятиэтажных домов с большим количеством маленьких, но отдельных квартир. Многие тысячи людей тогда впервые вздохнули с облегчением, почувствовав, что значит жить не в коммуналке. Он осознал, что на нищенскую пенсию, которую тогда платили старикам, прожить нельзя, и значительно повысил ее, во всяком случае, настолько, что позволяло хоть как-то сводить концы с концами. За 10 лет пребывания у руля государства дай бог каждому руководителю столько сделать для народа.

Но были и другие стороны. Деятельность Хрущева, как и его характер, была противоречива. Разрешил, например, выставку современных советских художников в Манеже – и сам же, поддавшись на провокацию нескольких стоящих близко к власти противников нового искусства, собравших правдами и неправдами в отдельном зале самые крайние авангардистские произведения, встретил эту экспозицию взрывом негодования и

самой грубой брани.

В характере Хрущева, кроме всего, присутствовала жилка авантюризма. Проявление этого авантюризма – размещение ракет на Кубе, приведшее к Карибскому кризису, который поставил мир на грань ядерной катастрофы. В этом случае, правда, он загодя обсудил вопрос с Политбюро. Но только два человека позволили себе комментарии. Один из них – Куусинен, сказавший, что Никита Сергеевич, наверное, тщательно продумал все возможные последствия и осложнения. (Хрущев, глубоко уважавший Куусинена, понял это замечание и скрытый в нем намек и обстоятельно обсудил его.) И другой – Микоян, подчеркнувший необходимость особо тщательной маскировки ракет.

Словом, фигура его была неординарная и в то же время неоднозначная. Прекрасный скульптор Эрнст Неизвестный хорошо выразил это в надгробном памятнике Хрущеву замысловатым переплетением черного и белого мрамора.

И еще одно дело сделал Хрущев, которое не нашло, да и не могло найти, отражения в памятнике. В стране, где испокон веков высшая власть даровалась божеской милостью, а государь был помазанником Божьим, ну а в послереволюционной, атеистической России «помазанником» законов истории, что ли, – он спустил власть с небес на землю и сам был очень земным, пришедшим то ли из шахты, то ли от земли человеком, и говорил он так и вел себя соответственно – иногда вопреки принятым правилам и нормам приличия (вспомним Хрущева, снявшего ботинок и бьющего им по столу в зале заседаний ООН).

«Схождение с небес» не всем нравилось – привыкли видеть на троне если не божество, то и не простого смертного, а в лучшем случае какого-то «сверхчеловека». Но это, с точки зрения политических реальностей и перспектив, было большим шагом вперед.

С Хрущевым кончился «неземной период» властвования и власти, начался период современный, когда власть стала открытой ветрам и взглядам, а там, глядишь, будет открыта и критике, влиянию общественного мнения и общественных настроений. За это одно ему можно простить и многие неудачные слова, и пробелы в воспитании, и оплошности в поведении.

Леонид Ильич Брежнев. От стабильности в стагнацию

В оценке каждого деятеля важно контролировать эмоции, следовать фактам, соблюдать пропорции. Если говорить о Леониде Ильиче Брежневе, то негативная его оценка как лидера партии и страны, безусловно, оправдана. Но едва ли можно согласиться с попытками изобразить его чуть ли не зловещей фигурой в нашей истории. Истоки излишней эмоциональности, мне кажется, – в обиде на самих себя, в стыде за то, что мы хоть не верили, но послушно молчали и послушно аплодировали, когда этого очень маленького, к концу жизни впавшего в маразм человека на все лады хвалили, прославляли и награждали. Главной бедой было, собственно, то, что Брежнев ходом нашей истории, существовавшими и до него в обществе политическими механизмами был поставлен на место, для которого не был годен, вынужден был играть роль, которая была ему абсолютно не по силам, – роль лидера державы, притом в очень сложное и ответственное время.

Я уже не раз высказывал свое мнение, что до болезни Брежнев был лучше других, точнее сказать, был «меньшим злом». Независимо от оценки предшествующих событий – разве ситуация так уж изменилась бы, если бы смена руководства произошла в результате аппаратной договоренности или интриг, а не «дворцового переворота»?

Человек этот был типичен для верхушки тогдашней политической элиты, начиная уже с того, что, имея формально диплом об окончании вуза, оставался малообразованным и даже не очень грамотным; способностей он был средних, культуры низкой. Если он что-то «для души» читал, то журналы вроде «Цирка», фильмы предпочитал смотреть о природе или о животных, любил «Клуб кинопутешествий». Серьезные кинокартины редко мог досмотреть до конца (одно из исключений, пожалуй, – «Белорусский вокзал», который ему очень понравился, глубоко тронул). В театре, по-моему, вообще многие годы не бывал. Но как у руководителя государства у него самыми большими слабостями были почти полное отсутствие экономических знаний, консерватизм, традиционность и прямо-таки аллергия на все новое. Не хватало ему решительности, воли, что, может быть, предохранило его от некоторых ошибок, но в то же время порождало застой.

* * *

Однако все это не значит, что у Брежнева не было сильных сторон. Он был особенно искушен, даже изощрен, хитер и изобретателен в аппаратной борьбе. В общем, он сумел, пусть медленно, но без конфликтов и срывов, вытеснить, «выжать» из руководства всех своих соперников и недоброжелателей; без репрессий, как Сталин, и даже без публичного словесного уничтожения оппонентов, как Хрущев, он обеспечил полное послушание, покорность, даже вселил страх в души своих соратников. Его действительно боялись даже такие люди, как Андропов или Громыко, а мне кажется, и Суслов тоже, не говоря уж об остальных.

Брежнев очень ловко манипулировал властью, удерживая каждого на том месте, на котором, по его мнению, тот или иной человек ему был удобен. Взять хотя бы институт второго секретаря ЦК КПСС, почти всегда неконституированный, но неизбежный из-за огромной власти секретариата ЦК, а значит, и объема дел, подведомственных ему, при существовавшем всесилии партийного аппарата, и очень неудобный для Генерального (или Первого) секретаря, поскольку второй имел большую притягательную силу для аппарата и членов ЦК, областных секретарей и т. д. по той простой причине, что он вел секретариат и с ним постоянно надо было решать повседневные большие и малые дела. Притягивая руководящие кадры, председательствующий на секретариате неизбежно становился потенциальным источником соперничества или хотя бы человеком, с которым надо в какой-то степени делить власть.

Хрущев, после явно провалившихся экспериментов с Козловым и Кириченко, установил порядок, при котором секретариат по очереди вели секретари ЦК, члены Политбюро. Когда Хрущева освобождали, о введении официального поста второго секретаря ЦК заговорил на октябрьском Пленуме (1964) Н. Подгорный. Брежнев этого, по-моему, ему не забыл и вскоре перевел его в Президиум Верховного совета СССР. В любом случае Брежнев установил свой порядок. При нем постоянно были два человека, которые вели секретариат либо, во всяком случае, претендовали на это, и они соперничали за власть не с Генеральным секретарем, а друг с другом – точнее, соперничали за право быть «более вторым, чем конкурент».

Напомню, что вначале это были М.А. Суслов и А.П. Кириленко, потом, когда Кириленко заболел и фактически вышел из строя, на этот пост был продвинут К.У. Черненко, а когда умер Суслов, в ЦК тут же перевели на роль одного из вторых

секретарей Ю.В. Андропова. Словом, в аппаратных играх, в аппаратной борьбе, то есть в тех реалиях власти и политики, которые тогда существовали, Брежнев отнюдь не был простаком, даже наоборот. В делах и в среде, в которых он вырос, в этих политических шахматах, он был настоящим гроссмейстером. Не все это сразу поняли, за что потом и поплатились.

И еще одно. В вопросах власти Брежнев был большим реалистом, потому он очень заботился о том, чтобы сохранять контроль над армией и КГБ, и ему это удавалось. Не только из-за того, что с 1967 года во главе КГБ был поставлен лояльный к нему Андропов, а министром обороны после смерти не очень надежного А.А. Гречко тоже стал «свой» человек – Д.Ф. Устинов. И там и там Брежнев на разных уровнях имел и других «своих людей», и руководители обоих ведомств об этом знали, каждодневно ощущали себя под контролем и потому были вдвойне лояльны.

Брежнев понимал значение для власти и средств массовой информации, особенно главных из них – Гостелерадио и «Правды». И там в руководстве были люди, полностью ориентировавшиеся лично на него.

* * *

Это, так сказать, сильные качества, важные для самого Брежнева, а были ли у него положительные качества, существенные для общества? По моему убеждению, были, во всяком случае, в первые годы и, конечно, до того момента, как он заболел. Среди них я, прежде всего, назвал бы отсутствие склонности к экстремистским, авантюрным решениям. В его внешнеполитической деятельности это довольно быстро развилось в искреннюю поддержку политики смягчения международной напряженности, улучшения отношений с другими странами, ограничения вооружений. Его главная внешнеполитическая идея была – уберечь мир от ядерной катастрофы. Думаю, в глубине души он считал именно это своей миссией. Умеренность, отсутствие стремления к ужесточению политики, нелюбовь к острым политическим «блюдам» проявлялись у Брежнева и в подходе к внутренним делам.

Эти положительные стороны деятельности Брежнева, конечно, не могли обеспечить решение всех назревших проблем страны, не могли даже остановить набиравшие силу негативные процессы. Но они все же предотвращали в течение ряда лет многие дополнительные неприятности, которые могли бы

произойти при тогдашнем уровне руководителей и их политических настроениях.

Все дело, однако, было в том, что Брежнев оказался не «проходным» лидером, правившим короткое время, а находился на высшем в стране посту целых восемнадцать лет. Притом в период, когда задача не сводилась к тому, чтобы «не раскачивать» государственный корабль, когда нужно было осуществлять радикальные изменения во всех сферах жизни общества. Но как раз на это Брежнев был органически не способен, в чем вскоре пришлось убедиться и тем, кто под впечатлением реформы 1965 года все же на что-то надеялся. Почему? Прежде всего, из-за тех своих слабостей, отрицательных черт, о которых говорилось выше. У него не было ни представления о глубоких переменах, в которых нуждается страна, ни умения разобраться в плане таких перемен, пусть и подготовленном другими, верно его оценить и провести в жизнь. Это был лидер, смотревший назад, не способный подняться над старым.

* * *

Хотелось бы коротко сказать и о личных чертах Брежнева. И я бы здесь начал с положительного, тем более что и сам он умел и любил показывать именно эти, хорошие свои стороны. В принципе (до болезни – я снова вынужден сделать эту оговорку) это был человек, не лишенный привлекательности, даже известного обаяния. Он не был жесток, хотя, по-моему, все-таки достаточно злопамятен. В обхождении был прост, умел и, как мне кажется, любил проявить внимание к окружающим – во всяком случае, к тем, кого хотел склонить на свою сторону. Во многом, особенно в том, что связано с войной и своими военными воспоминаниями, был даже сентиментален. Друзей старых, если они его не предавали, помнил и, как правило, не оставлял без поддержки. Не любил объясняться с людьми в случае конфликтов, вообще предпочитал избегать неприятных разговоров. Что, впрочем, оборачивалось нередко очень дурным образом: люди, которых незаслуженно очернили, оклеветали, даже не имели возможности защититься, а иногда просто не знали, за что вышли из доверия и попали в опалу.

Мог он иногда и удивить. Так, когда бывал в хорошем настроении, особенно во время застолья (он рюмки, пока был здоров, не чурался, хотя меру, по-моему, знал; впрочем, тогда ему уже было почти шестьдесят лет; о том, что случалось в молодости, судить не берусь), вдруг начинал декламировать

стихи. Знал наизусть, к моему удивлению, длинную поэму «Сакья Муни» Мережковского, а также немало стихов Есенина. Потом я узнал разгадку. В молодости Брежнев (об этом он как-то при мне рассказал сам) мечтал стать актером, играл в «Синей блузе» – так называли коллективы самодеятельности, выступавшие в двадцатых и в начале тридцатых годов с революционным, ну а для того чтобы привлечь аудиторию, и с лирическим репертуаром в клубах, на предприятиях и в красных уголках. Известная склонность к игре, к актерству (наверное, было бы слишком назвать это артистичностью) в нем была. Я подчас замечал, как он «играл» роли, и, надо сказать, неплохо, во время встреч с иностранцами.

Но так же, как в политике, в личных качествах Брежнева были и негативные, даже очень неприглядные черты. Была в нем подозрительность – может быть, и не природная, а воспитанная долголетней работой в аппарате. Отсюда же, я думаю, стремление и умение использовать других людей в своих целях, в том числе и для неприглядных дел.

* * *

Пока Л.И. Брежнев был здоров, его негативные качества – и политические, и личные – были не так заметны. Все радикальным образом изменилось, когда он заболел. Я уже говорил, что знал двух Брежневых: одного – до, а другого – после болезни. Не в том смысле, что один был хорошим, а другой – плохим. И до болезни Брежнев был, в общем-то, функционером, попавшим на должность лидера, человеком, наделенным всеми негативными чертами аппаратчика того времени, притом очень умелого. Но, вместе с тем, он имел и качества, выгодно отличавшие его от большинства других: умение слушать, поначалу трезвое, непреувеличенное представление о своих возможностях, политическую осторожность и умеренность, склонность уходить от конфронтаций, искать, где возможно, соглашения. Как во внешней политике, так в какой-то мере и во внутренних делах.

В начале своей деятельности на посту генсека не был он лишен и скромности, и здорового юмора. Приведу лишь один факт. Как-то в готовившуюся для Брежнева речь вставили пару цитат из произведений Маркса. Он прочел и сказал: «Ну зачем это? Кто поверит, что Леня Брежнев читал Маркса?»

После окончания любой работы он не забывал поблагодарить ее участников, а иногда даже устраивал по этому поводу торжественный ужин и наделял присутствовавших сувенирами.

Болезнь притушила, а потом во многом вытравила положительные черты и безмерно усугубила негативные. Хотя, конечно, и здесь речь шла о довольно продолжительном процессе: после первого заболевания Брежнев поправился; временами даже складывалось впечатление, что дело идет на лад. Но ухудшения учащались, а улучшения становились все более короткими…

И вот как раз в этих условиях (отчасти, возможно, потому, что он утратил контроль над собой) на первый план вышли подозрительность и любовь к сплетням (поначалу, видимо, тщательно скрываемые, а потом расцветшие, не без помощи подхалимов, пышным цветом, ставшие безграничными), тщеславие, страстная потребность собой красоваться. К этому добавлялись глубоко сидевшие в нем, в семье, в близком окружении мещанство, стяжательство, а главное – очень невысокий уровень нравственной требовательности к себе, как, впрочем, и к окружающим. Все это принимало такие формы, что мне не раз приходило в голову: может быть, его болезнь только ускорила уже идущий процесс распада личности?

* * *

Другие отрицательные личные черты Брежнева, к сожалению, имели и общественные последствия. Много толков вызвали приписанные Брежневу молвой материальные злоупотребления. Я не думаю, что есть основания, а тем более политический смысл, затевать посмертно специальное расследование. Но поводы для сплетен и сам Брежнев, и особенно члены его семьи, несомненно, давали. Например, его любовь быть за рулем автомобиля была бы не таким уж предосудительным хобби (он, кстати, имел права водителя-профессионала), если бы он не выбирал самые роскошные заграничные марки – «роллс-ройсы», «мерседесы» и т. д. Если бы Брежнев не давал зарубежной печати повода так широко обсуждать эту тему страсти советского лидера к роскошным автомобилям, говорить о том, что при встречах на высшем уровне он их один за другим получает в подарок. Ведь и статус этих машин, составивших вскоре целый автомобильный парк, оставался неопределенным: то ли они принадлежали ему и членам его семьи, то ли эти машины были казенными.

Стяжательство, наверное, гнездившееся где-то глубоко в натуре Брежнева (не говоря уж о некоторых членах его семьи), стало в последний период его жизни проявляться в особенно неприглядных формах, притом часто на глазах самой широкой публики. Знаменитым перстнем с бриллиантами, подаренным

ему в Баку Г. А. Алиевым, он открыто, забыв обо всем, любовался на глазах у миллионов советских телезрителей.

Москвичи, а вслед за ними и жители других городов и регионов узнавали о дачах, которые строятся для его сына и для дочки. Ну и, конечно, «царские охоты», о которых шло немало разговоров, как и об «охотничьих домиках», на деле являвшихся большими домами, настоящими хоромами с зимним садом, бассейном и прочими атрибутами.

Много было и другого, и к реально существовавшему добавлялось, естественно, еще больше вымыслов и домыслов, тоже подрывавших авторитет власти, руководства и компартии. Все это создавало эффект домино, так как явно подавало дурной пример чиновникам всех рангов, фактически утверждало вседозволенность. Последняя достигла невиданных масштабов. Произвол обязательно связан с вседозволенностью. Единственное, что мог в это привнести от себя Брежнев, – очень уж видный всем, беззастенчивый «личный пример» и не знавшие границ либерализм и попустительство в отношении особенно близких к нему людей – Щелокова, Медунова, Рашидова, Алиева и Кунаева.

Для целой группы людей, окружавших Брежнева, узаконивались роскошные дома приемов и «охотничьи домики», дорогие подарки и всевозможные услуги тех, кто ведал дефицитом; такая система стремительно распространялась вглубь и вширь – на республики и их руководителей, затем на области и города, в чем-то на районы, даже на предприятия и хозяйства. Границы между дозволенным своим и недозволенным чужим стирались.

Ответственная должность превращалась нечестными людьми в кормушку. Все дурное, что проступало в Москве, тут же дублировалось в провинции – и спецлечение, и специальные жилые дома, и спецстоловые – все, вплоть до пресловутой «сотой секции» ГУМа, торговавшей импортным и отечественным дефицитом.

* * *

Во всех неблаговидных делах, которые удобряли почву массового недовольства, немалую роль, как уже отмечалось, играла семья Брежнева. Конечно, трудно спорить с тем, что это не снимает ответственности с него самого – ведь он не только терпел, но, может быть, и поощрял дурные нравы членов семьи, прежде всего своих детей. Наверное, это так. Но я не хочу искать виноватых, а просто констатирую факт: от семьи, от

многочисленных родственников, а также от близких к ним людей, тянувшихся за Брежневым шлейфом с Украины, Молдавии и других мест его прежней работы, шло что-то дурное, растлевающее, усугублявшее многие его личные слабости и недостатки.

Кое-что Брежнев не мог не видеть. Рассказывали, например, что он не раз с горечью жаловался и на поведение дочери, и на запойно пившего сына. Но это не мешало Брежневу покрывать скандальное поведение дочери, и, конечно же, без его ведома и согласия ее последний муж – Чурбанов – просто не мог бы сделать такую головокружительную карьеру: из заурядного милицейского политработника в считаные годы он стал генерал-лейтенантом, первым заместителем министра внутренних дел, был избран в высшие партийные органы, получал награды, машины, дачи и т. д.

То же самое относится и к сыну Брежнева, который был выдвинут в первые заместители министра внешней торговли и в состоянии тяжкого похмелья, надев, чтобы не было видно опухших глаз, темные очки, не раз вел ответственные торговые переговоры (правда, им, как рассказывали, постоянно руководила одна из его сотрудниц, кстати, по слухам, более или менее сносно разбиравшаяся в делах).

Детьми дело не ограничивалось. Заместителем министра стал брат Брежнева, страдавший тем же пороком, что и сын. Не были обделены и дальние родственники, и родственники родственников, и их друзья.

К тому же, как часто бывает, хорошая черта – доброе отношение к товарищам, их поддержка – переросла в черту плохую и очень опасную: покровительство старым дружкам. В какой-то мере это было, конечно, частью той ловкой кадровой политики, о которой уже говорилось: Брежнев хотел и умел расставлять на ключевые посты «своих» людей, пусть совершенно бездарных, но преданных ему. Потом, насколько можно судить, к этому добавилось уже слабоволие перед напором, натиском рвавшихся к власти родственников, приятелей и знакомых. А Брежнев сознательно или интуитивно опасался свежих, сильных и ярких личностей, предпочитал людей серых, посредственных, а подчас и крайне сомнительных с точки зрения их моральных качеств.

Нельзя снимать с Брежнева вину за то, что его слабостью, проявлявшейся в содействии «блестящим карьерам» своих детей, этим чадолюбием за счет государства, ловко пользовался карьерист Щелоков.

* * *

О Щелокове следует сказать несколько слов особо. Брежнев отлично понимал, где находятся рычаги власти, и потому поспешил назначить «своего» человека на пост министра внутренних дел. Щелокова он знал давно и был, видимо, уверен в его преданности. О его качествах, о том, что это был не только серый и ничтожный, но аморальный и даже готовый на преступления человек, сегодня говорить, наверное, нет нужды. Как и о том, что под его руководством коррупция в одном из главных правоохранительных органов государства – МВД – достигла невиданных масштабов. О преследованиях честных работников МВД и их самоубийствах, равно как о присвоении ценностей и хищениях писалось много, так что я останавливаться на этом не хочу. Упомяну только об амбициях этого человека, о которых слышал от некоторых секретарей ЦК, работников аппарата и от Андропова.

Дело в том, что Щелоков, видимо, ощущал, что зарвался, и выход видел только в одном: быстрее, как человек на тонком льду, бежать вперед, забраться так высоко, чтобы обеспечить себе неприкосновенность и при Брежневе, и, по возможности, после него. Его мечтой было стать председателем КГБ и членом Политбюро. Не знаю, может быть, на каком-то этапе болезни Брежнев и уступил бы неистовому давлению своего старого приятеля. Но от такой перспективы были в ужасе большинство тогдашних членов руководства. Мне несколько раз приходилось слышать, в частности от Андропова, о том, что он, Андропов, договаривался с Пельше и Сусловым, что вместе или каждый в отдельности они со всей решительностью поставят перед Брежневым вопрос о Щелокове, о том, что его надо одернуть, остановить его карьеру, а лучше всего – снять.

Знаю, что этот вопрос перед Брежневым ставили, правда, не уверен, что достаточно решительно. Но каждый раз дело кончалось ничем. Единственное, что, может быть, удалось, так это остановить бег Щелокова вперед (хотя, собственно, и достигнутого им было более чем достаточно: генерал армии, член ЦК, Герой Социалистического Труда и даже доктор экономических наук).

* * *

Щелоков был фигурой одиозной, едва ли кого-то можно ставить с ним на одну доску. Но плохих «своих» людей у

Брежнева было немало, и он постарался расставить их на многих ключевых постах. Он считал, например, необходимым иметь несколько лично преданных, действительно доверенных лиц в Комитете госбезопасности и держал их там на высоких постах заместителей председателя (Андропову он хотя и доверял, но, тем не менее, считал необходимым «проверять» – это был все-таки не полностью «его» человек, не такой, которого он поднял «из грязи в князи».)

Я говорю о Цвигуне и Циневе. Оба также были щедро наделены наградами и званиями, обоих честные люди не любили и боялись. Первый из них покончил с собой еще при жизни Брежнева. Это самоубийство в ходивших тогда разговорах и публикациях западной печати связывали каким-то образом с делами, разворачивавшимися вокруг дочери Генерального секретаря, но я судить об этом не берусь. Что касается Цинева, то он еще несколько лет после смерти Брежнева оставался на своем посту, а потом ушел в почетную отставку.

Самым вредным, просто чудовищным для страны было, по моему глубокому убеждению, назначение Н.А. Тихонова, этого малограмотного, бездарного человека (тоже из старых приятелей Брежнева), на ответственнейший пост – Председателя Совета министров страны. Вклад в экономический упадок нашего государства он внес немалый.

Много ставленников Брежнева было и на других высоких постах – заместителей Председателя Совета министров, ответственных деятелей Вооруженных сил, министров (один из них – печально знаменитый министр водного хозяйства и мелиорации Васильев).

* * *

Не могу не сказать коротко и о принявшем в ходе болезни Брежнева чудовищные размеры, но, видимо, заложенном в его характере изначально тщеславии. Самое нелепое его проявление – это страсть к наградам. Меня поражало, как этот человек, отлично знавший всю наградную «кухню», сам награждавший множество людей, мог придавать орденам и медалям такое большое значение. Это было похоже на памятное с войны страстное желание молодых офицеров заслужить награду, вернуться домой «и с грудью в крестах, и с головой на плечах». Может быть, у Брежнева что-то осталось от тех эмоций, но это стало почти что помешательством: он забылся, перестал понимать, что награждает себя сам, а подхалимы ему только

подают все новые идеи, делая на этом карьеру. Он любил не только получать награды, но и носить их. В этом, по-моему, уже проявлялась наряду с тщеславием патология: болезнь, распад личности, который становился все более очевидным в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов.

К этому же разряду дел относится и эпопея с писательскими «подвигами» Брежнева. Не знаю точно, кто был ее инициатором, но большую роль сыграли и немало от этого для себя получили Черненко и, как говорили, Замятин.

Брежнев был неплохой рассказчик, у него до болезни была хорошая память, и он любил делиться подчас остроумными, точно схваченными историями и сценками из своего прошлого – молодости, фронтовых лет, секретарства в Запорожье, работы в Казахстане и Молдавии и т. д. При этом он часто повторялся, но слушавшие вежливо не подавали виду, смеялись, выражали одобрение, а подхалимы не раз подсказывали ему идею все это записать (имея, конечно, в виду, что писать будет не он – он вообще никогда не писал, а продиктует, чтобы потом кто-то привел все в божеский вид). Но до поры до времени эти идеи воспринимались как дурная шутка. Пока не стали в конце концов дурной реальностью: была собрана небольшая группа грамотных, обладавших литературным дарованием людей, в их распоряжение предоставили документы и продиктованные стенографистке «байки» самого Брежнева, его рассказы. Ну и, конечно, они получили возможность обстоятельно поговорить с очевидцами тех или иных событий, чтобы включить в повествование и их воспоминания. Весь проект хранился в глубочайшей тайне. Я узнал о нем случайно за пару недель до публикации первой повести в «Новом мире».

Вот так появились на свет ставшие печально знаменитыми «Малая земля», «Возрождение», «Целина».

Скажу честно, по тем временам появление книги, написанной за лидера другими, само по себе не было необычным делом, исключая разве что жанр – в «изящной словесности» другие руководители до Брежнева себя не испытывали.

Но самое чудовищное было даже не это, а то, что началось после публикации повестей. Они были встречены оглушительным воплем хорошо организованного восторга. Соответствующие номера «Нового мира», а потом книги становились чуть ли не обязательным чтением в сети партпросвещения. Союз писателей тут же выдвинул повести на Ленинскую премию, которая поспешно была присуждена. Немалое число именитых писателей (я их ни критиковать, ни оправдывать не хочу, нередко им это сделать предлагали, а отказываться люди боялись – помнили, что

не раз это вело к опале) опубликовали на эти сделанные посторонней (хотя подчас умелой) рукой поделки восторженные рецензии. Притом именно как на произведения литературы. Хотя, наверное, абсолютно все в нашем огромном государстве, включая самых глупых и неискушенных, были уверены, что ни одна страница в этих шедеврах «изящной словесности» лично Брежневым написана не была.

Сама по себе эта литературная эпопея в сравнении с другими огромными расходами на прихоти начальства стоила, наверное, не так уж дорого. Но, мне кажется, моральный урон общественному сознанию и общественной нравственности был нанесен огромный: принародно разыгрывался постыдный спектакль, в который не верили ни актеры (кроме, пожалуй, исполнителя главной роли), ни зрители, – и это изрядно добавило недоверия к власти, усилило политическую апатию и цинизм, которые и так разъедали сознание и души людей. В символическом смысле это была как бы эпитафия очень печальному, много стоившему нам отрезку нашей истории – застою (в самом подлинном смысле этого слова), апогей которого я бы датировал 1976–1982 годами.

* * *

Заключая свои воспоминания о Брежневе и его эпохе, хотел бы подвести некий итог.

Первое. Это был отнюдь не худший из возможных тогда лидеров. Во всяком случае, так было, пока его не сразили болезнь и старость.

Второе. Брежнев нагляднее, чем это могли бы сделать сотни политологов и публицистов, показал своим поведением, всем, что при нем происходило в стране, насколько немощны, негодны действующие в СССР политические механизмы, вся политическая система.

Третье. Я и, думаю, многие другие уже не ждали, что процесс упадка страны и партии, так очевидно обнаружившийся в годы застоя, может быть остановлен. Хотя, с другой стороны, нельзя не видеть, что, какой бы ни была политическая надстройка, общественные потребности все же проявляются, пробивают себе дорогу. Не хочу только, чтобы это воспринималось как «фаталистический оптимизм». Я также верю и в дурные случайности и отнюдь не считаю, что мы уже вышли из зоны опасностей, включая самые серьезные.

И, наконец, *четвертое.* Часто оценку политическим лидерам

дают их преемники. В сравнении рождается новое понимание и пережитой эпохи, и ее политического руководства. Брежнев здесь не исключение. Первоначально его и связанный с его именем период только что не проклинали. Потом постепенно оценки и отношение к нему и его периоду начали меняться, сравнение с современностью все более шло в его пользу. Я не хочу этим сказать, что надо радикально менять оценку прошедшего периода. Но сегодня стали виднее не только его пороки, но и то, что отличает в лучшую сторону это время от последовавшего периода.

Юрий Владимирович Андропов. Несбывшиеся надежды

О многих его качествах часто говорилось в последние годы – о незаурядном уме и политической одаренности, необычной для руководителей той поры интеллигентности. Хотя она не основывалась на солидном формальном образовании (в значительной мере его интеллект развивался на основе самообразования, которое, естественно, не могло гарантировать от известных пробелов в знаниях).

Андропов выделялся среди тогдашних руководящих деятелей, в том числе «оснащенных» вузовскими дипломами и даже научными титулами, как весьма яркая фигура. Что, замечу, не всегда было для него, для его карьеры полезно. То ли понимая это, то ли в силу присущей ему природной скромности, он всего этого стеснялся, пытался прятать. Выделялся Андропов на фоне тогдашних лидеров и в смысле нравственных качеств: был известен личным бескорыстием, доходившим даже до аскетизма. Правда, эти качества, проявлявшиеся в личной жизни, уживались, когда речь шла о политике, с весьма гибкими представлениями о морали, с неизменно негативным, но подчас примиренческим отношением к тем неприглядным, во многом отталкивающим «правилам игры» и нормам взаимоотношений, которые за долгие годы утвердились в обществе, и особенно в его верхах.

Словом, фигура это сложная, многомерная, и у меня просто нет того писательского дара, который позволил бы дать достоверный литературный портрет этого человека. Потому я ограничусь, в дополнение к сказанному, некоторыми впечатлениями о тех сторонах личности Андропова и его деятельности, которые мне открылись в ходе многолетнего знакомства, общения, в отдельные периоды совместной работы.

Хотел бы при этом оговориться, что в моих оценках, при всем старании быть объективным, может быть, все же проявится личное отношение – хорошее, в какие-то моменты граничившее с восхищением, а в другие – сменявшееся досадой, даже горечью: как так, почему он в этот важный момент дал слабину, смалодушничал, ошибся! Вместе с тем я не был слеп к его недостаткам и неверным поступкам, замечал их и, случалось, говорил ему об этом, что приводило подчас к охлаждениям в отношениях, обидам и даже ссорам.

В целом у нас были хорошие отношения, в чем-то доверительные, хотя – с учетом разницы в положении, а часто и

во взглядах, естественно, – не до конца и, конечно, с должной дистанцией. Начиная с внешнего: он со мною был на «ты», хотя звал по имени и отчеству, лишь в редких, более интимных разговорах обращался по имени. Я себе фамильярностей не позволял, и к ним в общении с этим человеком даже не тянуло. Но часто просто забывал о формальностях, говорил с ним прямо, хотя, если не был в запале, с определенным резервом.

Он это понимал и, когда хотел получить совершенно откровенное суждение, старался раздразнить, что ему, как правило, удавалось; изредка к этому приему прибегал и я, хотя, скажу честно, с меньшим успехом – он намного превосходил меня в житейском опыте, искусстве и навыках общения с людьми.

С 1964-го по 1967 год я служил под его началом в аппарате ЦК КПСС – первое время консультантом, затем руководителем группы консультантов. Когда Андропов был назначен председателем КГБ, он постарался сохранить товарищеские отношения со мною и некоторыми другими работниками отдела ЦК, нередко звонил по телефону, время от времени (со мною, наверное, раз в полтора-два месяца) встречался; как правило, в своем кабинете на Лубянке. После возвращения в мае 1982 года Ю.В. Андропова в ЦК КПСС я стал встречаться с ним много чаще, как по его, так и по моей инициативе. О том, как складывались наши отношения, когда он стал Генеральным секретарем, расскажу ниже.

На чем основывались эти длительные – более чем двадцатилетние – и не лишенные взаимного доверия отношения? С моей стороны – на искреннем уважении. Его не меняли понимание слабостей Юрия Владимировича, несогласие с ним и споры по ряду вопросов, в том числе крупных. А также на чувстве долга – я считал, что, излагая ему письменно и устно информацию, свои соображения по разным вопросам, могу как-то, хоть в минимальной мере, содействовать принятию верных, на мой взгляд, политических решений и препятствовать решениям, опять-таки, на мой взгляд, неверным, опасным.

Ну и, наконец, чтобы помочь людям, попадавшим в беду, кого-то прикрыть от несправедливых преследований, где можно – восстановить справедливость. Только с его помощью я добился отмены тюремного заключения некоторых людей, в том числе несправедливо осужденного инвалида Отечественной войны, Героя Социалистического Труда, известного председателя колхоза из Одесской области Белоконя, помог ряду людей, которым грозила расправа за «подписантство» или «инакомыслие», пытался, иногда не без успеха, выручить некоторых деятелей культуры, над которыми сгущались политические тучи. Для себя

я у него ни разу ничего не просил, хотя он и меня, случалось, прикрывал от наветов и доносов. Некоторые из них мне (наверное, в назидание, чтобы держал ухо востро!) он даже показывал, давал почитать.

Я как-то не задумывался тогда, в чем состояла его заинтересованность в поддержании добрых отношений со мною. Но сейчас, по прошествии лет, я пришел к некоторым личным выводам. Надеюсь, их изложение не будет принято за нескромность. Андропов, во-первых, знал (о чем как-то даже сказал мне), что я не скажу ему неправды, тем более желая угодить или не желая вызвать недовольство и гнев (хотя он, конечно, понимал, что не во всех случаях я ему говорю всю правду). Это в те времена было делом не таким уж частым среди тех, кто общался с руководством. Андропов – сужу и по другим товарищам, с которыми он сохранял отношения, – такое качество ценил.

Во-вторых, он с интересом и доверием относился к моим суждениям (хотя нередко их проверял), прежде всего по вопросам внешней политики.

В-третьих, по моему мнению, как и по мнению других людей, с которыми общался, он из первых рук, а не по пересказам составлял собственные суждения о настроениях интеллигенции.

И, в-четвертых, у него, как у каждого нормального человека, иногда возникала естественная потребность поговорить по душам. Он со временем убедился, что я ни разу его не подвел, умел о деликатных вещах молчать.

* * *

Ну а теперь о своих впечатлениях об этом человеке. Повторю: в личном плане это был человек почти безупречный: он выделялся среди тогдашних руководителей равнодушием к житейским благам, а также тем, что в этом плане держал в «черном теле» свою семью. Его сын работал несколько лет в Институте США и Канады на самой рядовой должности с окладом 120 рублей, но когда в разговоре заходила речь о нем, Андропов просил об одном: «Загружай его побольше работой». Как-то с возмущением сказал, что сын совсем зарвался – попросил сменить двухкомнатную квартиру на трехкомнатную, хотя вся-то семья – он, жена и ребенок. (От себя замечу, что дети других членов Политбюро с такой семьей имели и трех-, и четырехкомнатные квартиры.)

Помню и такой эпизод: я ему рассказал как-то, что какой-то

подхалим выписал партию автомашин «мерседес» и «вольво» и по дешевке продал детям руководителей, а те на них красуются, вызывая только еще большее раздражение и возмущение людей.

Андропов покраснел, вспыхнул и сказал: «Если в твоих словах содержится намек, знай: у меня для всей семьи есть только «Волга», купленная за наличные восемь лет назад».

А через несколько минут, когда отошел, сказал, что действительно это безобразие и разврат само по себе, а ко всему прочему– политическая бестактность. «Но ты сам, понимаешь, что жаловаться мне на это некому, едва ли есть смысл в еще одном поводе для ссоры чуть ли не со всеми руководителями».

О семейных, личных делах Андропов говорил крайне редко. Помню, один раз рассказал – видно, тяжко было на душе – о болезни жены, начавшейся осенью 1956 года в Будапеште, во время осады восставшими советского посольства, и связанной с пережитым шоком.

Сам он был лишен житейских недостатков, во всяком случае, видимых, – был приветлив и тактичен, почти не пил, не курил. Но не рассматривал все это как добродетель, не ханжествовал, не ставил подобные житейские прегрешения в вину другим, иногда отшучивался: я, мол, свою «норму грехов» выполнил в более молодые годы.

Андропов умел расположить к себе собеседника, и это, наверное, не было просто игрой, а отражало привлекательные стороны его натуры. Я не знаю случаев, когда бы он сознательно сделал подлость.

Но оставить в беде, не заступиться за человека, даже того, к кому хорошо относился, Андропов мог, и здесь я хотел бы сказать о его негативных чертах, одна из них – это нерешительность, даже страх, нередко проявлявшиеся не только в политических делах, но и когда надо было отстаивать людей, тем более идеи. Слабость эта вела к готовности слишком легко идти на серьезные компромиссы. Мне кажется, Юрий Владимирович в глубине души это сознавал и пытался найти себе какое-то оправдание. Такие компромиссы, уступки, уход от борьбы он прежде всего оправдывал соображениями «тактической необходимости». О них он охотно рассуждал вслух, и в частности нередко корил меня: вот, мол, цели ты видишь правильно, стратег ты неплохой, а тактик– дерьмовый (он употреблял и более сильные выражения).

Иногда я с этой критикой соглашался, иногда нет, а один раз не выдержал и сказал ему, что если поступать так, как он все время предлагает (речь шла о внутренних делах), можно получить «короткое замыкание» в бесконечной тактике и напрочь потерять стратегию.

Андропов обиделся, и на некоторое время наши отношения даже охладились, но не надолго.

* * *

Другой слабостью Андропова было неумение правильно оценивать некоторых людей. В этом плане он был внутренне предельно противоречивым человеком, отчасти это были просто ошибки, и только они. В других случаях – чрезмерное увлечение тактикой, а иногда и следствие определенной противоречивости его политических взглядов.

Всю ту часть жизни Андропова, которой я был свидетелем, ему были свойственны как кадровые удачи, даже находки, так и серьезные просчеты. Например, работая в ЦК КПСС, он, с одной стороны, собрал очень сильную группу консультантов, а с другой – выдвинул своим преемником мелкого, неумного и лишенного принципов К.В. Русакова, не раз брал заместителями слабых, вредивших делу людей, и терпел не только бездельников и бездарных людей, но и таких, которые наносили немалый политический вред, чего он не мог не понимать.

Его кадровую политику в КГБ оставляю за скобками – слишком уж это закрытая сфера, но если попытаться оценить все, что он сделал в плане отбора и выдвижения людей, находясь в составе политического руководства партии и страны, опять сталкиваешься с труднообъяснимой противоречивостью.

С одной стороны, он был первым или одним из первых, кто оценил такого незаурядного политического деятеля, как М. С. Горбачев. Знаю это достоверно. Впервые эту фамилию я услышал именно от Андропова в 1977 году, весной. Дату помню, поскольку начался разговор с обсуждения итогов визита С. Вэнса, потом перешел на болезнь Брежнева. И я здесь довольно резко сказал, что идем мы к большим неприятностям, так как, судя по всему, на подходе слабые, да и по политическим взглядам часто вызывающие сомнения кадры.

Андропова это разозлило (может быть, потому, что он в глубине души сам с такой оценкой был согласен), и он начал резко возражать: ты, мол, вот говоришь, а ведь людей сам не знаешь, просто готов все на свете критиковать.

– Слышал ли ты, например, такую фамилию – Горбачев?

– Нет, – отвечаю.

– Ну вот видишь, а подросли ведь люди совершенно новые, с которыми действительно можно связать надежды на будущее.

Не помню, чем тогда закончился разговор, но во второй раз я

фамилию Горбачева услышал от Юрия Владимировича через год, летом 1978 года, вскоре после смерти Ф.Д. Кулакова, бывшего секретарем ЦК и отвечавшего за сельское хозяйство.

После чисто деловой беседы, касавшейся моих оценок ситуации в США, а также той реакции, которую вызвало в Америке и Европе размещение наших ракет СС-20, разговор перешел на внутренние дела, и здесь Андропов вдруг, без прямой связи с тем, о чем шла речь, как бы размышляя вслух, сказал:

– Вот негодники (он употребил более резкое выражение. – *Г.А.),* не хотят, чтобы Горбачев перебрался в Москву!

И, отвечая на мой недоуменный вопрос, объяснил: речь идет о назначении Горбачева на пост, который занимал Кулаков, а потом заговорил о чем-то другом. Но осенью того же года М.С. Горбачев (как развертывалось его дело, я достоверно не знаю) стал секретарем ЦК КПСС, ведавшим сельским хозяйством, а вскоре в ходе подготовки очередного Пленума ЦК я с ним впервые лично встретился.

Появление Горбачева в Москве в качестве секретаря ЦК КПСС оказалось, несомненно, очень важным делом, событием исторического значения, и если Андропов, как можно было догадываться, сыграл здесь какую-то роль – это одна из его больших, возможно, самых больших заслуг. Однако не исключено и то, что такой яркий, необычный человек, как Горбачев, мог бы и какими-то другими путями выдвинуться в руководство.

Но на одну удачу и здесь у Андропова пришлось несколько неудач – видимо, сыграли свою роль упомянутые выше обстоятельства. Он, в частности, пригласил из Ленинграда в Москву Г.В. Романова, фигуру совершенно одиозную; он покровительствовал Г.А. Алиеву, хотя – в этом я абсолютно убежден – не только не был замешан, но и просто не знал о тех темных делах, в которых того позже обвинили, а в его способностях и характере не разобрался. В представлении Андропова Алиев был тем же борцом с коррупцией, каким он его воспринял в конце шестидесятых годов.

Наконец, именно Андропов пригласил в Москву из Томска, поставил во главе кадровой работы в ЦК Е.К. Лигачева. К нему его, видимо, расположила тоже непримиримость к коррупции. Помню свой разговор с Лигачевым на поминках по Андропову в день его похорон, когда тот говорил, что не перестанет бороться против этого зла, чего бы это ему ни стоило, – я убежден, что говорил он искренне.

* * *

Но достаточно о личных достоинствах и недостатках. При всем их значении для политического лидера самое важное, конечно, – это его политика, политическое соответствие тем высоким требованиям, которые предъявляются к руководству такой политической силой, какой была коммунистическая партия, такой страной, как наша. Переходя к этому вопросу, я бы хотел сказать, прежде всего, что, по всем моим наблюдениям и впечатлениям, Ю.В. Андропова отличало отсутствие властолюбия, стремления к тому, чтобы стать «главным». Не исключаю, что он и начал о себе думать как о преемнике Брежнева просто потому, что не видел никого другого (во всяком случае, в тот момент в числе возможных кандидатур достойных не было).

Сам Андропов, по-моему, до начала 1982 года даже не пытался готовить себя к этой новой политической роли. Я помню, в частности, как во второй половине семидесятых годов несколько раз он отводил мои попытки заинтересовать его экономическими проблемами, говорил, что и не собирается становиться в них специалистом, хватает и своих дел. А на мои слова, что ему все же надо было бы пройти экономический «ликбез», чтобы лучше ориентироваться в ходе обсуждений этих вопросов на заседаниях Политбюро, так же, как и на предложение с помощью специалистов подобрать ему соответствующую литературу, отвечал (даже с известным раздражением), что у него на это нет времени. Думаю, если бы он уже тогда мыслил себя будущим лидером страны, то не мог бы не видеть необходимости восполнить недостаток экономических знаний.

Другой вопрос – обстановка наверху: полное «безлюдье», отсутствие достойных претендентов на лидерство не могли, я полагаю, не заставить его в какой-то момент начать думать, что он может стать политическим руководителем партии и страны – независимо даже от своего собственного желания. Ну а, кроме того, при нашей жестокой политической системе и традициях у каждого руководителя не могло не быть страха перед следующим лидером, который может с ним расправиться. Так что, если можно, лучше и безопаснее самому оказаться на самом верху.

Думаю, что по-настоящему такая перспектива обозначилась для него как более или менее реальная где-то в начале 1982 года, после кончины в январе М.А. Суслова. Уже в феврале начали ходить слухи, что Андропова прочат на его место. Вскоре мне представилась возможность спросить у Юрия Владимировича, имеют ли эти слухи под собой основание. При этом, помню, заметил в шутку, что со времени работы в аппарате ЦК не очень-то верю слухам о кадровых перемещениях, а став академиком, обосновал эту позицию научно: слухи обычно рождаются на

основе здравого смысла, а кадровая политика ЦК руководствуется какими-то иными, «более высокими» соображениями.

Андропов рассмеялся и сказал, что на этот раз слухи верны. Уже через несколько дней после смерти Суслова Брежнев предложил Андропову вернуться в ЦК на должность секретаря:

– Давай решим на следующем Политбюро и переходи на новую работу со следующей недели.

– Я, – сказал мне Андропов, – поблагодарил за доверие, но напомнил Брежневу, что секретари ЦК избираются Пленумом ЦК, а не назначаются Политбюро. Брежнев тогда предложил созвать Пленум на следующей неделе. Я заметил, что ради этого одного не стоит специально созывать Пленум, можно все сделать на очередном, уже объявленном Пленуме, который намечен на май. Брежнев поворчал, но согласился…

Из этого разговора у меня сложилось впечатление, что Андропов в связи с предложением Брежнева испытывал двойственное ощущение. О причинах можно было догадаться. С одной стороны, Андропов хотел бы вернуться в ЦК уже потому, что при смене руководства (а болезнь Брежнева прогрессировала) председатель КГБ окажется в крайне уязвимом положении. Сделать главу Комитета лидером партии и страны, как уже говорилось, было бы против всех традиций. Так что преемником Брежнева стал бы кто-то другой. Но кто бы им ни оказался, он, прежде всего, заменит главу КГБ, так как тот слишком много знает, не говоря уж о том, что новый лидер предпочтет иметь на таком посту «своего» человека. Так что многое говорило «за».

С другой стороны, Андропова – он потом об этом сам сказал – не мог не волновать вопрос: с чем связано, чем мотивировано предложение Брежнева? О своей смерти и о своих преемниках он вроде бы до сих пор не задумывался. Действительно ли Брежнев хочет, чтобы он руководил работой ЦК? Или же его под этим предлогом просто отстраняют от КГБ?

У меня было бы еще больше сомнений насчет отношения Ю.В. Андропова к этому предложению, если бы я знал некоторые другие детали. В частности, что Брежнев не прислушался к совету Андропова насчет его преемника и вместо рекомендованного им Чебрикова решил назначить Федорчука, возглавлявшего до того украинский КГБ, а также что какие– то уголовные дела, расследуемые КГБ, вроде бы коснулись людей, близких к семье Брежнева (с чем, как я писал выше, кое-кто связывал и самоубийство заместителя Андропова Цвигуна, лично тесно связанного с Брежневым).

* * *

Как бы то ни было, в мае Андропов сменил работу, обосновался на четвертом этаже в кабинете, который ранее занимал Суслов. На его место в конце 1982 года пересел Черненко, того сменил М.С. Горбачев; затем этот кабинет занял Е.К. Лигачев – прочная традиция: за вторым секретарем, как и за первым, был давно закреплен определенный кабинет. Уверен: тогда Андропов уже хорошо понимал, что вышел на позицию, которая делала его наиболее вероятным преемником Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Собственно, теперь уже сам ход событий заставлял его добиваться положения второго человека в руководстве.

Это было очень своеобразное время. Брежнев, а также, чего уж греха таить, его сподвижники – кто из чувства самосохранения, а кто из-за боязни людей, в свое время соперничавших с Брежневым, – утвердили власть узкой группы лидеров, в которой, несмотря на старость и болезнь, все же до последних дней своей жизни безоговорочно доминировал сам Генеральный секретарь. Все в этой группе уже стали практически несменяемыми, пока хоть как-то держались на ногах. Поэтому физиология была важнейшим фактором политики, а иногда все просто зависело от того, кто кого переживет.

Скажем, если бы Черненко чувствовал себя лучше или если бы Брежнев не пережил Суслова, а тот прожил бы еще год, Андропов, вполне возможно, и не стал бы в ноябре 1982 года Генеральным секретарем. Правда, и в реальной жизни обстановка оказалась очень непростой. Летом и в начале осени 1982 года мне пришлось довольно часто общаться с Андроповым, и хотя он, как правило, был очень сдержан в разговорах о том, что происходило в руководстве, и тем более о шедшей там внутренней борьбе, время от времени его прорывало.

Почти тотчас после того, как Андропов стал секретарем ЦК, Черненко, а следом и Брежнев ушли в отпуск. В каких-то делах Андропов этим воспользовался. В частности, «пробил» решение ЦК о переводе первого секретаря Краснодарского крайкома партии Медунова – человека, ставшего наряду со Щелоковым символом беззастенчивой коррупции, – в Москву, кажется, на должность заместителя одного из министров. Это имело большое практическое значение – Медунов, будучи в Краснодаре, легко блокировал расследование злоупотреблений в своем крае, а вскрыть этот гнойник Андропов очень хотел, надеясь, что таким образом начнет «проветривать» всю политическую обстановку и стимулирует борьбу со злоупотреблениями и в других местах. С юга, где отдыхало начальство, правда, пришли сигналы недовольства, и не только от Черненко, но и от Брежнева, хотя с

ним вопрос о переводе Медунова был, как рассказывал Андропов, согласован по телефону.

Насколько я могу судить, Андропов, видимо, утратил в тот момент прежний контакт с Брежневым и не мог быть уверен, что за его спиной не плелись его противниками интриги. В частности, назначенный председателем КГБ Федорчук начал в Комитете преобразования, которые очень задевали, беспокоили Юрия Владимировича (почему – не могу сказать, но он заметно нервничал, когда как-то об этом рассказал). Вершились и какие-то другие дела, выводившие из себя Андропова. Летом и в начале осени 1982 года он часто бывал в дурном настроении…

По-моему, 20 октября, через пару дней после выхода Андропова из отпуска, мне позвонили из его приемной и пригласили на встречу (я накануне попросился на прием, чтобы обсудить вопрос о преемнике недавно умершего Иноземцева). Я застал Андропова очень возбужденным и в таком хорошем настроении, в каком его давно не видел. Оказывается, у него пару часов назад было серьезное «выяснение отношений» с Брежневым.

– Я, – сказал он, – набрался духу и заявил, что просто не понимаю своего положения, желал бы знать, чего, собственно, хотело руководство, лично Леонид Ильич, переводя меня на новую работу: отстранить от КГБ или поручить вести более важные политические дела в ЦК.

Брежнев, выслушав, ответил, что хочет, чтобы Андропов брал в руки «все хозяйство».

– Ты – второй человек в партии и в стране, исходи из этого, пользуйся всеми полномочиями.

И пообещал ему полную поддержку. Это развязывало Андропову руки – в Политбюро и секретариате, в аппарате ЦК, где сильны были позиции Черненко, ситуация для Андропова была, видимо, непростой.

Не прошло и трех недель после этого разговора, как Брежнев скончался и его преемником стал Андропов. Может быть, Брежнев ощущал близкий конец? А возможно, это была чистая случайность? Не знаю.

* * *

Существеннее, однако, чем хроника тех событий, политическая оценка роли Андропова на протяжении того времени, что он был в руководстве. Я выскажу некоторые свои соображения и предположения, оговорившись при этом, что есть немало деталей, которых я просто не знаю, особенно в той части,

что относится к его работе в КГБ. На эту тему он со мною почти не говорил, хотя кое-что было нетрудно понять самому и сверить с тем, что доводилось узнать со стороны.

Первый пост, на котором Андропов в силу логики событий начал оказывать влияние на политику, был пост советского посла в Венгрии. Юрий Владимирович занимал его с 1954 до 1957 год, то есть в период, на который пришлись драматические события в этой стране, сыгравшие заметную роль и в международных отношениях, и в наших внутренних делах.

Я не могу давать оценки его работе в должности посла. Да и интересуют меня лишь те аспекты, которые могли оказать влияние на формирование политических взглядов Андропова в последующие годы. Ограничены и источники – рассказы наших людей, работавших в это время в Венгрии, а также некоторых венгерских товарищей, включая Яноша Кадара (с ним я несколько раз в 1983–1988 годах имел долгие беседы).

Первое, в чем сходятся мои собеседники-соотечественники: сообщения Андропова в Москву в месяцы, предшествовавшие вооруженному выступлению противников режима Ракоши осенью 1956 года, отличались необычной для тех времен откровенностью и даже остротой. Возможно, кстати, именно это спасло его политическую карьеру после венгерских событий, когда, как он рассказывал сам, эти сообщения подробно, чуть ли не под лупой исследовались. Андропов, в частности, критически отзывался о Ракоши и других венгерских руководителях, предупреждал, что, если мы и дальше будем делать на них ставку, это может окончиться серьезными потрясениями. Вместе с тем не исключаю, что рекомендации Андропова содержали и предложения о необходимости укрепления «закона и порядка», возможно, за счет какого-то наращивания нашего военного присутствия в Венгрии.

Это меня не удивило бы по той простой причине, что соответствовало тогдашнему нашему имперскому политическому мышлению, прежде всего в отношении социалистических стран Восточной Европы – стран, которым при нашем активном участии, более того, по нашей воле, в конце сороковых годов были навязаны и политический режим, и экономическое устройство, и внутренние порядки, отвечавшие нашим, вбитым десятилетиями сталинщины представлениям о социализме.

Это была одна из крупнейших ошибок нашей политики. Мы предпочли хорошим, взаимоуважительным отношениям с соседями военно-политический союз, который к тому же сопровождался грубым вмешательством в их внутренние дела. За это пришлось платить берлинскими, венгерскими, чехословацкими событиями. Но настоящий час расплаты

наступил лишь в конце восьмидесятых годов…

Нельзя сказать, что ненормальность, опасность положения, сложившегося после принудительной «социализации» восточноевропейских стран в конце сороковых годов, не была замечена. Уже в первые годы после смерти Сталина начались какие-то изменения в наших представлениях, пробивалось, пусть с трудом, понимание того, что надо считаться с экономическими и политическими интересами наших соседей.

Андропов, наверное, не мог вырваться за рамки противоречивого сочетания тех и других представлений. Но, судя по тому, что я знаю, он выделялся среди послов в этих странах тем, что был больше других открыт для новых идей и раньше своих коллег перестал относиться к стране, в которой был аккредитован, как секретарь обкома к своей области.

Сами трагические события в Венгрии в конце октября – начале ноября 1956 года наложили очень глубокий отпечаток на Андропова, он оказался в их политическом эпицентре. Понимал он их – это я знаю от него самого – действительно как вооруженную контрреволюцию, которую надо подавить, и это повлияло на его политическое мышление. Вместе с тем он, я уверен, лучше других видел, что распад существовавшей в Венгрии власти, размах и накал массового недовольства имели своей причиной не столько то, о чем говорилось официально, – заговор контрреволюционеров и происки из-за рубежа, сколько реалии самой венгерской действительности. Видел он и экономические проблемы, созданные неравноправным положением Венгрии в торгово-экономических отношениях с Советским Союзом.

На отношение Андропова к событиям в Венгрии, наверное, повлияли и личные, чисто эмоциональные впечатления. К нему стекалась информация о действиях тех, кто восстал, об их безжалостных расправах с коммунистами, партийными работниками и государственными служащими. Немало пришлось пережить и ему самому. Я уже упоминал, что события, в центре которых он оказался, стали причиной серьезной, на всю жизнь, болезни его жены. Вокруг посольства шла стрельба, обстреливали и самого Андропова, в частности когда он выезжал для встречи А.И. Микояна на аэродром.

У меня сложилось впечатление, что у Андропова в результате особенностей его интеллектуально-политического багажа и политических событий, в центр которых он попал, сложился определенный психологический комплекс. Люди, знавшие Андропова, назвали его позже «венгерским комплексом», имея в виду очень настороженное отношение к нарастанию внутренних

трудностей в социалистических странах и (это уже моя оценка) излишне быструю готовность принимать самые радикальные меры, чтобы предотвратить перерастание этих трудностей в острый кризис. Хотя надо признать, что, в отличие от многих других наших деятелей, к причинам такого рода кризисов Андропов не относился примитивно, видел их более глубокие экономические, политические и идеологические составляющие и не сводил антикризисные меры к применению силы, хотя и не исключал такого развития событий.

С этим связано проявление еще одного качества, отличавшего Андропова от многих его коллег. Когда вооруженное сопротивление противников власти, существовавшей в Венгрии, было подавлено, Андропов сразу же начал думать не о мести, не о сведении счетов с противниками, а о скорейшем установлении гражданского мира. Поэтому он в меру сил поддерживал кандидатуру Яноша Кадара, выдвинутого на пост руководителя партии, собственно, на пост нового лидера Венгрии. Кадара, которого Ракоши посадил в тюрьму, подвергал издевательствам и пыткам, держал под угрозой расстрела.

Я знаю, что не все в Москве благосклонно относились к этому предложению; многие думали: именно то обстоятельство, что Кадар был в тюрьме и чувствовал себя обиженным, могло отразиться на его отношении к Советскому Союзу, с руководством которого, как он знал, Ракоши не мог не согласовать его арест. Не окажется ли Кадар поэтому ненадежным союзником, не поведет ли он Венгрию по враждебному СССР пути?

Андропову, однако, удалось убедить Москву, что лидером должен стать Кадар, и его приход к власти помог довольно быстро вывести Венгрию из состояния глубокого кризиса и полной национальной деморализации.

* * *

Более близко мне пришлось наблюдать работу Андропова уже в отделе ЦК. Думаю, в целом его деятельность, а также его влияние на нашу политику во время пребывания на этом важном посту были положительными. Конечно, если судить по критериям того времени, учитывать, что действовал он в рамках господствовавших тогда и бывших непререкаемыми представлений о политике в отношении социалистических стран, да и внешней политики в целом.

Андропов в меру того, что считал возможным, настаивал, чтобы мы больше считались с самостоятельностью других

социалистических стран, с их интересами. Он старался при помощи политических и экономических средств предотвратить ситуации, которые могли бы привести нас к использованию силы для подавления попыток этих стран найти самостоятельные решения тех или иных проблем. Андропов выступал за более терпимое отношение к их поискам, даже если они означали отход от советского опыта, и был решительным сторонником экономической интеграции социалистических стран на новых основах, предусматривавших действительно взаимные интересы. Хотя, как упоминалось, глубоких экономических знаний у Андропова не было и он ставил эти вопросы лишь в общем, политическом плане. Как секретарь ЦК Андропов, насколько я мог наблюдать, не боялся выходить и за рамки своей непосредственной ответственности, поднимал вопросы об отношениях между Востоком и Западом, о нашей глобальной политике и о новых явлениях в международных делах.

В очень сложный период, непосредственно после октябрьского 1964 года Пленума ЦК КПСС, Андропов, пережив кратковременную опалу и болезнь (инфаркт), вел себя активно, поддерживал курс на мирное сосуществование и старался в таком духе влиять на Брежнева. Думаю, что в этом плане его роль в тогдашнем руководстве была уникальной. Я не знаю никого другого из людей столь высокого положения, кто бы последовательно пытался проводить такую линию. Хотя Андропов был при этом осторожным, соблюдал все упоминавшиеся правила тактики, так что мне часто казалось, что он ими даже злоупотреблял.

* * *

Что касается деятельности Андропова на посту председателя КГБ, то по причинам, о которых говорилось выше, я не берусь давать ей сколь-нибудь однозначные оценки. Здесь, насколько я знаю, положительное и негативное было перемешано особенно густо.

Прежде всего, надо иметь в виду, что в этот период все более заметной становилась тяга большой части руководства к возврату, хотя бы частичному, без крайностей, к сталинизму, и в частности к ужесточению карательной политики. Несколько раз я слышал от самого Андропова, а еще чаще от других, что в Политбюро раздавались открытые требования «сажать» – сажать диссидентов, людей, критикующих систему и отстаивающих свои мнения. Часто при этом выражалось недовольство

«либерализмом» тех, кто за это дело отвечает. Знаю, в частности, что раздавались, например, требования арестовать таких видных деятелей культуры и науки, как Солженицын и Сахаров.

Андропов этого не хотел и, наверное, в меру сил своих этому противостоял, отчасти по убеждениям – он по характеру был человеком не из того материала, из которого получались в свое время Ягоды, Ежовы и Берии, а отчасти, я допускаю, и потому, что был осторожен, усвоил урок XX съезда, разоблачившего злоупотребления в органах безопасности, оберегал свое доброе имя, свою репутацию.

В то же время в этот период в КГБ не только допускались аресты и осуждения невинных людей, которые впоследствии были реабилитированы, но получала все более широкое распространение весьма отталкивающая практика разнообразных форм борьбы с диссидентами. В дополнение к обычной слежке, постоянному политическому давлению были, и достаточно часто, попытки политически и морально дискредитировать диссидентов, иногда даже при помощи провокаций, запугивания, незаконного помещения их в психиатрические больницы. В практике была и высылка за границу, и лишение гражданства.

Андропов не мог не нести за это ответственность, и очень трудно – даже людям, испытывающим к нему уважение, – оправдать это тем, что он на такую практику шел, ее санкционировал, чтобы избежать других, более жестоких мер, которых требовали некоторые его коллеги, то есть прямых репрессий, арестов и уголовного преследования невиновных. Хотя требования такие, несомненно, раздавались, и уж сам себя он мог в собственных глазах именно так оправдывать.

Я отнюдь не хочу становиться в позу чистоплюя и моралиста; у меня, в частности, не вызывает сомнений правильность того, что он согласился возглавить КГБ в 1967 году – уступать этот стратегически важный пост неизвестно кому было просто опасно. Понятно и то, что за такое решение пришлось платить. Возглавив КГБ, Андропов должен был принимать репрессивные меры не только в отношении шпионов, изменников и ожесточенных врагов строя, добивавшихся его насильственного свержения.

Факт остается фактом: Андропов дал себя втянуть или сам втянулся в весьма неприглядные дела. В общем, оказалось, что и он не составлял исключения, поддался, как многие, той «порче», которая исходит от власти, от занимаемой высокой должности.

* * *

Не могу не сказать в связи с этим о деле, которым он очень дорожил, – о затее с организацией так называемого Пятого управления. Я думаю, что идея все же была подсказана кем-то из старых работников Комитета, что, конечно, не снимает ответственности с Андропова.

Впервые услышал я об этом вскоре после перехода Андропова в КГБ. Он как-то с гордостью сказал, что «работу с интеллигенцией» вывел из контрразведки: нельзя же, мол, относиться к писателям и ученым как к потенциальным шпионам и заниматься ими профессиональным контрразведчикам. Теперь, продолжал он, все будет иначе: делами интеллигенции займутся иные люди и упор будет делаться, прежде всего, на профилактику, на предотвращение нежелательных явлений.

Я тогда (поначалу с Андроповым спорить было легче: он только недавно ушел из ЦК, еще не ощущал себя «вождем» и отношения по инерции сохранялись у нас хорошие) набрался решимости и возразил, – сказал, что, во-первых, не понимаю, почему вообще КГБ должен «заниматься» интеллигенцией. Ведь не «занимается» он, скажем, рабочим классом или крестьянством. Понятно, что если какие-то представители интеллигенции, как и любой другой прослойки общества, становятся на путь преступлений, на путь контрреволюционных заговоров, антисоветской деятельности, то это уже дело КГБ, а остальное, мне кажется, вообще должно находиться в сфере внимания других организаций – ЦК КПСС, творческих союзов и т. д., но не карательных органов, будь-то контрразведка или какое-то новое управление.

Во-вторых, мне не кажется привлекательной «профессионализация» сотрудников КГБ в работе с интеллигенцией, то, что какой-то их круг будет «занят» исключительно интеллигенцией. Не пойдут ли они по пути тех жандармских офицеров, «работавших» с интеллигенцией при царе, которых описал в «Климе Самгине» Горький, по пути чистой «бенкендорфщины»?

Андропова покоробило это сравнение, он мне возразил, что я не понимаю реальностей, не знаю всего происходящего в обществе; то, что он задумал, означает значительный шаг вперед, отход от плохой старой практики, а отнюдь не возврат к «жандармской» деятельности.

Я высказал ему и еще одно сомнение, упирая на то, что создание специального управления приведет не к сокращению, а к росту числа различных дел и проблем с интеллигенцией. И по очень простым причинам: пока вопросы, связанные с интеллигенцией, оставались в ведении контрразведки, это было

все-таки для последней не основным и тем более не единственным занятием. Главным было разоблачение шпионов. Если же будет создано специальное управление, то ему ведь придется оправдывать свое существование и в отсутствии реальной работы придется ее придумывать, что может привести к возникновению серьезных проблем.

Андропов не принял этих замечаний всерьез, сказав, что я ничего в этом деле не понимаю, а через некоторое время увижу сам, какую эти изменения принесут пользу.

Потом из того, что доводилось услышать, в том числе от самого Андропова, у меня сложилось впечатление, что работой нового управления он весьма интересовался, и как «неофит» в делах КГБ чем-то в ней даже бывал увлечен, чрезмерно верил сотрудникам этого нового да и других управлений, а его работа оказалась отнюдь не безобидной. Произошло немало личных трагедий. Ухудшилась морально-политическая обстановка в стране, был нанесен дополнительный ущерб образу страны в глазах мировой общественности. В общем, была вписана еще одна постыдная страница в историю деятельности этого учреждения.

Так что (говорю об этом с горечью) Андропов несет ответственность за многие неправедные дела семидесятых – начала восьмидесятых годов: за преследование инакомыслящих, в том числе и за политические аресты, изгнание за рубеж, «психушки», включая и такие дела, ставшие печально знаменитыми, как преследование академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Это нельзя скрывать. Хотя можно вспомнить и отдельных представителей интеллигенции, которых он прикрывал от ударов и выручал из беды.

* * *

При Андропове, особенно по мере роста его политического авторитета, очень заметно росло и возглавляемое им ведомство – численно и даже по занимаемым в Москве, да и на периферии зданиям, а также по своему весу в структурах власти. Конечно, люди там, как я себе представляю, в основном были иные, чем в 1937 году или в другие периоды сталинских репрессий. Но все-таки столь большой рост влияния карательных органов был ненормален, и он оказывал на жизнь общества негативное воздействие.

Содействуя экспансии своей «империи», Андропов, я полагаю, не преследовал дурных целей, не стремился сделать наше государство более «полицейским» – скорее, речь шла просто о

ведомственном интересе, от которого не застрахованы и крупные политические фигуры. Но объективно это не могло иметь хороших последствий.

Не в оправдание, а для объективности хотел бы заметить, что при всем своем авторитете и в руководстве, и в возглавляемом им ведомстве, при всем том, что в период болезни Брежнева он мог пользоваться значительной самостоятельностью, Андропов все же себя не ощущал полным хозяином «в своем доме», то есть в КГБ. Я писал уже, что Брежнев всегда старался иметь на достаточно высоких постах в Комитете «своих», лично близких людей, докладывавших ему напрямую помимо Андропова, и это постоянно держало последнего в напряжении.

Вот один типичный эпизод. Как-то Андропов попросил меня срочно приехать. Пригласил сесть и сказал, что покажет мне одну «бумагу», о которой просит никому не говорить, но хочет со мной посоветоваться. «Бумага» представляла собой копию перлюстрированного письма одного моего близкого товарища, которого и сам Андропов знал лично, мало того – был с ним в хороших отношениях. Письмо было написано под настроение, очень искренне и касалось не только личных, но и политических переживаний автора, вызванных, в частности, тем, что работать приходилось, по выражению автора, под началом ничтожных людей, впустую, напрасно тратя энергию и время.

Поскольку речь шла о человеке, достаточно известном руководству, Андропов сказал, что ему придется показать письмо Брежневу, а тот, естественно, примет сказанное на свой счет. Потому реакции он ожидает самой негативной (таковой она и оказалась). Как быть?

Я попытался его отговорить: зачем показывать письмо, тем более что фамилии того, кого автор считает «ничтожным», нет и можно допустить, что имелся в виду не Брежнев, а кто-то другой. Мало ли у нас ничтожных и бездарных людей, в том числе и таких, на которых приходится работать автору письма?

Андропов, сказав, что на такой мякине никого не проведешь, заметил:

– Я не уверен, что копия этого письма уже не передана Брежневу. Ведь КГБ – сложное учреждение, и за председателем тоже присматривают. Тем более что есть люди, которые будут рады меня скомпрометировать в глазах руководства тем, что от Брежнева что-то утаил, да еще касающееся его лично.

Я ушел после этой беседы подавленный: в каком же мире кривых зеркал мы живем, насколько извращенные, аморальные нравы царят на самом верху?! Перлюстрация личных писем. Доклад о них главному лицу в стране. Да еще и надзор за тем,

кому руководитель доверил за всеми надзирать!

А ведь в этом эпизоде, скорее всего, открылся лишь маленький кусочек действительности. Между тем Андропов, возглавив КГБ, естественно, не мог уйти от самых неприглядных сторон деятельности этого учреждения. Думаю, нелегко было, постоянно сталкиваясь с изнанкой политических, служебных и личных отношений, поневоле копаясь в грязном белье общества, оставаться прежним собою.

Вместе с тем я все-таки считаю, что, окажись в это сложное время (даже безвременье) на посту председателя КГБ другой человек – практически любой из тех, кто был в те же годы на политическом горизонте, – развитие событий могло принять куда более тягостный оборот.

В течение многих лет своей работы в КГБ Андропов входил одновременно в высшее политическое руководство страны – был кандидатом в члены, а затем членом Политбюро, притом одним из самых влиятельных. В этом плане он, конечно, не может не нести ответственности за положение дел в стране, ее усиливавшийся упадок. Зная, однако, и политические механизмы, и нравы того времени, я бы не стал упирать на такие общие оценки – в существовавшей в руководстве обстановке не было принято вмешиваться в дела, тебе непосредственно неподведомственные, а тем более спорить с Генеральным секретарем. Так что, давая оценки, надо быть конкретным. Действительно большой грех на душе Андропова, если говорить о политике страны в тот период, – это Афганистан. Но об этом уже немало говорилось.

* * *

Короткий период в деятельности Андропова между его возвращением в ЦК КПСС в мае 1982 года и до смерти Брежнева, наверное, заслуживает позитивной оценки. Став, по существу, вторым человеком в партии, да еще в условиях тяжкой болезни первого, он, я думаю, больше, чем когда-либо раньше, ощутил ответственность уже не за ограниченный участок работы, а за общее положение дел в партии и в стране. Тем более что тяготы, проблемы и негативные стороны ситуации он знал лучше других из информации, которую много лет постоянно получал, возглавляя КГБ.

Вернувшись в ЦК, Андропов сразу же взялся за дело, не стал выжидать. Как я себе представляю, одной из проблем, которая его тогда больше всего волновала, была коррупция, разложение,

глубоко проникшее почти во все ткани нашего общества, и прежде всего коррупция среди руководителей разного уровня. О семье Брежнева я от Андропова в связи с этим никогда ничего не слышал, хотя на Западе об этом писали. Не исключаю, что он просто не считал возможным со мною об этом тогда говорить. Но из тогдашних разговоров помню, что особенно беспокоили его фигуры Медунова и Щелокова – людей, наглядно символизировавших растленность, безнаказанность и вседозволенность руководителей. Ну а кроме того, близких к Брежневу, бросавших на него тень.

В идеологической сфере, включая общественные науки, Андропов тоже проявлял известную активность, с чем были связаны и мои довольно частые встречи с ним в те месяцы. Он не планировал, во всяком случае тогда, каких бы то ни было драматических перемен, но явно хотел остановить наступление активизировавшихся консервативных, неосталинистских сил.

Во внешней политике с переходом Андропова на новую работу ситуация едва ли изменилась: он не стал здесь более влиятельным, как и раньше, входил в «тройку», которая готовила, а нередко и решала вопросы. В последней, помимо него, состояли также Громыко и Устинов.

Многого Андропов за это время, конечно, сделать не смог – с момента перехода на новую работу и до смерти Брежнева прошло менее полугода. Но все же обстановка в ЦК начала меняться. Это ощущали многие люди, и я в том числе. Те, кто видел перемены, начали с несколько большей надеждой смотреть в будущее. Потому, прежде всего, что впервые появилась реальная альтернатива «черненкам», «гришиным», «тихоновым».

Это, по существу, было главным – Андропов явно стал первым и основным кандидатом в преемники Брежнева. Наверное, он в это время шире, уже в масштабах государства, начал думать о тех проблемах, которые стоят перед страной. Это, возможно, помогло ему несколько лучше подготовиться к ожидавшей его роли политического лидера державы.

Однако к ноябрю 1982 года, когда скончался Брежнев, Андропов, даже став самым вероятным его преемником, все же не имел уверенности, что все гарантировано. Знаю это и потому, что из Австрии, где меня застала весть о смерти Брежнева, меня срочно доставили той же ночью в Москву на самолете Министерства обороны, который повернули в Братиславу с полпути, когда он летел из Праги в Москву. Вероятно, на Пленуме ЦК Андропов хотел все же иметь больше людей, которым мог доверять.

* * *

С ноября 1982 года начался последний период жизни Андропова, важный во многих смыслах, включая и возможность оценить вклад, который внес в политику, даже в судьбу страны этот деятель.

Сейчас уже начинают забывать, что после периода, который мы по праву зовем застойным, отнюдь не сразу последовала перестройка, что их отделяли почти два с половиной года. Период, мне кажется, важный для последующих событий, а также для нашего понимания собственной истории.

Пребывание Ю.В. Андропова на посту Генерального секретаря ЦК КПСС оказалось, как известно, очень коротким – четырнадцать месяцев, а если вычесть время тяжкой болезни, наверное, не более полугода. При всей скромности масштабов того, что было реально сделано, это были важные месяцы – они как бы ознаменовали собой перерыв дурной постоянности, движения по наклонной плоскости – движения, которому, как начинало порой казаться, просто нет конца.

Страна увидела, во-первых, что ею может руководить нормальный, внушающий доверие, даже не лишенный обаяния человек. Это само по себе давало немалые надежды.

Во-вторых, Андропов уже в первых своих выступлениях пообещал перемены – борьбу с коррупцией, всеобщей безалаберностью, поставил цель подъема страны, преодоления трудностей и решения проблем (о тех и других он начал говорить с откровенностью, от которой мы отвыкли).

В-третьих, люди увидели и реальные дела: они были восприняты как предвестники более значительных перемен. Были сняты с работы особенно одиозные фигуры, в том числе упоминавшиеся Медунов и Щелоков, усилилась борьба со взяточниками и казнокрадами, начали что-то делать для борьбы с коррупцией, наведения порядка, укрепления дисциплины (хотя иногда, скорее всего по инициативе местных властей, действовали нелепыми методами, вроде «облав» с проверкой документов в ресторанах и кинотеатрах в рабочее время).

Все это с первых месяцев и даже недель обеспечило Андропову огромную популярность. От него многого ждали все слои общества: и рабочие, и колхозники, и интеллигенция (в ее среде он был весьма популярен, несмотря на подозрительность, которую традиционно интеллигенты питали к КГБ). У людей родилась надежда и даже вера, что мы не обречены на вечное жалкое политическое прозябание, что мы можем добиться чего-то лучшего.

* * *

Можно ли сегодня ответить на вопрос, насколько обоснованными были эти надежды и что было бы, если бы Андропов прожил дольше, и куда он повел и привел бы страну? Это – непростой вопрос. Тем более что даже опытные, уже сложившиеся, сформировавшиеся политики, став лидерами государства, нередко меняются, развиваются в ту или иную сторону, растут, достигают вершин, которые могли еще вчера казаться для них недоступными, или, наоборот, обманывают ожидания и оказываются несостоятельными.

Но я все-таки рискну, если не ответить на этот вопрос, то, во всяком случае, изложить некоторые свои соображения. О том, в частности, к чему Андропов, согласно моим впечатлениям, тогда стремился, что он планировал в первые недели и месяцы своего пребывания на высшем в партии и государстве посту.

Я уже говорил, что Андропов яснее других лидеров видел наши назревшие и перезревшие проблемы, болячки и язвы (это не значит, что даже он видел их все и в их подлинных размерах). Для первого периода у него, конечно, были и какие-то свои, родившиеся еще до смерти Брежнева планы, и они, конечно, шли дальше наведения элементарного порядка и дисциплины, наказания особенно обнаглевших казнокрадов.

Судя по некоторым разговорам, он понимал, что общество, еще не оправившееся от сталинизма и натерпевшееся разочарований и унижений в годы, которые мы называем застойными, нуждается в серьезных реформах и обновлении. Но Андропов – этому его научила жизнь – был осторожным политиком и, как мне кажется, чрезмерно остерегался быстрых и крутых перемен. В том числе и в кадровых вопросах: необходимо было избавить партию и страну от некомпетентных, часто глупых, серых, к тому же очень старых, не имеющих сил работать людей.

Как-то, в первые дни после избрания Андропова Генеральным секретарем, мы с ним на эту тему поспорили. Я сказал, что без радикальных кадровых перемен ему ничего сделать не удастся. а он, согласившись, что множество работников, занимающих ответственные посты, несостоятельны, ответил, что пока их менять не будет, ибо не хочет иметь враждебный к себе Центральный Комитет, а нарушать Устав преждевременно, за три года до срока, собирая съезд или пачками исключая этих людей из Центрального Комитета на пленуме, как однажды сделал Брежнев, тоже не считает возможным.

Веря, что Андропов не хотел нарушать Устав партии, я все-таки не убежден в том, что дело было только в его

щепетильности. У меня сложилось впечатление, что Андропов просто не знал и не видел людей, которые могли бы заменить тех, кто достался ему по наследству. А многие из них при очевидной и для него слабости были ему не только понятны, но и чем-то близки. Кадровая политика, я думаю, как была раньше, так и осталась одним из его главных слабых мест. Андропов, хотя сам был другим, десятилетия жил и рос среди типичной для тех лет номенклатуры и просто не представлял себе ее массовой замены. Как и раньше, он, скорее, рассчитывал на то, что, повысив и приблизив к себе несколько человек, сможет компенсировать слабости остальных и решит проблему. Хотя в масштабах страны, а не ведомства, да еще если он хотел провести серьезные реформы, такая линия никогда не принесла бы успеха. Ну а к этому добавлялись и прямые ошибки, такие как с Романовым или Алиевым. Впрочем, не могу исключать, что через какое-то время он занял бы в этих вопросах другую позицию – просто заставила бы жизнь.

Но кадры все-таки инструмент, средство, пусть очень важное, такое, от которого зависит успех задуманного, а какие цели ставил перед собой Андропов?

Уверен, он видел, что состояние, в котором страна была не только при Сталине, но и при Брежневе, не нормально, что нужно многое менять, начиная с экономики. Но здесь скрывалась другая слабость Андропова, которая, я думаю, со временем дала бы себя знать. К экономическим проблемам он интереса никогда не проявлял, образа мыслей в этой сфере придерживался довольно традиционного, не выходя далеко за пределы представлений о необходимости навести порядок, укрепить дисциплину, ну еще повысить роль материальных и моральных стимулов. Конечно, если бы судьба, жизнь дали ему побольше времени, его взгляды могли бы измениться и в этих вопросах. Но, к сожалению, и здесь я говорю не только о здоровье, но и о положении в стране, такого большого времени история на просвещение наших лидеров не отпустила.

* * *

Наверняка была у нового Генерального секретаря своя программа в области внешней политики – здесь он был профессионалом (хотя профессионализм, бывает, сковывает новаторство). У него – это я знаю достоверно – не было сомнений относительно того, что жизненные национальные интересы страны требуют мира, ослабления напряженности, развития

взаимовыгодных связей. Хотя Андропов не всегда видел пути к этим целям, в том числе и потому, что не отдавал себе до конца отчета в том, насколько многое в сложившейся тяжелой международной ситуации надо отнести на счет нашей собственной политики.

Лучше всего он понимал, даже ощущал вопросы наших отношений со странами социалистического содружества. И здесь в его сознании, насколько я могу судить, созрел важный перелом – возможно, под влиянием наших неудач в Афганистане, за которые он вместе с Громыко и Устиновым нес особую ответственность, а также событий в Польше. Я склонен очень серьезно отнестись к выдвинутому (по нашей инициативе, конечно, – тогда иначе не могло быть) организацией Варшавского договора предложению заключить с НАТО договор о неприменении военной силы. По этому договору, что специально оговаривалось, стороны брали на себя обязательства: во-первых (подчеркиваю, во-первых), не применять силу в отношении любой страны, принадлежащей к ее собственному блоку, во-вторых, к противоположному блоку и, в-третьих, в отношении любой третьей страны.

Я думаю, это предложение отражало новые представления, созревшие в сознании Андропова и означавшие преодоление «венгерского синдрома», которым он долгое время страдал. Оно давало возможность нормализации наших международных отношений, и Андропов сделал по этому поводу заявление в одной из своих первых в качестве Генерального секретаря речей.

Что касается США, Запада в целом, то он, конечно, был сторонником разрядки, улучшения отношений. Но у Андропова были глубокие сомнения, что при администрации Рейгана на этом фланге удастся что-то сделать. После бурной антисоветской реакции администрации США на трагический инцидент с южнокорейским самолетом эти сомнения превратились в уверенность.

Не думаю, что Андропов был готов пойти так далеко по пути здравого смысла вопреки всем старым догмам, как это было сделано позднее в концепции нового политического мышления. Но необходимость в каких-то переменах, в каких-то сдвигах в нашей окостеневшей (в период, кстати, когда он был одним из тех, кто формировал политику) политической позиции Андропов ощущал. Несмотря на хорошие личные отношения с Устиновым, у Андропова вызывали известные сомнения, в частности, наши военные программы, позиция министерства обороны в вопросах разоружения. Думаю, поживи он дольше, в наших позициях на переговорах по разоружению произошли бы перемены, хотя,

возможно, не такие решительные, как в период перестройки.

К некоторым военным деятелям он испытывал и известное политическое недоверие. К их числу относился Н.В. Огарков. Как-то в моем присутствии, разговаривая с кем-то по телефону, он назвал его «наполеончиком» (напомню, что вскоре, но уже после смерти Андропова, тот был смещен с поста начальника Генерального штаба).

* * *

Что касается внутренних дел, то Андропов, как мне кажется, имел все же намерение добиваться решения ряда серьезных проблем в социально-политической сфере. Здесь он чувствовал себя увереннее, чем в экономике, – судя по беседам, а потом появились на этот счет и другие доказательства, он, в частности, считал необходимым развивать демократию (по тогдашним временам идеи, которые он высказывал, были смелыми, хотя сейчас показались бы очень скромными).

Беспокоило его и состояние межнациональных отношений в стране – видимо, еще работая в КГБ, он лучше других знал, насколько оно опасно. Важной задачей Андропов также считал улучшение отношений руководства с интеллигенцией, восстановление доверия и налаживание взаимоуважительного сотрудничества. Эти планы, однако, только еще вынашивались, и шел этот процесс медленно, так как его отвлекала и чисто аппаратная «кухня», на него давили со всех сторон (и прежде всего справа), и он не всегда этому давлению мог, а может быть, и хотел противостоять.

* * *

Но это мне стало очевидно позже, уже после того, как закончилась большая ссора между мною и Юрием Владимировичем. Произошла она в конце декабря 1982 года. Причиной, или скорее поводом, послужила моя записка Андропову. Поскольку он мне ее в тот же день вернул с фельдъегерем, без предупреждения приехавшим домой (я был рад, что куда-то ушла жена, которую внезапное появление офицера КГБ испугало бы, – ей я о ссоре рассказал несколько лет спустя), сопроводив очень злым, фактически порывавшим многолетние товарищеские отношения ответом, я считаю себя вправе подробнее рассказать об этом эпизоде.

О чем я писал Андропову? О том, прежде всего, что представители творческой интеллигенции испытывают разочарование в связи с происшедшими уже при нем назначениями в отделе культуры аппарата ЦК КПСС, а также в ряде издательств и редакций. «Параллельно, – писал я, – идет полоса снятия спектаклей в театрах, в том числе тех, что разрешались раньше». Этой волной, кстати, уже были затронуты Театр сатиры, Театр Маяковского, не говоря уж о Театре на Таганке. Все это уже родило пословицу: «Вот тебе и Юрьев день». И далее я призывал Андропова «остановить активность некоторых товарищей, пока у Вас дойдут руки до этой сферы».

Второй вопрос из тех, что я поднял, – попытки вернуть в лоно классического, сталинского догматизма нашу экономическую науку.

Я сообщал, в частности, о «директивных» лекциях, с которыми в последнее время гастролировал по крупнейшим академическим институтам заведующий сектором экономических наук отдела науки ЦК КПСС М.И. Волков. «Лейтмотивом этих поучений Волкова, – писал я Андропову, – было следующее: вся беда в том, что увлеклись конкретными исследованиями– хозяйственным механизмом, управлением и т. д., а надо заниматься главными категориями политэкономии, ее предметом и методом, общими законами, формами собственности и др. Везде как образец творчества и общественной полезности превозносилась экономическая дискуссия 1951 года и связанная с ней работа И.В. Сталина (по мнению настоящих экономистов – одна из самых неудачных и оторванных от жизни его работ). Вещал т. Волков и массу других нелепостей».

Весь дух лекций Волкова, по словам многих присутствовавших на них, был предельно догматичный и схоластичный. Выступления воспринимались как направленные против указаний о сближении экономической науки с практикой, помощи науки в решении наиболее острых и сложных экономических проблем.

«В ИМЭМО и у Олега Богомолова есть записи этих выступлений – их Ваши помощники могут запросить, – писал я Андропову. – Гул в этой связи идет большой – люди, опять же, не понимают, куда идет поворот, и на сей раз не только деятели литературы и искусства, но и люди очень деловые. Гадают и насчет запланированного совещания – не задумано ли оно как дубина против многих ученых и закрепление догматических позиций. Словом, создается впечатление, что дело здесь делается вредное и нечестное»…

Отвечая мне, Ю.В. Андропов обвинил меня в «удивительно

бесцеремонном и необъективном» тоне, в «претензиях на поучения» и отсутствии объективности, заключив, что это – «не тот тон, в котором нам следует разговаривать с Вами». (Меня удивило и насторожило, что впервые, наверное, с 1964 года он обратился ко мне на «вы».) Что касается существа поднятых мною вопросов, то он отверг все доводы о начавшемся зажиме в области культуры и не удосужился проверить факты о положении в нашей экономической науке.

«Я не знаю, что мог там «вещать» т. Волков, – писал мне Андропов, – но даже если взять на веру то, что Вы об этом пишете, то оснований для паники нет. Надо поправить его там, где он ошибается, и все».

И это писал мне искушенный политик, знавший субординацию, установленную между аппаратом ЦК и учеными!

«Вы пишете, – продолжал он, – что «гул в этой связи идет большой – люди, опять же, не понимают, куда идет поворот… не задумано ли запланированное совещание как дубина». На каком основании такие выводы? Разве ЦК «избил» кого-нибудь за последнее время? Ну а кому делать нечего, могут гадать, как им заблагорассудится».

Тоже несправедливо, думал я: кто-кто, а Юрий Владимирович знает, как ответственные работники аппарата ЦК могли ломать судьбы людей и даже целых направлений науки.

Но самое для меня существенное было написано в конце: «Пишу все это к тому, чтобы Вы поняли, что Ваши подобные записки помощи мне не оказывают. Они бесфактурны, нервозны и, что самое главное, не позволяют делать правильные практические выводы».

Я это понял иначе. Не как попытку меня поправить – это я всегда готов был принять, а как своего рода «декларацию» о прекращении отношений, и уж конечно прежних отношений. Притом почему-то не устную (даже пусть по телефону), а «документально оформленную».

Это был разрыв, большая ссора. Меня она крайне огорчила и удивила. Дело в том, что и тон моего письма и сами поднятые вопросы ничем не отличались от наших обычных бесед и тех записок, которые я Юрию Владимировичу время от времени посылал. Более чем двадцатилетние отношения как-то расположили меня к тому, чтобы не обращать внимания на условности, писать то, что думаю, не особенно заботясь о форме. и никогда это не вызывало гнева.

Перечитывая письма, я в тот вечер пришел к выводу, что могу себя упрекнуть лишь в двух вещах. Первая: излишне злой, хотя так не задумывал, получилась в контексте письма поговорка «вот

тебе и Юрьев день», тем более что здесь упоминался спектакль «Борис Годунов», – Андропов мог подумать, что я имею в виду какие-то исторические параллели.

И вторая: возможно, зря я выпустил из виду, что прежний Юрий Владимирович, став первым в партии и стране лидером, изменился и был теперь несколько другим Юрием Владимировичем – во всяком случае, ожидал другого обхождения с собой. Хотя в это не хотелось верить – я считал его слишком крупным и умным человеком для того, чтобы власть вскружила ему голову и привела к такой неожиданной для меня открытой вспышке.

Тут же я позвонил А.Е. Бовину – единственному человеку, кому я мог оба письма показать и посоветоваться. Мы встретились на троллейбусной остановке на Кропоткинской. Шел дождь, и, прикрывая письма рукой, я их ему прочел при свете уличного фонаря.

Бовин, тоже хорошо знавший Андропова, согласился со мною, что дело было не в самом моем письме, во всяком случае, не в одном моем письме. Юрий Владимирович, скорее всего, использовал его как повод, чтобы осуществить что-то уже задуманное– «дистанцироваться», отодвинуть меня подальше. Согласился Бовин также с тем, что мне не надо ни извиняться, ни объясняться, ни пытаться уладить инцидент. Оставалось одно – принять и понять посланный сигнал: «Не путаться под ногами».

Буквально через несколько дней по какому-то случаю аналогичное столкновение произошло у Андропова и с Бовиным, что утвердило меня во мнении: письмо было лишь поводом.

Но что же стало причиной? Я, естественно, не раз об этом думал и все больше утверждался во мнении, что дело было в попытках некоторых представителей руководства, в частности, Зимянина, Устинова, может быть, Черненко (не исключаю, что участвовали и люди из окружения Андропова), изолировать нового руководителя от тех контактов и связей, через которые он мог получать независимые, отличающиеся от официальных мнения и оценки. До меня доходило: был пущен слух, конечно же, услужливо доведенный до Андропова, что некоторые люди, ранее работавшие с ним (включая меня), распространяются о своей давней дружбе с Генеральным секретарем, пытаются нажить на этом политический капитал.

Конечно, остается открытым вопрос: как сам Юрий Владимирович, столько лет знавший нас, мог поверить этой чепухе? Ответ я вижу, прежде всего, в том, что у Андропова была слабость прислушиваться к сплетням и даже иногда внимать им, а также не портить отношения со сплетниками, особенно если это

люди высокопоставленные.

Ну а второе – это болезнь. Андропов уже был тяжко болен, и это нередко сказывалось на его суждениях.

* * *

В том, что болезнь сыграла свою роль и Андропов не полностью себя контролировал, меня убедили последующие события.

В январе на каком-то приеме меня отозвал в сторону работник МИД СССР, мой хороший товарищ В. Суходрев. По его словам, сидящий с ним в одном кабинете сын М.В. Зимянина всем рассказывает, что Андропов «снял с Арбатова стружку» за то, что тот вмешивается в дела культуры и искусства, даже поссорился с ним.

Ничем, кроме болезни Юрия Владимировича, я не мог объяснить такую его откровенность с М.В. Зимяниным, о котором он был нелестного мнения и не раз мне об этом говорил, и даже выразившееся в этой откровенности предательство.

Чуть позже Андропов, поверив доносу, будто я что-то не то сказал о руководстве приезжавшим в Москву американцам, поручил поговорить со мной на эту тему своему преемнику в КГБ, и это с учетом давних отношений и существовавшего доверия, я не мог объяснить не чем иным, как болезнью!

В конце концов, даже получив донос, он просто мог спросить у меня о том, что происходило, – лично либо через любого из своих помощников, а не обязательно через председателя КГБ.

…Шли месяцы. В мае 1983 года Андропов неожиданно мне позвонил, чтобы поздравить с шестидесятилетием. Хотя разговор был короткий, почти официальный, мне показалось, что у него все же скребут на душе кошки, как и у меня: я не мог не думать, что вот сейчас, когда, может быть, особенно нужны нормальные рабочие отношения с этим человеком, так как он действительно нуждается в квалифицированной помощи, мы с ним в ссоре, дали себя поссорить…

Вскоре – в июле или в начале августа – состоялось примирение. М.С. Горбачев позвонил и сказал, чтобы я немедленно связался с Юрием Владимировичем. Я это сделал, и в тот же день состоялась встреча – теплая, глубоко меня тронувшая, хотя при этом и не обошлось без горьких слов, сказанных друг другу. А за ней последовали другие, деловые. Болезнь несколько отпустила, и Андропов стал серьезно думать о следующих шагах – и во внешней, и во внутренней политике.

Во время одной из таких встреч он поручил мне подготовить записку к крупному (это было его выражение) разговору об отношениях и работе с интеллигенцией. В те же дни Бовин получил аналогичное задание по национальному вопросу. Не исключаю, что подобные задания были даны и другим…

В общем, у этого человека мысль снова активно работала, притом в правильном направлении. Складывалось впечатление, что он все же отходит от первоначального замысла «малых дел», готовится поставить крупные, жизненно важные вопросы.

Вскоре я отправил Андропову заказанную им записку; некоторое время спустя он по телефону меня поблагодарил и сказал, что читал ее, многое в ней ему показалось интересным и он надеется вскоре со мною ее обсудить, чтобы дать поставленным вопросам ход. Но это так и осталось одним из неосуществленных замыслов – вскоре Андропов снова заболел и уже к работе не вернулся…

* * *

После его смерти один из помощников, у которого хранилась личная рабочая папка Юрия Владимировича, записку мне вернул. Я раскрою подробнее ее содержание по той причине, что она – одно из немногих известных мне, пусть косвенных, свидетельств политических планов Андропова, выношенных в тот короткий период, когда он был лидером партии и страны. Было интересно увидеть отчеркнутые им места – то, что привлекло особый интерес и, видимо, должно было пойти в работу.

Скорее всего, это были мысли, которые волновали и его самого, их Андропов хотел так или иначе воплотить в политику. Отчеркнуты были, в частности, рассуждения о том, что в плане социально-политическом и моральном интеллигенция даже и сегодня, через шестьдесят шесть лет после революции, «когда уже не осталось того, что называли «буржуазной интеллигенцией», все же трактуется как последняя, наименее органичная и важная среди всех трех основных социальных образований общества».

«Конечно же, – продолжал я, – при случае о ней – после рабочего класса и крестьянства – говорят что-то хорошее. Но говорят с известным снисхождением, похлопыванием по плечу, даже с оговорками, а в разговорах среди чиновников, «в своем кругу», «интеллигент» остается почти бранным словом».

И далее шел снова отчеркнутый текст: «Не знаю, нужно ли и важно ли сейчас что-то делать с этой, так сказать, доктринальной стороной вопроса. Хотя можно было бы, не отказываясь от

признания особой роли рабочего класса, все же напирать на полноправность, на одинаково неотъемлемую роль и функцию обоих классов и «прослойки», на то, что различия носят, скорее, исторический и философский, а сегодня – профессиональный характер, но не затрагивают политического и социального положения в обществе…»

Отмечая, что вопрос может казаться не таким уж важным, удаленным от реальности, я писал: «Не думаю, например, что рабочий и крестьянин получают большое удовлетворение от того, что их ставят в перечислениях впереди, послышнее о них говорят, подчеркивают, что их много в советах…»

И следующая фраза была снова отчеркнута Андроповым: «Противостояние, как мне кажется, идет сегодня по другому направлению – не рабочие и крестьяне, а часть чиновничества и бюрократии (особенно руководящая интеллигенцией) противопоставляет себя интеллигенции, говорит о ней снисходительно, а подчас даже и недоброжелательно. С ними рядом и те представители самой интеллигенции, которые свою профессиональную, а подчас и интеллектуальную слабость норовят компенсировать демагогией насчет близости к народу (особенно к деревне). Наверное, махаевщина не грозит рабочим и крестьянам, а стала, скорее, реальной болезнью обюрократившихся элементов аппарата».

Следующее отчеркнутое место относилось к «нововведению», автором которого был, насколько я знаю, Е.К. Лигачев, ставший при Андропове секретарем ЦК КПСС и ведавший организационно-партийной и кадровой работой: «Недавно было принято решение не принимать на работу в аппарат ЦК людей, не бывших ранее на освобожденной партийной работе. Это автоматически исключает из работы в аппарате ЦК специалистов-международников, ученых, журналистов, деятелей культуры и искусства, в конце концов, просто заслуживающих доверия хозяйственных руководителей, врачей и учителей. Утверждается, по сути, аппаратное сектантство. Учитывая, что из этого постановления сделают свои выводы республики и обкомы, партийный аппарат скоро будет состоять лишь из тех, кто с юных лет избрал чиновничью стезю и вознамерился «руководить», стать начальством, кто со студенчества или первых трудовых лет пошел в аппарат (сначала, как правило, РК комсомола) и рос в нем, двигаясь по ступенькам. Превращать работу в партийном аппарате в своего рода суррогат дворянства, как мне кажется, крайне опасно… Это более широкий вопрос, чем интеллигенция, но имеет отношение и к ней – думаю, в шестидесятых годах ничего плохого не произошло от того, что наряду с повзрослевшими комсомольцами в международные и

некоторые другие отделы пришли научные работники, журналисты, дипломаты. Может быть, стоило бы попробовать их, равно как отличившихся на работе, обладающих партийным складом мышления инженеров, экономистов, врачей, и в других амплуа – скажем, секретаря или заведующего отделом обкома, на ответственной хозяйственной работе и т. д.?»

* * *

Судя по отчеркнутым на полях местам, заинтересовал Андропова и ряд суждений насчет «отношений между творческой интеллигенцией и руководством».

Я начал с утвердившихся, так сказать, традиционных принципов и методов руководства культурой и искусством. «Наследие здесь у нас, наверное, нелегкое, и в нем мы еще как следует не разобрались. Я имею в виду и теорию, начиная с таких важных принципов, как партийность литературы, социалистический реализм, свобода творчества и т. д., спору нет, написано о них и других аналогичных вопросах немало, но написанное благословляло очень разную реальную политику, в том числе глубоко неверную, впоследствии осужденную…»

Еще важнее были два более практических момента. Один – уточнение представлений о том, что в культуре и искусстве дальше политического и идейного руководства лучше не идти. а сами критерии политического контроля тоже, видимо, должны устанавливаться без перегибов. И второй – методы руководства. Здесь должны использоваться методы убеждения, и применяться они должны уважительно *(следовала тоже отчеркнутая сноска следующего содержания: «один из негативных примеров – опубликованная летом в журнале «Смена» разухабистая статья историка Н.Н. Яковлева о личной жизни академика Сахарова и даже интимной жизни Боннэр»)*, квалифицированно, со знанием дела. Примыкает к этому вопрос о Главлите. Он не должен участвовать в партийном руководстве культурой и искусством. Его дело – не допускать выхода в свет контрреволюции, порнографии и выдачи государственных тайн – и все.

Отчеркнуты были и места, касавшиеся более конкретных аспектов отношений руководства и интеллигенции, в частности, о необходимости «диалога, налаживания (не для проработки, как делал Никита Сергеевич, и не для показухи, как часто делал его предшественник) нормального, систематического общения, и чтобы работало оно не как полупроводник, а в обоих направлениях. Руководство рассказывало бы цвету

интеллигенции о тех проблемах, которые им важно знать, но вместе с тем внимательно и заинтересованно слушало бы и этих людей.

И еще одно: у нас много талантов, но есть несколько безусловно великих деятелей культуры – таких, как Ч. Айтматов, С. Рихтер, Г. Товстоногов, Е. Мравинский. Их надо беречь и лелеять особо и не давать в обиду. Даже Сталин имел такой круг и сквозь пальцы смотрел на их грехи, а тем более – на доносы».

Вызвали у Андропова интерес и многие положения той части записки, где речь шла о больших проблемах так называемых массовых отрядов интеллигенции, прежде всего учителей и врачей, об их бедственном положении. Я писал (и он подчеркнул это место), что десять – пятнадцать процентов надбавки к зарплате здесь не помогут, надо готовить что-то более широкое и радикальное.

«Наверное, – писал я, – назрела глубокая реформа обеих сфер (образования и здравоохранения). Напрашивается, в частности, своего рода «индустриализация», а может быть, и научно-техническая революция – современная электроника и средства связи позволяют, например, лучшим преподавателям страны вести установочные уроки и тем более учить других учителей (в медицине еще шире поле для таких усовершенствований). Наряду с коренным совершенствованием программ это облегчит труд учителей, уменьшит их нагрузку (может быть, это позволит и дать им возможность достойным образом приработать к зарплате, пока их оклад не удастся поднять до приличного уровня).

Для здравоохранения (это место Андропов опять отчеркнул), если нет иных путей, наверное, лучше пойти на частичную и посильную (т. е. относящуюся к тем пациентам, у кого приличная зарплата) легальную оплату услуг медицины вместо уродливых форм, в которых это фактически делается сейчас».

Обратило на себя внимание Андропова и следующее положение: «Примыкает к учителям и врачам и многочисленный отряд инженеров. Здесь есть своя специфика, но общее одно – многое в их работе и условиях жизни и труда не соответствует высокому инженерному званию. И им, видимо, недодают, и они в ответ недодают, притом много. Может быть, стоит поговорить и на эту тему со специалистами».

* * *

Я не исключаю, что Андропов попытался бы пробить какие-то политические решения в развитие хоть некоторых из этих идей.

Хотя не уверен, что он проявил бы достаточную настойчивость, если бы столкнулся с серьезным сопротивлением.

Мне казалось, что судьба «бесхозяйственно» обошлась с этим незаурядным, даже талантливым, политически одаренным человеком. В том числе и тем, что «передержала» его на вторых ролях – он, может быть, просто слишком поздно, уже «перегорев», стал политическим лидером. Притом пришел к руководству изрядно помятым, изломанным теми политическими порядками и нравами, которые долгое время царили в стране.

Жить Андропову оставалось совсем немного. В начале января 1984 года я его видел в последний раз. Тогда с группой товарищей мы по его поручению готовили проект традиционной речи к намеченным на февраль выборам в Верховный Совет СССР. Предполагалось, что либо речь эта будет оглашена кем-то на собрании избирателей, либо, если позволит здоровье, он произнесет ее сам перед телекамерой. И вот мне как-то позвонил один из помощников Андропова и сказал, что в связи с вопросами, относящимися к речи, тот просит приехать к нему в больницу.

В палате он почему-то сидел в зубоврачебном кресле с подголовником. Выглядел ужасно – я понял: человек умирает. Говорил он мало, а я из-за ощущения неловкости, незнания, куда себя деть, просто чтобы избежать тягостного молчания, без конца что-то ему рассказывал. Когда я уходил, он потянулся ко мне, мы обнялись. Выйдя из палаты, я понял, что он позвал меня, чтобы попрощаться. Потом я узнал, что в эти дни с ним также встретились еще несколько людей, которых он давно знал, с которыми долго работал.

Через пару недель Андропова не стало. О смерти Андропова люди у нас в большинстве своем, насколько я могу судить, искренне горевали. Придя к руководству, он разбудил много надежд, а его быстрый уход оставил народ с ощущением неуверенности и разочарования. Тем более что преемником оказался К.У. Черненко.

Но прежде, чем коротко сказать о Черненко, хотелось бы все же подвести какой-то итог политической деятельности Андропова. Она, как я уже говорил, была совсем неоднозначна.

О плюсах и минусах, хорошем и плохом, белом и черном я уже говорил. Но как можно определить общий итог? Я думаю, он был все же положительным. Это – как бы пролог, увертюра к перестройке. И не только потому, что Андропов, возможно, сыграл роль в продвижении наверх – к позиции, которая открывала путь к политическому руководству страной, – М.С. Горбачева. Мне кажется, важным было и то, что, именно когда к

руководству пришел Андропов, страна начала просыпаться, выходить из состояния политического анабиоза, в который ее ввергли годы застоя.

Константин Устинович Черненко. Агония

Полоса реформ, перестройка могла бы начаться сразу после смерти Андропова. Судя по косвенным данным, он думал о смерти (даже спрашивал, сколько ему осталось жить, но его из человеческой жалости, а отчасти, может быть, и трепета перед «вождем» обманывали, говорили, что несколько лет) и, наверное, думал о преемнике. Незадолго до кончины у него состоялась, как я слышал, продолжительная встреча с Устиновым – он был тогда самым влиятельным, сильным человеком как по характеру (напористость, даже наглость со всеми, кто ниже, являлась отличительной чертой большинства «сталинских министров», тем более из оборонной промышленности), так и в силу того, что за ним стояло много дивизий. Громыко, например, сам человек напористый, перед Устиновым робел. Тем более это относилось к другим членам тогдашнего Политбюро. Потому, наверное, именно Устинову принадлежало последнее слово в решении вопроса о преемнике. Думаю, хотя подтвердить это ничем не могу, Андропов обсуждал с ним этот вопрос и, уверен, не мог рекомендовать Черненко – он, наверное, называл Горбачева.

Почему же Устинов не внял этому совету, не прислушался даже к мнению врачей? (Чазов, с которым я возвращался с Красной площади после похорон Черненко, клялся, что предупреждал год назад членов Политбюро, что Черненко безнадежно болен, неработоспособен, скоро умрет и потому назначать его на пост лидера нельзя.) Думаю, из очень корыстных побуждений: он сам, человек уже старый и больной (через полгода Устинов умер), наверное, боялся молодого и энергичного Горбачева, комфортнее чувствовал себя с умирающим Черненко. Догадку эту подтвердил и тогдашний помощник Андропова А.И. Вольский, который в интервью «Литературной газете» 4 июля 1990 г. рассказал: «Помню, в день Политбюро, после смерти Андропова, идут мимо нас в зал Устинов с Тихоновым. Министр обороны, положив руку на плечо премьер-министра, говорит: «Костя (т. е. Черненко. – *Г.А.)* будет покладистее, чем этот…» Горбачев, значит. Вот как решился вопрос о лидере великой державы».

Эти же чувства могли разделять и некоторые другие. Еще раз выявилась несостоятельность политических механизмов, сложившихся в нашей стране.

* * *

Что представлял собой Черненко? В общем, чтобы ответить на этот вопрос, не надо было очень хорошо знать его лично и по работе или вести серьезные исследования его деятельности. С ним все было ясно, очевидно, совершенно прозрачно.

Лидером стал профессиональный канцелярист, а не политик, канцелярист среднего пошиба, бюрократ. Его настоящим потолком был уровень заместителя заведующего общим отделом ЦК КПСС или заведующего канцелярией Верховного Совета СССР – Верховного Совета, который был больше церемониальным, чем рабочим органом, тем более не верховным органом власти.

Пользы от Черненко как руководителя, хотя он, возможно, был порядочный, не злой человек, ждать не приходилось, а зла он мог принести много – если бы, конечно, имел больше времени и был поздоровее. Фактор здоровья важен не просто в том плане, что он лично, собственноручно мог бы больше сделать, а прежде всего в том, что его бы принимали всерьез, боялись и слушались окружающие, старались под него подладиться, не колебались бы перед лицом близящихся перемен.

Реально же все понимали, что речь идет о переходном, очень кратковременном правлении. Одни делали вывод, что надо пройти через этот период с минимальными потерями и по возможности готовиться к тем серьезным переменам, которые в стране назрели и перезрели. К их числу, несомненно, относился М.С. Горбачев; он стал фактически вторым секретарем ЦК КПСС – это было легко распознать, поскольку он вел заседания секретариата ЦК, а в отсутствие Генерального секретаря – и заседания Политбюро (Черненко из-за болезни почти не присутствовал), и был не только добросовестен – делал все, что мог, чтобы заржавевшая машина управления страной все же функционировала, проявляя при этом лояльность в отношении больного Генерального секретаря.

Вместе с тем М.С. Горбачев в течение этого года, насколько я могу судить, очень много работал, постоянно встречался со специалистами из разных областей, слушал их, нередко с ними спорил, формируя и уточняя свою позицию по основным вопросам внутренней и внешней политики.

Только после смерти Брежнева Горбачев счел возможным открыто проявить интерес к внешнеполитическим проблемам. Думаю, потому, что такой интерес секретаря ЦК, занимающегося сельским хозяйством, воспринят был бы окружающими как заявка на лидерство. При Андропове он перестал этого опасаться, а при Черненко просто вынужден был активно включиться в международные дела. Визиты во главе парламентских делегаций в Канаду (1983) и особенно Великобританию (1984) были,

пожалуй, наиболее заметными его внешнеполитическими акциями в те годы. В месяцы черненковского периода, месяцы агонии застоя, вокруг Горбачева постепенно собиралась группа людей, поддерживавших идеи обновления, политики, которая потом получила название перестройки.

Основная часть руководства – члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК – как я мог понять, в этот период затаились в ожидании. Исход – близящаяся кончина Черненко – не вызывал сомнения, и тем не менее у многих брало верх желание «жить, как всегда» – в обычных повседневных делах, а подчас и интригах, которым перед лицом предстоящих крутых перемен грош была цена.

А некоторые, судя по доходившим слухам, не имея на то никаких оснований, маневрировали в надежде стать преемниками смертельно больного руководителя, так сказать, примеряли на себя «горностаевую мантию». Да и можно ли их всерьез винить; практически каждый – Гришин, Романов, Громыко – мог себе сказать: а чем я хуже Черненко? Эти настроения были очевидны, они стали главным предметом разговоров и очень негативно влияли на общественную мораль.

* * *

Вспоминая тогдашнюю ситуацию, я могу оценить ее как полное безвременье, предельный упадок, символом которых стали два появления на телеэкранах в начале марта 1985 года умирающего, поднятого со смертного одра и под руки подведенного к объективу телекамеры Черненко. Насколько я знаю, инициатива принадлежала лично Гришину, а не секретариату ЦК. Во всяком случае, Горбачев, которому я высказал свои негативные эмоции после первой передачи, просто ничего не знал – передачу он накануне не смотрел. Эти кадры обошли весь мир, по много раз прогонялись по телевидению как, видимо, желанное для наших недругов свидетельство нашей немощи, даже агонии.

Отчаянное состояние дел было очевидно вроде бы всем, и трудно поверить, что в тот период находились все же люди, пытавшиеся сделать ставку на Черненко, строить на нем, я бы даже сказал на его немощи, свои честолюбивые планы, а может быть, и свою карьеру. Но такие люди были. Среди них я прежде всего хотел бы назвать Р.И. Косолапова – тогда главного редактора журнала «Коммунист», до этого долгое время работавшего в отделе пропаганды ЦК КПСС, депутата Верховного

Совета СССР. Ему Черненко – не знаю уж почему – безгранично верил, считал его самым выдающимся идеологом и теоретиком, постоянно держал около себя. Косолапов вместе с некоторыми помощниками и приближенными Черненко вел себя смело, даже вызывающе. По взглядам своим Косолапов был, пожалуй, догматическим (хотя и грамотным, в смысле знания ортодоксальных цитат), начитанным сталинистом, и старался, благо должность главного редактора теоретического и политического журнала ЦК КПСС давала такую возможность, пропагандировать и распространять эти свои взгляды. Это меня, собственно, не удивляло, так как было для того времени даже естественно. Чего я не мог понять, так это его надежды использовать близость к Черненко, чтобы сделать карьеру, стать «главным» идеологом партии, пробиться в руководство.

Здесь Косолапов и его друзья бежали наперегонки со смертью. Их главная ставка была сделана на XXVII съезд КПСС, который по Уставу партии должен был состояться в феврале – марте 1986 года. Но уже к концу 1984 – началу 1985 года стало ясно, что Черненко до этого времени, скорее всего, не дотянет. Тогда под нажимом молодых карьеристов было принято решение перенести съезд на осень 1985 года. В марте 1985 года группа работников во главе с Косолаповым должна была выехать за город для подготовки съезда. Но их отъезд опередила смерть – буквально на пару недель…

Чтобы закончить тему, должен сказать, что Р.И. Косолапов уже в годы перестройки стал одним из идеологов левоконсервативной оппозиции – так называемого Объединенного фронта трудящихся (ОФТ), созданного консервативной частью коммунистического партийного и государственного аппарата и руководства профсоюзов и рассчитанного на привлечение рабочих при помощи требований о «диктатуре пролетариата» и правопопулистских лозунгов.

* * *

Для меня период правления Черненко был очень нелегким. Я с ним лично был знаком и, в общем, не ощущал с его стороны недоброжелательства. Зато его с лихвой проявлял ко мне родственник Черненко М.И. Волков, остававшийся заведующим сектором экономических наук отдела науки ЦК КПСС. Я уже говорил о развернутом при его активном участии (под руководством, видимо, Гришина и Зимянина) наступлении на экономические и международные институты Академии наук

СССР. Одним из следующих объектов преследования должен был, судя по всему, стать Институт США и Канады АН СССР.

Весной 1984 года подоспела и нацеленная против меня провокация. В западногерманском журнале «Штерн» появилась статья о К.У.Черненко, в которой приводились приписанные мне слова о том, что он, малограмотный крестьянин, никак не подходит для своей высокой должности. Я, разумеется, ничего подобного не говорил, да и чужд мне был сам подход – попрекать людей их «неаристократическим» происхождением. Зная московские связи западногерманского журнала, я пришел к выводу, что это – сознательно «скормленная» немцам одним из моих отечественных недоброжелателей дезинформация, и она, как я вскоре узнал, была тут же доложена руководству, стала предметом оживленных обсуждений в «коридорах власти».

Вскоре после этого я был у М.С. Горбачева и имел возможность поднять этот вопрос. Горбачев мне сказал, что слышал об этой истории и его не надо убеждать, что это ложь. «В чем-чем Арбатова нельзя обвинить, – заметил он, – так это в том, что он идиот и будет говорить такие вещи иностранным журналистам». Пообещав поговорить с Черненко, дал совет попроситься к тому на прием.

Я это сделал (дело было в первой половине мая), и вскоре был принят. Минут двадцать ждал в приемной (оказалось тоже полезным: сновавшие туда-сюда человек десять аппаратных работников меня видели и быстро рассказали другим). Потом минут двадцать – двадцать пять разговаривал с Черненко. По делам – об отношениях с США и о необходимости выработки более активной политики в Тихоокеанском регионе. Черненко слушал, все время кашлял, сплевывал в больничный флакон-плевательницу (помню такие по туберкулезному госпиталю времен войны). Вел себя вполне доброжелательно, сказал, что с тем, что я предлагаю, в принципе согласен и чтобы я вносил в ЦК записку. Я это сделал, но при жизни Черненко записка последствий не имела. Собственно, я их и не ждал…

Мой личный вопрос был на тот момент решен, меня на какое-то время оставили в покое, политическая же ситуация по-прежнему оставалась не только унылой, но и тревожной.

* * *

Вместе с тем в то время как-то вызревало понимание: еще одного Черненко, человека его взглядов, его интеллектуального и политического бессилия, страна больше не выдержит. И хотя не в

наших традициях было обсуждать политических деятелей, которые могли бы стать следующими лидерами, страна настолько устала от безликости, анонимности и серости руководства, что проблема преемника Генерального секретаря была у всех на уме, а к моменту смерти Черненко господствовало мнение, что единственным достойным претендентом на роль лидера является М.С. Горбачев, если только не считать мнения некоторых членов Политбюро, о котором можно судить по выступлению Е.К.Лигачева на XIX партконференции.

И еще маленький фрагмент. Весть о смерти Черненко застала меня в США, в Сан-Франциско, куда мы только утром прибыли с парламентской делегацией во главе с В.В. Щербицким. А вечером отправились в обратный путь. Люди в делегации и среди сопровождающих лиц были разные, в том числе по политической ориентации: писатель В.В. Карпов и старый аппаратчик, в то время заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Б.И. Стукалин, президент Украинской Академии наук Б.Е. Патон и генерал-полковник Н.Я. Червов, председатель Госбанка В.С. Алхимов, обозреватель Гостелерадио В.С. Зорин, работники аппарата Верховного совета, сотрудники КГБ из охраны.

Но в ту ночь (перелет до Нью-Йорка длился пять с половиной часов) никто даже не вспомнил об обычной осторожности, все открыто говорили об одном: лидером должен стать Горбачев, и только он, и даже грозились, если что будет не так, выступить на Пленуме ЦК.

В Нью-Йорке, где мы должны были пересесть из американского самолета в наш, делегацию встречали представители конгресса США, наш посол в США А.Ф. Добрынин и представитель СССР в ООН О.А. Трояновский. Когда мы сходили с трапа, они шепнули:

– Пленум уже состоялся. Генеральным секретарем избран Горбачев.

И в делегации началось настоящее ликование. Я полушутя сказал своим коллегам:

– Подождите радоваться, пока не сядем в самолет. У нас же национальный траур!

* * *

Как можно оценить этот короткий, наверное, не имеющий шансов получить много страниц в истории период – период Черненко? Поначалу у меня лично был однозначный ответ: потерянные тринадцать с лишним месяцев в такой трудный для

страны период. Потом я начал осторожнее относиться к оценкам. Может быть, эти тринадцать месяцев не были так уж потеряны, может быть, они даже были нужны, чтобы понять, насколько страна нуждается в переменах и реформах, притом радикальных. В этом смысле, может быть, и «черненковщина» готовила почву для перестройки.

Михаил Сергеевич Горбачев. На переломе

Избрание М.С. Горбачева Генеральным секретарем ожидалось с известным нетерпением и широко (хотя отнюдь не всеми) приветствовалось. С первых дней пребывания на этом посту он имел многочисленных сторонников, готовых ему помогать, с ним работать, а если понадобится, и вместе с ним бороться. В этом смысле Горбачев был в гораздо более предпочтительном положении, чем, пожалуй, любой его предшественник, может быть, за исключением Ленина, но обстановку в стране, настроения политической элиты и руководства партии того времени я знаю лишь по книгам и поэтому от категорических суждений воздержусь.

Мне хотелось найти какую-то краткую, но емкую характеристику М.С. Горбачева. Не знаю, удалось ли, но я рискну изложить свой вариант.

Мечтой, заветной целью Михаила Сергеевича было придать социализму «человеческое лицо», преобразовать социальный строй и режим. Это удалось лишь отчасти, пожалуй, и времени на это требовалось больше, и политическая программа должна была быть основательнее, точнее. Но что ему действительно удалось, так это то, что советский народ впервые за свою историю увидел во главе страны лидера с «человеческим лицом». Не божество и не тирана, не великого гения, но и не подпаска, а современного человека, с серьезным образованием, нормальной речью, цивилизованным поведением. Это заслоняло и ставшие вскоре очевидными недостатки – такие, как многословие, склонность к повторениям и т. д. Другие качества нового лидера – смелость, решительность (порой, правда, и ее нехватка), способность глубоко прорабатывать сложные вопросы экономики и политики – становились очевидными со временем, в течение следующих лет.

И уже очень скоро стало ясно, что очень многие (особенно среди более молодой части населения) восприняли перемены в высшем руководстве не только с удовлетворением, но в значительной мере даже с оптимизмом, обрели уверенность, что страна, наконец, выходит на верный курс.

Меня где-то с конца восьмидесятых – начала девяностых годов интересовал вопрос: имелся у М.С. Горбачева заранее продуманный, так сказать генеральный план радикальных перемен или его политика была в основном импровизацией и он действовал по известному рецепту Наполеона Бонапарта – ввязаться в драку в надежде, что ход событий сам подскажет, как действовать дальше.

Уже после того, как Михаил Сергеевич отошел от руководства страной, я решился задать ему этот вопрос. Он ответил так: над несколькими важнейшими проблемами я думал давно и имел какой-то общий план, а во многом действительно ход событий подсказывал, что делать дальше.

У меня нет сомнений в том, что этот ответ был точен и правдив.

* * *

О том, что Горбачев – человек незаурядный, думающий, способный к политическому творчеству, я впервые услышал от Ю.В. Андропова, о чем уже писал выше, а со временем я и лично убедился в справедливости тех высоких оценок, которые давал Андропов Горбачеву. Но сегодня меня больше занимает другое: что именно заставило Андропова обратить на него внимание, выделить из когорты многочисленных партийных руководителей?

Зная Ю.В. Андропова по совместной работе в ЦК КПСС, я убедился, что он быстро мог определить интеллектуальный потенциал и способность к самостоятельному мышлению работников. Думаю, что он увидел эти главные положительные черты тогдашнего секретаря ставропольского крайкома и потому решил его поддерживать и выдвигать, а позже – постараться сделать своим преемником на посту Генерального секретаря ЦК КПСС.

И это дает мне основания думать, что на высокий пост Горбачев пришел с неплохими «домашними заготовками», кое-какие из них он «обкатал» во время многочасовых бесед с Андроповым, ежегодно проводившим свой отпуск в Кисловодске, входившем в Ставропольский край.

Личность лидера, руководителя всегда была носителем субъективного, случайного в процессе развития общества, происходящего все же в соответствии с определенными объективными закономерностями. Но та или иная личность со своим набором качеств, особенностей мышления, характера и темперамента, как правило, оказывалась востребованной и могла по-настоящему реализоваться в качестве руководителя тогда, когда этот набор ее особенностей отвечал назревшим общественным потребностям.

Почему фигура Горбачева привлекала, я бы даже сказал, притягивала внимание руководящих деятелей страны, начиная с Андропова? Кроме молодости (а ему было тогда немногим больше 50 лет, что на фоне других тогдашних лидеров было

просто «комсомольским» возрастом) – солидное образование: не разного рода суррогаты вроде партшкол, а Московский университет!

И что может быть еще важнее – живой, острый ум, интерес к проблемам, к обществу, к людям. Эти качества были к 1985 году очевидны и более широким кругам как в партии, так и в обществе в целом, и они были востребованы, что объясняет быстрый и даже бурный рост популярности нового советского лидера.

* * *

Пока что я говорил о фактах, достоверность которых у меня не вызывает сомнений. Но отвечая на вопрос, с какими намерениями, с какими планами пришел Горбачев к власти в стране, я вступаю в сферу догадок, ощущений, умозрительных суждений.

Прежде всего, я уверен, что Горбачев отвергал практику сталинского тоталитаризма, и полагаю: он ясно понимал – Н.С. Хрущев только начал, я бы даже сказал, обозначил борьбу с ним, но и сам был непоследователен и тем более не обеспечил преемственности линии XX съезда, не создал гарантий против попыток повернуть страну вспять.

Горбачев, судя по тому, что я понял в его политических намерениях (притом изначальных, тех, с которыми он пришел на высокий пост), ставил своей целью продолжить и закрепить линию, начатую XX съездом КПСС. На практике это означало демократизацию порядков в стране, создание более надежных гарантий прав партийных и беспартийных граждан, включая право больше знать о политике и положении в обществе и более эффективно на эту политику влиять.

Вторая линия, я знал это с самого начала деятельности Горбачева на новом посту, относится к внешней политике – добиться серьезных и необратимых сдвигов, которые бы как минимум радикально ослабили накал «холодной войны», а по возможности и положили ей конец.

Третья кардинальная задача политики – и ее тоже не мог не видеть, не понимать Горбачев – была реформа экономики, ее оздоровление, выход из состояния хронической слабости и отставания.

В решении первой из перечисленных задач Горбачев добился очень многого, и что бы ни говорили его противники и недоброжелатели, страна за шесть лет преобразилась. Если до сих пор у нас сохраняются в каком-то виде демократические порядки

и институты, выборность, гласность, зачатки правового государства, то благодарить за это приходится не «либеральную» экономику, связанную с «шоковой терапией», Гайдара, не президентскую деятельность Ельцина. Это то, что осталось от «горбачевской эры», что не сумели до конца выполоть и вытоптать его преемники.

Что касается второй коренной задачи, связанной с внешней политикой, то здесь успехи были особенно велики. Горбачев завершил, хотя, может быть, несколько позже, чем это было необходимо и возможно, трагическую и бесславную войну в Афганистане и не начал ни одной новой войны, не спровоцировал ни одного международного кризиса.

С «холодной войной» было покончено – и не из-за твердости и усилившегося нажима Рейгана, а благодаря недюжинной мудрости и гибкости Горбачева и его политики. И вопреки утверждениям его недоброжелателей это было достигнуто отнюдь не за счет односторонних уступок и ослабления страны. Нет, Советский Союз тогда продолжал существовать как единое и могучее государство (никто не оспаривал его статуса «сверхдержавы»), безусловно, сохранялся стратегический паритет, а затея со «звездными войнами» была похоронена. Международный авторитет союза был высок как никогда.

Что касается третьей кардинальной задачи – подъема и оздоровления экономики, – то здесь Горбачеву радикальных сдвигов добиться не удалось. Хотя он не вверг страну (в отличие от его преемника) в жесточайший экономический кризис, добился известных подвижек в создании зачатков рыночных механизмов и высвобождении инициативы отдельных граждан и целых хозяйственных коллективов.

К самому концу восьмидесятых – началу девяностых годов экономические трудности становились все более значительными. Нельзя сказать, что Горбачев этого не видел. Одно за другим он проводил совещания по экономическим вопросам, внимательно слушал выступавших – в речах некоторых содержалось немало дельных предложений, но в хозяйственной практике никаких достаточно серьезных шагов не предпринимал. Мало того, руководство экономикой страны оставалось в руках людей слабых, а нередко и готовых к совершенно негодным действиям (я имею в виду, в частности, премьер-министра Н.И. Рыжкова и вскоре сменившего его министра финансов В.С. Павлова, настаивавшего на значительном повышении цен).

Вскоре почти отчаянное положение экономики стало столь очевидным и не соответствующим быстрым и конструктивным сдвигам в политической и внешнеполитической областях, что это

противоречие создало серьезную угрозу дестабилизации всей новой, возникавшей при М.С. Горбачеве системы.

Справедливость требует тем не менее сказать, что в сравнении с тем, что происходило после отставки М.С. Горбачева с поста Президента СССР, шесть лет его «эры» можно считать поразительно успешными. Хотя, конечно, были и ошибки, были и неудачи. Но в целом, мне кажется, баланс таков: не было после 1917 года более плодотворных и благополучных лет в жизни нашего общества. Это, на мой взгляд, делает М.С. Горбачева самым выдающимся советским (и российским) государственным деятелем второй половины XX века.

Избрание М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС, новый стиль его работы, первые шаги и первые слова на новом посту породили большие надежды, особенно среди тех, кого условно называли «шестидесятниками», то есть людей, начавших свою политическую жизнь под впечатлением XX съезда КПСС, давшего им глоток свободы и желание вкусить ее сполна. Естественно, они потянулись к Горбачеву.

* * *

Автор этих строк, собственно, много раньше, в конце семидесятых, познакомившийся с этим политическим деятелем, а с начала восьмидесятых начавший с ним работать, от всей души хотел в меру сил помогать ему. С начала апреля 1985 года я засел за своего рода «меморандум», посвященный назревшим проблемам внешней политики. Получилась записка размером примерно в пятьдесят страниц. Излагать ее сколь-нибудь подробно не буду. Но среди главных моментов были:

1. Необходимость вдохнуть новую жизнь в переговоры об ограничении вооружений и разоружении.

2. Придание приоритетного значения нашим отношениям с социалистическими странами Европы (добавлю: тогда социалистическими), в том числе отношениям экономическим.

3. Нормализация отношений с Китаем и вообще оживление и активизация нашей политики на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе.

4. Как необходимое условие всего этого – восстановление доверия к Советскому Союзу, подорванного вторжением в Афганистан и рядом других действий, в том числе при помощи односторонних инициатив (в их числе – прекращением испытаний ядерного оружия).

Уверен, что я был не единственным, кто предлагал подобный

план действий М.С. Горбачеву. Он едва ли сделал хоть одно из предложений частью своей программы, но все вместе они, я думаю, помогли ему в очень короткий срок стать активным и инициативным деятелем в тогда еще новой для него сфере – во внешней политике.

Другой мой «меморандум» касался готовившихся ограничений на производство и употребление алкогольных напитков. Я решительно возражал, напомнил о печальном опыте США с «сухим законом». Горбачев был со мной не согласен: мы же не вводим «сухой закон», а только усиливаем борьбу с алкоголизмом. На что я ему ответил:

– Вы что, не знаете наших чиновников, их готовности и способности довести любое начинание до абсурда!

Как бы то ни было, вскоре Михаил Сергеевич мне сказал:

– Когда появляются у тебя какие-то предложения или соображения, а со мной сразу встретиться не можешь, звони в секретариат, я их предупрежу, и они сразу за твоим посланием пришлют фельдъегеря, а потом его передадут мне лично в руки.

С тех пор и наладилась такая (пусть во многом односторонняя) связь – в общей сложности я ему направил много десятков писем.

Хороши они были или нет, умные или глупые – не мне судить. Хвалить себя неудобно, а ругать ни к чему. Поэтому я лучше предоставлю слово генералу Д.А. Волкогонову, получившему доступ в президентский архив, куда, к моему сожалению, попала эта сугубо личная переписка. Он писал по этому поводу в своей последней книге «Семь вождей» (седьмым как раз и был М.С. Горбачев) следующее:

«Помощь седьмому «вождю» от советников была разной. Я обратил внимание на активность Г.А. Арбатова, который написал Горбачеву множество обстоятельных записок. Впрочем, он немало писал и более «ранним» генсекам. Содержание писем весьма конструктивно: от простых советов (вроде: делайте Ваши выступления более короткими, прерывайте всех, кто начнет Вас хвалить) до буквально установок: Ваш главный приоритет на внешней арене – укрепление социалистического содружества (пока оно еще было. – *Д.В.),* не мешкая, уберите тактическое ядерное оружие из Закавказья; после XXVIII съезда откажитесь от поста генсека и т. д.

Что касается последнего совета, Горбачев сделал довольно вялую попытку в апреле 1991 года освободиться от поста генсека. Возможно, этот демарш был предпринят в уверенности, что его обязательно отклонят. Конечно, при сильном желании Горбачев мог бы оставить пост партийного «вождя», что освободило бы

реформатора от многих организационных и идеологических пут. Но сыграл ли в этой слабой попытке какую-нибудь роль совет Г.А. Арбатова, может знать только сам бывший последний генсек. Многие советы Арбатова были действительно дельные, но, сопоставив их с практическими делами Горбачева, я увидел: они, как правило, так и остались советами».

Не хотел бы выглядеть в свете сказанного Волкогоновым бестактным и нахальным: я никогда панибратства с руководителями не допускал. Но отношения с М.С. Горбачевым были настолько деловыми и полны взаимного доверия, что я действительно писал все, что думал, не тратя времени и сил на церемониальные заходы и обороты.

Горбачеву старались помочь многие – уж очень привлекательной была его программа и весь стиль его деятельности. Особо хотел бы отметить работу его помощника Анатолия Сергеевича Черняева – человека беспредельно преданного идеям Горбачева, умного и образованного и к тому же безукоризненно честного.

* * *

Не сомневаюсь, что в истории страны короткий период, в течение которого ею руководил М.С. Горбачев, останется как один из важнейших рубежей, открывавший путь в более благополучное, безопасное и счастливое будущее. И если сразу это не получилось, если за этим большим и очень важным шагом вперед последовала целая серия неверных шагов, уводивших страну если не назад, то в сторону, все дальше от верного пути обновления, то это не вина необычно смелого для нашей страны, умного, хотя и не очень удачливого реформатора.

В связи с этим возникает вопрос: почему в таком случае массовая поддержка Горбачева, правда, начавшая заметно ослабевать к концу периода пребывания его руководителем страны, сменилась негативным отношением к нему довольно широкой общественности, столь разительно контрастирующим с его сохранявшейся, если не усиливавшейся популярностью на Западе?

Что касается Запада, то хотел бы сразу же сказать, что приняли (и поняли) Горбачева западные лидеры и общественность совсем не сразу: мешали твердо укоренившаяся подозрительность, недоверие к Советскому Союзу и его руководителям. Лишь постепенно (хотя по историческим масштабам все же поразительно быстро) пробивалась вера в то,

что речь идет о действительно серьезных изменениях в политике, а затем и во внутреннем режиме, в кадровой политике, и верили не столько словам (сколько их, хороших слов, мир наслышался и от прежних руководителей нашей страны!), сколько делам. Чем больше было дел, тем прочнее становилось доверие не только к Горбачеву, но и к его политике перестройки и гласности, к радикальным переменам, происходившим в нашей стране, к Советскому Союзу.

Образ врага все больше размывался, все четче вырисовывался новый облик страны как ответственного участника международных отношений и возможного партнера во многих важнейших делах, начиная с безопасности и кончая экономическим и научно-техническим прогрессом, борьбой с терроризмом, наркоманией, экологическими бедствиями и опасными болезнями.

О каких делах идет речь? О прекращении войны в Афганистане, одностороннем моратории на ядерные испытания, более гибкой, инициативной и, не побоюсь этого слова, честной позиции на переговорах об ограничении вооружений (правда о наших вооружениях и вооруженных силах в Центральной Европе открыла путь к соглашению об их значительных сокращениях). Наконец, возросла открытость во внешней политике, были сняты многие ограничения на въезды и выезды из нашей страны.

Особенно важно было то, что именно во внешней политике при Горбачеве были достигнуты значительные успехи, приведшие к концу восьмидесятых – началу девяностых годов к окончанию «холодной войны». В связи с этим нельзя не сказать о советско-американских встречах в верхах с 1985 по 1991 год, очень разных, но всегда содержательных (особенно в сравнении с последующими) и результативных.

В период после 1991 года положительное отношение Запада к Горбачеву продолжает сохраняться, а в чем-то даже становится еще более доброжелательным, что, возможно, объясняется тем, что Запад получил возможность сравнивать его с его преемником.

* * *

Что касается падавшей популярности Горбачева в Советском Союзе, то это объясняется его не совсем мне понятным креном «вправо», к консерватизму и консерваторам в 1990–1991 (первой его половине) годах, а также тем, что он не смог воспрепятствовать тому, что почти все плохое, что делалось при Ельцине, вменялось в вину не только ему, но заодно и Горбачеву.

Сдвиг Горбачева и его политики не имел видимых причин. Политический курс перестройки и развития демократии пользовался поддержкой. В экономике было немало трудностей и проблем, но они, скорее, сохранялись от прежнего периода, хотя частично и нарастали.

Единственное, о чем можно говорить как об источниках давления справа, – это усилившаяся критика Горбачева со стороны консервативных сил на пленумах ЦК, в парламенте, в некоторых органах печати.

Против моих ожиданий, Горбачев оказался очень чувствительным и уязвимым для этой критики, более чувствительным, чем к критике со стороны демократов. Кто-то в связи с этим весьма точно сформулировал: он был верен тем, кто его предал, и предавал тех, кто в него верил и был ему предан.

Этот сдвиг вправо выразился во многом, и прежде всего в отставке министра внутренних дел В.В. Бакатина, пожалуй, наиболее достойного и значительного из всех, занимавших на моей памяти этот пост. На его место был назначен Б.К. Пуго, под конец жизни (а с ней он вскоре покончил сам) опозоривший себя участием в руководстве антиперестроечным путчем в августе 1991 года.

Вице-президентом страны стал пьяница и ничтожество, тоже один из руководителей путча, Г.И. Янаев.

Росла дистанция между Горбачевым и его наиболее демократическими, прогрессивными советниками. Один из них, экономист, академик Н.Я. Петраков, подал в отставку. Из правительства ушел, выразив публично свою тревогу в связи с намечавшимися переменами в политике, Э.А. Шеварднадзе.

К кадровым перестановкам, однозначным по своей политической направленности, дело не сводилось. Горбачев, к удивлению всех, кто его поддерживал, предпринял ряд шагов, явно направленных на движение Советского Союза к военно-полицейскому государству. Осенью 1990 года общественность была встревожена массированным передвижением войск вокруг Москвы.

Общественность не успокоили разъяснения, что, мол, воинские части близ города приглашены на уборку урожая картофеля (дело в том, что совпало это с обострением борьбы демократических и консервативных сил, выплеснувшейся на улицы и выражавшейся в многочисленных митингах).

За этим последовало решение, позволившее передвижение войск в «беспокойные» регионы и их совместные действия с внутренними войсками МВД и милицией. Это привело к первому кровопролитию: войска вошли в Вильнюс и активно включились в

схватку вокруг телецентра. В результате были убитые и раненые. Вскоре то же самое произошло в Риге.

В марте 1991 года, когда ожидалось обострение ситуации в Москве, столица была буквально наводнена армейскими автомашинами, запрудившими улицы и дворы города.

Мне пришлось быть свидетелем бесед в Кремлевском дворце съездов между группами народных депутатов и вышедшим в перерыве в зал М.С. Горбачевым. Депутаты спрашивали президента, чем объясняется явный сдвиг политики вправо. Горбачев отвечал, что вправо сдвинулось настроение общественности и за ним не может не следовать политика.

Я написал тогда Горбачеву письмо, оспаривая это объяснение. Во-первых, писал я, общественность хочет порядка, но вовсе не сдвига вправо, ухода от демократических преобразований.

И, во-вторых, не всегда руководство должно следовать за настроением общественности. Бывает, что оно должно идти впереди нее, вести ее за собою…

Как бы то ни было, мои отношения с Горбачевым испортились, и длилось это до апреля 1991 года.

* * *

Период этого сдвига вправо имел негативные последствия, прежде всего, для самого Горбачева. Он упустил инициативу, упустил роль лидера демократии и демократических сил в стране, чем не замедлил воспользоваться Б.Н. Ельцин.

Это было тем более опасно для Горбачева, что он на протяжении последних двух-трех лет совершил ряд ошибок, которые со временем привели Ельцина к власти и помогли ему отстранить Горбачева от политики.

Первой среди них я бы назвал реакцию Горбачева на заявление Ельцина об уходе в отставку с поста кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, а затем и первого секретаря МГК КПСС. Дело было на октябрьском 1987 года Пленуме ЦК.

Горбачев и другие члены Политбюро поначалу решили ограничить повестку дня сообщением Генерального секретаря об основных положениях его предстоящего доклада, посвященного 70-летию Октябрьской революции 1917 года. Горбачев сделал доклад, и его решили даже не обсуждать, а принять к сведению. Затем председательствовавший Е.К. Лигачев объявил Пленум закрытым и в соответствии со сложившимся ритуалом задал традиционный вопрос: есть ли у кого-нибудь замечания или заявления?

И тут, к удивлению большинства собравшихся, с места встал и пошел к трибуне Ельцин. Ему дали слово, и он зачитал свое заявление об отставке, в котором содержались также критические замечания по поводу работы секретариата ЦК.

Сразу же попросил слова один из присутствовавших (кажется, секретарь Омского обкома партии) и разразился гневной речью, по сути, грубой бранью в адрес Ельцина. Он как бы задал тон. Тут же взметнулось еще несколько рук – просили слова. Но был объявлен перерыв, после которого началась уже организованная проработка Ельцина в стиле, который мы слишком хорошо помнили с прошлых времен.

Выступил и я, оказавшись единственным, кто сказал хоть что-то в защиту Ельцина и критически отозвался о характере развернувшейся проработки – за это меня тут же осудил в своем выступлении Н.И. Рыжков. Когда я просил слова, то и ожидал осуждения – порядки и традиции ЦК мне были хорошо известны. Не было в моем выступлении ничего личного. Ельцина я едва знал и никаких чувств дружбы и привязанности к нему не питал. Но я ненавидел прошлые репрессии и проработки, свидетелем многих из которых мне пришлось быть, и просто почувствовал: если не выступлю, то утром проснусь с чувством, что вел себя нечестно, даже подло, смалодушничал.

Вместе с тем я бы сказал не всю правду, если бы не признал, что проклятый страх, презренная осторожность, вбивавшиеся в нас десятилетиями расправ и унижений, повлияли на мое выступление. Я все же не смог не отдать должное общему поветрию и защиту Ельцина «смягчил» критическими замечаниями в его адрес, в частности, заметил, что такие выступления в столь ответственный момент не могут не нанести ущерба, создавая впечатление отсутствия единства, неблагополучия в руководстве.

Через несколько дней избиение Ельцина повторилось уже в другой аудитории – на московском комитете партии, в связи с просьбой Ельцина освободить его от обязанностей первого секретаря московского горкома КПСС.

Не так давно я спросил у Михаила Сергеевича, не думает ли он, что эта интенсивная, повторенная дважды проработка Ельцина только вызвала к нему сочувствие, жалость, породила сомнение в справедливости атак. Тем более что по традиции на Руси любят мучеников. Не было бы правильней политически, заслушав заявление Ельцина, сказать: «Что ж, я, как, наверное, и большинство присутствующих, сожалею, что Борис Николаевич принял такое решение. Но он его принял, и мы едва ли вправе отказывать ему в его просьбе. Давайте поэтому поблагодарим

товарища Ельцина за проделанную в ЦК работу» (и я бы даже поаплодировал ему, что было бы поддержано хотя бы частью зала). И уверен, через несколько месяцев люди забыли бы и его фамилию. А так Ельцин, не будучи демократом и реформатором, стал одним из лидеров демократического движения, возглавил межрегиональную группу и завоевал позиции, которые позволили ему успешно претендовать на роль лидера России.

Горбачев сказал, что, может быть, я и прав, но прошлого сейчас не вернуть.

Мне рассказывали, что как-то в 1998 или 1999 году в узкой дружеской компании у Михаила Сергеевича спросили:

– А почему вы потеряли власть?

И тот, подумав, ответил:

– Из-за излишней самоуверенности и самонадеянности.

Я не знаю, что именно имел при этом в виду Горбачев, но я бы расшифровал это так: он был чрезмерно убежден во всеобщих к нему любви и уважении, чтобы допустить мысль о том, что кто-то попытается отстранить его от власти. Но, во всяком случае, ответ был откровенным, и это делает честь М.С. Горбачеву.

* * *

Конец «холодной войны» дал повод для оживленной дискуссии: а кто же, собственно, выиграл эту войну, кто стал ее победителем? Запад поспешил присвоить лавры себе, к моему удивлению, и у нас нашлось немало сторонников такой точки зрения. На мой взгляд, неверна сама постановка вопроса: «холодная война», в отличие от любой другой, не имеет победителя. Строго говоря, большой урон в ней понесли – и в этом смысле ее проиграли – обе стороны.

Это не исключает того, что, будучи экономически более слабыми, Советский Союз и его союзники, втянувшись в ожесточенное военное и политическое соперничество с Западом, были обречены на более болезненное ощущение этих потерь. Но ни распад Советского Союза, ни распад советской политической системы нельзя относить на счет «холодной войны» и навязанного СССР бремени расходов на вооружение и другие затраты, связанные с «холодной войной».

Я далек и от того, чтобы считать беды, приключившиеся с Советским Союзом, случайностями. Хотя многое из того, что делалось, включая, скажем, Беловежскую Пущу или неожиданный взлет Гайдара и его команды, не было исторически запрограммировано и в немалой степени порождено ошибками,

бездумьем руководителей и случайностями.

Другой вопрос, что в самой советской системе, как она сложилась при Сталине, были заложены семена самораспада, саморазложения, начиная с того, что она могла не то что действовать (эффективность она теряла сразу по окончании любого острого кризиса, в том числе, например, войны), но и сохраняться – и как система власти, и как своего рода империя – лишь при условии очень жесткой диктатуры, строжайшего полицейского режима, в свою очередь, требовавшего для своего обоснования острого кризиса, а по возможности и явной внешней угрозы. Без этого силы саморазложения начинали работать, что вело сначала к ликвидации режима, а затем и «империи».

Когда в 1956 году страна узнала о XX съезде, никто даже не догадывался, насколько сложная, острая и долгая борьба потребуется, чтобы покончить с тем, что было тогда названо культом личности Сталина. Когда начиналась перестройка, ее поначалу восприняли лишь как борьбу против так называемого застоя, то есть мертвящей, болотной неподвижности, а на деле – упадка во всех сферах общественной жизни, ставшего особенно очевидным в последние годы жизни Брежнева. Далеко не все сразу поняли, что это в то же время борьба против последствий сталинщины, и она либо снова захлебнется, как в свое время курс XX съезда, либо перерастет в борьбу против всей извращенной модели общества, так долго преподносившейся нам и воспринимавшейся нами как «настоящий» и даже единственно возможный социализм.

Потому неизбежно и в годы перестройки на смену первоначальному, подчас даже эйфорическому единению (кому по душе застой?) вскоре пришло размежевание, а на XXVIII съезде КПСС в ряде выступлений уже прозвучала ностальгическая тоска не то что по первым шагам перестройки, а по 1983 году (андроповскому), как самому лучшему, самому настоящему году перестройки. Отдавая должное Андропову (хотя и теневые его стороны, как заметил читатель, мне очевидны), я все-таки хотел бы призвать поклонников 1983 года к разуму.

Андропов ничего, кроме снятия с работы нескольких нечестных руководителей, а также считаных чисто административных мероприятий по укреплению дисциплины, сделать просто не успел. Напомню, при нем и, конечно, по его инициативе были выдвинуты на самые высокие посты Алиев и Романов. Председателем Совета министров остался Тихонов, в Политбюро и секретариате оставались Гришин, Соломенцев, Демичев, Зимянин.

Хотя родились надежды на перемены, ничто реально не

успело измениться – ни в экономике, ни в социальной сфере, ни в культуре, ни во внешней политике. Да и по-настоящему рабочего времени у Андропова в 1983 году было всего несколько месяцев (хотя и тогда его не отпускала болезнь). Не говоря уж о том, что о более далеко идущих планах этого политического деятеля остается только гадать. Я, как уже говорилось, допускаю, что он предложил бы некоторые серьезные перемены, хотя они все равно не дотянули бы до того, в чем, как мы узнали за эти годы, нуждалось общество.

Предстояла не бодрящая прогулка, даже не легкая встряска, а мучительная переоценка ценностей, переделка себя, переделка общества и партии, политических структур и экономики, общественного сознания. Мы все, включая и инициатора перестройки, тогда еще не сознавали до конца ни трудностей предстоящих дел, ни их масштабов. Начинался новый период нашей истории и кончался предшествующий.

Период 1953–1985 годов можно рассматривать одновременно и как продолжение болезни, и как начало долгого и сверх меры трудного выздоровления нашего общества.

Часть 2 Миротворцы и разрушители

Александр Николаевич Яковлев. Государственный муж с Ярославщины

По своим умственным и нравственным качествам, культуре и политическому кругозору Александр Николаевич Яковлев, несомненно, мог занимать место, притом видное место, среди «кремлевских вождей», о которых писалось выше. Некоторых из них он по всем этим параметрам превосходил, и намного.

Среди многих его хороших качеств весьма ценным и редким было высокоразвитое чувство долга, моральной ответственности. Когда началась война (он к тому времени, как я полагаю, был комсомольским или даже партийным работником областного масштаба), Яковлев не стал искать спокойного пристанища по тылам или чего-то побезопасней в армии, а пошел в морскую пехоту. Там вскоре был тяжело ранен и по этой причине демобилизован как инвалид войны.

Спустя некоторое время Яковлев оказался на работе в отделе пропаганды ЦК КПСС, и там ему не изменило чувство справедливости. Мой друг, работавший в эти годы на радио, которое он курировал среди других дел, рассказывал мне, сколько он интриг сорвал, склок затушил, невинных людей спас от козней, затеваемых интриганами и склочниками.

Во всех делах Яковлев показал себя там с самой хорошей стороны и, видимо, поэтому, когда начались первые культурные обмены с США, был в числе трех молодых людей отправлен на год на стажировку в Колумбийский университет. Это, между прочим, использовал позднее интриган и мастер «подковерных» игр В.А. Крючков в доносах на имя Андропова, уверяя, что тогда Яковлев и был «завербован» ЦРУ в качестве «агента влияния». Доносу, разумеется, не дали хода, но и доносчика не наказали, а со временем даже повысили…

Возвратившись в Москву, Яковлев продолжал работать в отделе пропаганды и вскоре стал его фактическим руководителем. Хотя в эти годы в идеологии у нас творили нечистые дела, под удар попадали честные люди, он в меру возможного противостоял этой волне, сохранял чистую совесть.

Совесть и заставила его дать в «Литературной газете» отповедь поднимавшейся волне национализма и шовинизма. Эта статья послужила поводом для антияковлевской кампании, поднятой высокопоставленными сталинистами, требовавшими снятия его с работы и изгнания из ЦК.

Я оказался свидетелем такой сцены: в присутствии довольно

большой группы сотрудников Брежнев подошел к Яковлеву, пожурил его за статью, потом обнял, облобызал и сказал: «Оставим это в прошлом, продолжай работать».

Присутствовавшие думали: «Слава богу, конфликт окончен», однако, к нашему удивлению, на следующий день вышел приказ – освободить Яковлева от работы в ЦК и назначить послом в Канаду.

* * *

Он проработал в Канаде более десяти лет и провел это время с толком: я часто бывал в Канаде в командировках и замечал, как вырос там этот человек – не только умственно, но и нравственно. Все это пригодилось, когда, став одним из ближайших сподвижников Горбачева, Яковлев снискал себе славу одного из архитекторов перестройки.

Яковлев вполне заслужил этот «титул» – думаю, он был наиболее близким к Горбачеву человеком, и многое в политике этих шести лет рождалось, как мне кажется, из интеллектуального взаимодействия этих двух политических деятелей, ну и, конечно же, еще десятка близких к ним людей…

Надо также иметь в виду, что при всей близости к Горбачеву Яковлев не утрачивал интеллектуальной и политической самостоятельности, что, естественно, вело к различиям политических, культурных и чисто личностных, человеческих оценок. Но не в главном, не в том, что касалось стратегии, да в основном и тактики перестройки. Горбачев и его политика собрали и сплотили группу незаурядных по своим умственным и нравственным качествам людей.

Это была – и по своим умственным данным, и по нравственности, и по способностям – группа самых сильных руководителей за всю историю не только XX века, но и за всю историю нашей страны!

А когда времена изменились, Яковлев занял скромное, но благородное место председателя общества «Мемориал», занятого реабилитацией невинно осужденных, восстановлением их добрых имен и безупречных репутаций.

Яковлев, что тоже редкость, практически всю жизнь, проработав в аппарате, не позволил аппаратным нравам подвергнуть порче свой нрав и свой характер. В памяти товарищей он навсегда останется образцом чести, ума и справедливости.

* * *

Мне приходилось слышать в адрес Яковлева упреки: вот, мол, долгое время был ортодоксом, одним из главных пропагандистов коммунизма, а потом стал активнейшим критиком советских и коммунистических нравов и порядков.

Я не могу считать такие упреки справедливыми. У Яковлева, как и у всего народа, глаза на правду о советской эпохе, Сталине и коммунизме открывались постепенно. Сначала XX съезд и речь Хрущева о культе личности. Потом все больше людей, знавших и рассказывавших правду, и все больше документов из ранее секретных архивов, которые становились доступными все более широкому кругу людей, о жертвах массовых репрессий, а уж особенно Яковлеву, занимавшемуся их реабилитацией.

Что же, он должен был закрывать глаза на то, что видел и узнавал? Он был честным человеком и говорил правду о картине прошлого и настоящего, постепенно все яснее раскрывавшейся перед его глазами.

Можно только сожалеть, что внезапная смерть Яковлева не позволила довести до конца начатое им благородное и для тысяч и тысяч людей жизненно важное дело.

Борис Николаевич Ельцин. Разрушитель

Эра Горбачева» для людей моего, да и не только моего поколения была периодом, когда мы впервые вздохнули по-настоящему свободно, вздохнули полной грудью, с верой, что оставшиеся (а их было еще немало) трудности удастся преодолеть и нормальное, приличное, более счастливое и благополучное будущее станет возможным.

Нельзя сказать, что приход к руководству Ельцина был воспринят обществом недоброжелательно, как грозящий ухудшениями и бедами. Ельцин – в основном благодаря своим собственным заслугам, в частности во время августовского путча 1991 года, а отчасти благодаря, как уже отмечалось, ненамеренной помощи М.С. Горбачева, проще говоря ошибок последнего, был встречен как продолжатель демократических перемен и реформатор. Но вскоре выяснилось, что смена лидера в данном случае сопровождалась сменой не только политического стиля, но и многих основ политики.

Отвлекаясь, хотел бы повторить, что почти о каждом лидере нашей страны можно сказать: руководителем партии и государства он стал в какой-то мере случайно. Вообще-то роль случая здесь в принципе исключать нельзя, и не только когда речь идет о нашей стране, но и о любой другой. Зрелость политической системы во многом определяется как раз тем, что она сводит эту роль случая к минимуму, равно как и последствия случайностей, то есть их воздействие на политику, а нередко и на судьбы государства.

В целом каждый политический строй создает систему, которая отбирает, воспитывает и продвигает в число лидеров людей, отвечающих потребностям этого строя. Советский строй не был исключением. Ему были нужны лидеры, не только верные его идеологии (правда, не обязательно грамотные в ее теоретических основах, философии, экономических, политических и социальных воззрениях), но и достаточно жестокие и безжалостные, чтобы держать огромную, почти всегда неблагополучную, полную проблем и противоречий страну под твердым контролем. В силу ряда исторических причин эта сторона политики и власти была у нас традиционно гипертрофирована. Но по мере перемен – экономических, политических и социальных – выпестованные этой сложившейся в мрачные времена системой руководители, как уже состоявшиеся, так и потенциальные, становятся все менее пригодными для выполнения каких бы то ни было общественно необходимых и

полезных функций и заботятся лишь о самосохранении и самообогащении.

* * *

На этом окончу короткий экскурс в сферу общих проблем. Что касается прихода к власти Ельцина, то его было бы нелепо объяснять лишь одной игрой случая, хотя и он определенную роль сыграл.

К концу лета 1991 года Б.Н. Ельцин не только выдвинулся в число лидеров, но своим смелым поведением во время августовского путча завоевал место в истории страны, помог избежать еще одного постыдного и губительного поворота, пусть даже и кратковременного. Я себе просто не представляю, кто, кроме него, мог бы в тот момент сыграть роль смелого и твердого руководителя политических сил, противостоящих путчистам, лишить их решимости пустить в ход военную силу.

Собственно, путчисты, ненавидя Горбачева, едва ли относились лучше к Ельцину. Но объективно они сыграли ему на руку, расчистили дорогу к власти, подорвав авторитет Горбачева, убрав главное препятствие, преграждавшее Ельцину путь наверх. Наверное, было здесь и немало византийских, дворцовых интриг: я, например, просто не понимал причин поспешной амнистии путчистов, кроме той, что Ельцин и пришедшие с ним к власти люди не хотели настоящего расследования антигорбачевского заговора. Меж тем не исключаю и того, что при этом могли раскрыться вещи, отнюдь не выгодные Б.Н. Ельцину.

Но, как бы то ни было, в дни путча страна, народ увидел в Ельцине человека, не дрогнувшего перед наводнившими улицы Москвы танками, бронетранспортерами и солдатами, равно как и перед угрозами штурмовать или бомбить Белый дом. Однако очень скоро все кончилось, путчисты позорно провалились и были препровождены в тюрьму. Горбачев вернулся в Москву.

Знал ли Ельцин, что делать дальше, думал ли он вообще об этом, исключая его несомненное желание отстранить от власти Горбачева? На сей счет у меня были и остаются серьезные сомнения. Я помню первую встречу с ним после путча, когда я решился сказать, что, надеюсь, он понимает, насколько радикально изменилась обстановка, и сейчас пора «слезать с танка», с которого он в разгар путча произнес смелую и важную речь. Пришло время вернуться в кабинет, сесть за письменный стол и заняться делами, может быть, более скучными, но в данный момент крайне важными. И, что особенно существенно,

окружить себя людьми, которые могут помочь в решении этих будничных дел, настоящими специалистами, хотя, может быть, они и не мастера говорить зажигательные речи на массовых митингах на площадях.

Ельцин не возражал, только спросил: а не предадут ли его эти люди, как предали Горбачева некоторые в прошлом близкие ему деятели?

Я ответил: в том-то и дело, что личные привязанности в политике не играют такой уж большой роли, и путч это еще раз показал, продемонстрировав измену ряда людей, не только всем Горбачеву обязанных, но и слывших его личными друзьями.

Со сколько-нибудь ясной программой Ельцин так тогда и не выступил. Единственный лейтмотив его речей был – борьба против привилегий. Лозунг неплохой, хотя он так и остался лозунгом. Даже когда Борис Николаевич попытался сдобрить его кое-какими другими популистскими предложениями, а в период своей опалы и продемонстрировал серьезность своих намерений посещением районной поликлиники вместо «кремлевки», использованием в качестве средства транспорта скромного «москвича» вместо ставшего для него уже привычным «членовоза».

Вряд ли на первых порах это ставилось ему в вину – и другие лидеры не баловали нас внятными, умными и привлекательными программами. Да и образование, и прошлый опыт жизни и работы не давали общественности повода ждать от Ельцина в этом плане очень многого. Это, естественно, огорчало, но не могло слишком уж сильно разочаровать.

Сужу по себе, первые серьезные разочарования принесли не ельцинские планы на будущее и программы, вернее, их отсутствие, а реальные действия Ельцина, его политика. Едва ли кто-нибудь ожидал, что он сделает что-то важное сам. Но надеялись на то, что он окружит себя толковыми честными советниками и консультантами, вообще попытается возместить какие-то из собственных слабостей профессиональным и интеллектуальным качеством своего окружения.

* * *

Можно полагать, что необходимость в этом ощущал и сам Ельцин. Так, он создал при себе Высший консультативный и координационный совет – название несколько высокопарное и не совсем понятное, но стало ясно, что он просто хотел иметь около себя группу толковых советников, а это было уже хорошо. В совет

поначалу вошли академики Заславская, Богомолов, Рыжов, Емельянов, автор этих строк, писатель Данин, режиссер Захаров, мэры Москвы и Санкт-Петербурга Попов и Собчак, профессор Левада и ряд других уважаемых людей, несомненно, способных принести пользу руководству, если бы оно пожелало их слушать.

Впрочем, не прошло и года, как состав совета радикально изменился – из него были удалены наиболее известные, самостоятельно мыслящие и смелые люди. Зато начался приток и выдвижение людей совсем другого сорта – людей, в большинстве даже без биографии, неизвестно откуда взявшихся и по какому принципу подобранных. Вначале главным фаворитом и временщиком стал Геннадий Бурбулис – в прошлом преподаватель «научного коммунизма» на заочном отделении одного из малоизвестных свердловских институтов. Для него даже изобрели особую должность «статс-секретаря». Но под его начало помимо многих обязанностей «наперсника» главы государства попали иностранные дела (и курирование МИДа), кадры (в том числе военные) и многие другие важные вопросы. С его подачи «экономическими царями» стали Егор Гайдар и его команда, правда, на время короткое, но достаточное, чтобы, пользуясь экономическим невежеством президента, протолкнуть программу «шоковой терапии» – экстремистско-либеральной экономической реформы, нанесшей за пару лет народному хозяйству России больше ущерба, чем десятилетия разорительной гонки вооружений и «холодной войны».

Эта реформа была не только подсказана, но в известной мере и навязана, в частности, обещаниями щедрой экономической помощи Западом и его главными финансовыми организациями – Всемирным банком реконструкции и развития и Международным валютным фондом.

Москву наводнили западные финансовые и экономические советники. Наиболее громогласными и беззастенчивыми из них были американец Джеффри Сакс и швед Андреас Ослунд. Они быстро состыковались и работали в постоянном тандеме, при этом ни для кого не было секретом, что наши либералы, как только над кем-то из них сгущались тучи, бежали за помощью к американцам, и те не стеснялись, давая понять, что размеры финансовой помощи будут зависеть и от того, останутся ли угодные им люди на ключевых экономических постах.

Зато с нашими экономистами, а в это время среди них уже выросла группа знающих, умных и безупречно честных специалистов, таких как Шаталин, Петраков, Абалкин, Заславская, Явлинский, Богомолов, Львов, Шмелев и другие, не посчитали нужным посоветоваться, как и с общественностью.

Вообще готовилась реформа – и планы ее осуществления – в глубокой тайне. Что касается упомянутых специалистов, в основном работавших в Академии наук СССР, то их гайдаровская группа постаралась загодя опорочить, изображая оторванными от жизни догматиками и недоумками.

Пустили в ход еще одну версию – будто «шоковой терапии» Гайдара и его команды нет приемлемых альтернатив. Это чистая выдумка, они были уже тогда, начиная от программы «500 дней» Явлинского.

Экономические итоги «реформы» оказались плачевными – объем производства снизился больше чем наполовину, инфляция измерялась тысячами процентов, сельское хозяйство по существу приказало долго жить.

Вот как оценивает эти последствия в одном из интервью академик Львов: «…Ситуация, которую мы с вами переживаем сегодня, является закономерным итогом тех реформ, которые на протяжении последних семи лет проводились в России. Курс был сформулирован в конце 1991 года, потом так называемая либерализация цен, и мы стали свидетелями огромной ошибки, допущенной правительством. Господином Гайдаром было запрограммировано повышение цен приблизительно в три раза, а на самом деле они подскочили в сотни и тысячи раз. Разве можно проводить эксперимент, не имея достаточно обоснованных цифр и расчетов? И сегодня мы переживаем не экономический кризис, а социально-политический обвал, и совсем недостаточно сказать, мол, была недостаточно обоснованная политика – все нужно называть своими именами, иначе мы никогда не сможем выйти из подобных состояний. Общество потерпело крах, и потребуется немало времени, чтобы как-то преодолеть последствия этой страшной катастрофы…»

* * *

Невиданных размеров достигла поляризация общества – разница между наиболее богатыми, составляющими десять процентов населения, и наиболее бедными выросла до десяти, а по некоторым подсчетам – до двадцати с лишним раз. В условиях, когда большая часть населения была отброшена за черту бедности, Москва оказалась первой среди столиц по числу шестисотых «мерседесов» и казино. Непрерывно росли отток капиталов на Запад, объемы недвижимости и накоплений на счетах «новых русских» за рубежом. Все это усиливало социальную напряженность. Ощущая это, авторы реформы

выдвинули требование – призвать на помощь диктатора – особенно популярным среди них был в то время Пиночет.

Одновременно невиданных масштабов достигла коррупция. Большая часть богатств, доставшихся стране от природы и созданных напряженным трудом нескольких поколений россиян, была бессовестно расхищена коррумпированными чиновниками, бесчестными коммерсантами и криминальными элементами.

Воровство и коррупция стали в глазах широкой общественности одной из острейших, если не самой острой, проблем страны, тем более что господствовала почти полная безнаказанность, убеждавшая, что эти социальные пороки уходят очень высоко, если не на самый верх общества. Как бы подтверждая это мнение, Ельцин трижды накладывал вето на подготовленный Думой закон о борьбе с коррупцией. Но это улика косвенная.

Никто, правда, не мог с фактами в руках обвинить в подобной практике самого Ельцина. Но количество косвенных улик непрерывно множилось. Начиная с того, что на верхушке власти сформировалось нечто вроде царского двора, получившее почти официальное наименование «семьи». В нее входили не только «сам» с супругой и дочками (одна из них была даже им официально назначена его советником), но и руководитель президентской администрации и наиболее доверенные ее члены, а также самые близкие из олигархов: Борис Березовский, а затем и Роман Абрамович. Они активно участвовали в политике и своей деятельностью давали основания подозревать в коррупции самого президента.

Все шире распространялись слухи о приобретении в собственность олигархами недвижимости для Ельцина (виллы на Лазурном берегу Средиземного моря, а также строившейся, как говорили, для него и дочки в знаменитом зимнем курорте Гармиш-Партенкирхене то ли большой виллы, то ли маленького дворца).

Уверенность в том, что и он пользовался своим положением в корыстных целях, выросла, когда начался процесс отбора преемника, ибо быстро выяснилось, что главный критерий – это не способность руководить страной, а надежность в плане преданности «семье», и прежде всего готовности отстаивать ее пожизненный иммунитет от любых расследований и обвинений в преступлениях. Если такой приоритет дает возможность скрывать происходившее, значит, есть что скрывать.

Можно думать, что такое условие было поставлено В.В. Путину. Он выполнил это пожелание и никаких расследований деятельности Ельцина и его «семьи» не предпринималось. Он

воздержался (нарушив тем самым старую российскую традицию) и от критики своего предшественника и его политики, которая привела дела в стране в невероятно плохое состояние.

…Естественно, урезались и раньше-то довольно скудные ассигнования на образование, здравоохранение, науку, культуру и социальные нужды. Под угрозой оказались и социальные достижения, которыми по праву гордился Советский Союз и которые нашли признание практически во всем мире – общедоступные образование и здравоохранение. Параллельно с социальной напряженностью, а отчасти и в связи с нею, обострились межнациональные отношения в Российской Федерации, временами достигая интенсивности конфликтов, а в случае с Чечней – и кровопролитных войн.

Инфляции подверглись не только деньги, но и моральные, нравственные ценности.

* * *

За реформой стояла ясная цель – вернуть страну в лоно капитализма, и это было сделано. Но здесь возникает важный вопрос: какого капитализма? По многим параметрам – изначального, дикого, времен Адама Смита, весьма красноречиво описанного Чарлзом Диккенсом. Капитализма, который не мог не породить рабочего движения и революционеров и в полном соответствии с предсказаниями марксистов рано или поздно должен был рухнуть. Спасли его от гибели, заставили пойти на серьезные реформы, как ни странно это может звучать, именно внутренние кризисы и, как ни парадоксально, реальный социализм, хотя и далеко не такой, каким его видели основоположники революционной теории.

Капитализм, осознав угрозу революции, довольно рано уяснил необходимость реформ, и тот капитализм, который существует сегодня, так же сильно отличается от капитализма XVIII–XIX веков, как «военный коммунизм» от советской власти времен нэпа или перестройки. Если бы не кризис, с одной стороны, и страх перед большевизмом и революцией – с другой, консервативный Конгресс США сорвал бы планы перехода к «новому курсу» Рузвельта, который не только помог США выйти из кризиса, но и стал огромным шагом вперед в стабилизации экономического и социального развития этой страны.

То же самое происходило в Европе благодаря усилиям социал-демократии, а после войны – опять-таки из-за страха правящих кругов перед революцией. Известно, что

революционная ситуация сложилась в те годы во Франции и Италии, и лидеры коммунистов обеих стран, Морис Торез и Пальмиро Тольятти, даже спрашивали у Сталина совета – не следует ли им воспользоваться этой ситуацией для революции. На что Сталин ответил решительным «нет», поскольку понимал, что остальной капиталистический мир, и прежде всего США, не остановится ни перед чем, дабы не допустить перемен, которые привели бы к радикальному изменению социальных и политических сил в мире в пользу коммунистов, социализма, Советского Союза.

Как бы то ни было, мы благодаря экономическому невежеству ельцинского руководства, самоуверенности и нахальной нахрапистости Е. Гайдара и его команды хотя и пошли в том направлении, которое избрали архитекторы «шоковой терапии», но привели страну не туда, куда планировалось. Как в некоторых фантастических романах о «машине времени», мы высадились на век-полтора раньше и попали в окружение реликтовых неработающих устоев архаического капитализма и исчезающего типа капиталистов.

Пожалуй, за всю новую и новейшую историю, исключая разве что периоды Гражданской и Отечественной войн, наша страна не несла таких потерь, не переживала такого регресса, как за декаду девяностых годов. Вдобавок к экономическим, политическим и нравственным потерям обострились демографические проблемы из-за роста смертности и сокращения рождаемости, численность населения стала сокращаться на полмиллиона человек в год.

Вот как оценивал сложившуюся ситуацию наш известный экономист академик Абалкин: «…Мечтали о рынке, а на самом деле получили нечто отвратительное, за которым ничего рыночного и в помине нет. Смотрите: не может быть такого параметра в экономике, как «дефицит денег»… Другое: мы начали приватизацию с самых эффективных предприятий и отраслей. «Газпром», нефтяные компании, никелевые и алюминиевые комбинаты и другие, то есть те предприятия, которые стабильно приносили государству большую прибыль. Приватизация началась там, где Россия всегда получала огромный доход. Зачем менять форму собственности там, где предприятия хорошо работают?! В нормальных странах изменяется форма собственности там, где предприятия убыточны, на них нужно проводить санацию… и теперь мы видим, что в промышленности две трети предприятий являются нерентабельными. Не парадокс ли это! Сменили собственника, а в результате получили неработоспособную промышленность… В нормальной экономике эффективность основного капитала выше, чем оборотного и

финансового. У нас же опять не так: господствует финансовый капитал, и его эффективность в десятки раз выше – вот основа для всевозможных финансовых «пирамид»…»

* * *

Малопросвещенное и сумбурное управление страной в период президентства Ельцина имело и негативные внешнеполитические последствия. Не только в том смысле, что ввергнутая в глубочайший кризис, подтачиваемая изнутри безудержной коррупцией и преступностью Россия заметно утратила международный авторитет.

Как отмечалось, Запад и его финансовые организации очень активно вмешались в осуществление реформ в России, а потому, естественно, в глазах российского общественного мнения несли и немалую ответственность за их результаты, а поскольку они оказались плачевными, родились и серьезные сомнения в истинных намерениях Запада – действительно ли он хочет помочь России или ведет другие, настораживающие политические игры.

Более дальновидные американские специалисты по советским делам давно уже предвидели эти опасности. Например, Джордж Ф. Кеннан еще в 1951 году, имея в виду близящийся, как он считал, закат советского коммунизма, предостерегал своих соотечественников: «Давайте не будем судорожно искать решения за тех людей, которые придут позднее, не будем поминутно вытаскивать лакмусовую бумажку, решая, соответствует ли их политическая физиономия нашим представлениям о «демократии». Давайте дадим им время, дадим им быть русскими, дадим возможность решать их внутренние проблемы по их собственному усмотрению и выбору… То, как та или иная страна устанавливает у себя достойное и просвещенное правление, относится к самым глубоким и интимным процессам народной жизни. Нет ничего более трудного для иностранца, чем понять это, и ни в какой другой области иностранное вмешательство не принесло бы меньше пользы, чем здесь» (*Kennan G.F.* American Diplomacy. N.Y., 1952. P. 192).

Оценивая Ельцина как руководителя страны, нельзя не сказать и о том, что он был человеком дурно воспитанным и к тому же пристрастным к алкоголю, и многие его пьяные выходки подрывали не только его личный авторитет, но и авторитет государства. Вспомним хотя бы о истории с его купанием в Москве-реке или передававшиеся по телевидению на вес мир пьяные попытки дирижировать немецким оркестром во время его

визита в Германию.

Коротко о его внешней политике. Он вел себя как лидер потерпевшей поражение в войне державы – послушно шел в русле американской политики, покорно подчиняя воле Вашингтона, да и Запада вообще, даже внутреннюю политику – от экономических реформ и вплоть до назначения работников на некоторые высокие посты. При этом он уверял Запад, что целиком следует его воле и что в стране все идет хорошо – от экономики и до развития демократии. Это, естественно, порождало у многих россиян чувство униженности, оскорбленности и недоверия к Западу.

* * *

Хотел бы также коротко поделиться своими впечатлениями об этом человеке. Даже на фоне своих предшественников и коллег Ельцин выделялся своим невежеством и самонадеянностью. Естественно, это отразилось как на его политике, так и на окружении, людях, которых он привлек во власть.

Ельцин был предельно властолюбив. Мне часто казалось, и у него это иногда проскальзывало в разговорах, пусть нередко в виде шуток, что он начал себя видеть абсолютным монархом, «царем». Под влиянием таких взглядов сверстал новую Конституцию, дававшую ему неограниченные права за счет ущемления прав других ветвей власти.

Но даже созданный на такой основе слабый парламент он не смог долго терпеть и уже в 1993 году закончил дело конфликтом, вывел против парламента танки, расстрелявшие само здание парламента, и арестовал всех, с ним не согласных.

Внешне Ельцин хотел отличаться от других лидеров вежливостью, уважительностью к людям – ко всем обращался на «вы», по имени и отчеству, но это была внешняя, так сказать, показная часть. В самом отношении к людям он оставался хамом, барином, не считавшимся с человеческим достоинством.

Он внезапно назначал на большие посты людей, появившихся «из ниоткуда» и часто никак не ожидавших такого назначения. Но точно так же с ними и расставался. Не сказав ни слова, ничего не объяснив, просто подписав указ об освобождении от должности. И так до самого верха – вплоть до министров и даже самого премьер-министра, не говоря уже о помощниках и советниках, среди которых, как казалось, были и лично близкие ему люди (очень, кстати, переживавшие такие свои увольнения). Нередко использовал он против людей, в том числе близко с ним

работавших, компрометирующие материалы из необъятных «отстойников» КГБ.

Мне как-то с этим тоже пришлось столкнуться. В ноябре или декабре 1992 года у меня была назначена встреча с Ельциным. Хотелось с ним поговорить вот о чем: меня беспокоили растущая нетерпимость президента ко всяким признакам несогласия с ним и в связи с этим усиливавшаяся, как мне виделось, угроза его конфронтации с Верховным Советом России и Конституционным судом. Поздоровавшись, я сразу сказал, что мне хотелось бы поговорить на серьезную тему. Ельцин ответил:

– Да-да, мне тоже, я бы хотел, в частности, задать вам вопрос о вашем сотрудничестве с КГБ.

– Простите, – сказал я, – я просто не знаю, что вы имеете в виду.

Тогда он вытащил написанную Андроповым бумагу и зачитал: «В ЦК КПСС и лично тов. Л.И. Брежневу. Считал бы целесообразным…» (Андропов, как видно, писал от себя лично как от члена Политбюро, а не от КГБ – ведомства, которое он возглавлял.) И далее такой текст: «считал бы целесообразным поручить тов. Арбатову Г.А., используя его авторитет в США и обширные связи, провести беседы с Киссинджером и другими видными деятелями с целью ускорения советско-американской встречи на высшем уровне».

Я сказал Ельцину, что впервые узнаю об этой инициативе Андропова. Мне о ней раньше ничего не говорили, но вместе с тем это предложение представляется мне весьма лестным, это, мне кажется, не сотрудничество с КГБ, а доверие высшего руководства страны. Ельцин ничего не возразил, только вспомнил, что Андропов был в то время членом Политбюро, то есть входил в высшее руководство страны. Сказал затем, что не хочет называть мне того человека, который нашел и принес ему этот документ. («Зачем, мол, портить ваши отношения».) И на этом разговор закончился. Так что мне до сих пор не ясно, ради чего он затевался. Так, думаю, чтобы на всякий случай припугнуть и испортить настроение.

* * *

Как правило, Ельцин не мог долго терпеть на высших постах и в своем окружении умных и самостоятельно мыслящих людей и безо всяких объяснений их увольнял. Зато поразительную терпимость он проявлял к людям не только неумелым и бездарным, но и нечистым на руку.

У старой (советской) системы принятия решений было много недостатков, но при Ельцине никакой системы просто не существовало. Решения принимались, скорее всего, по его прихоти, без основательной проработки и даже обсуждения. Не была отменена «номенклатура» – просто одна была заменена другой. То же самое относится к системе привилегий многократно выросшего в числе начальства.

Большим заблуждением было и распространенное на Западе мнение о Ельцине как стороннике демократии. Наоборот, это была авторитарная личность, забирающая себе все больше прав и не желающая ни за что нести ответственность.

Словом, и в силу старых традиций, и в силу особенностей политики и личности Ельцин оставил своим преемникам страну в значительно большем беспорядке, чем она была, когда он пришел к власти.

Этот период нанес и тот ущерб, что серьезно скомпрометировал в глазах очень многих людей сами понятия: «демократия» и «рынок».

Владимир Владимирович Путин. Итоги, которые еще предстоит подвести

О президенте Путине я, к сожалению, подробно рассказать не могу – работать с ним не довелось, а встречался с ним лишь один раз, когда он по случаю моего 80-летнего юбилея вручал мне в Кремле орден «За заслуги перед Отечеством». Могу поделиться только некоторыми, так сказать, наблюдениями «со стороны».

Владимир Владимирович Путин и его соратники сразу после президентских выборов марта 2000 г. оказались в окружении беспредела и хаоса в стране и под надзором выдвинувшей их ельцинской «семьи».

Восемь лет, прошедшие с той поры, были насыщены самыми разными событиями. Их детальный анализ выходит далеко за рамки этой книги, да и не вполне соответствовал бы ее жанру – рассказу о людях и событиях, основанному на личных впечатлениях. Мои личные контакты с Путиным, как я уже говорил, столь мимолетны, что не тянут даже на маленькую главу. Кроме того, разного рода общественно-политические процессы внутри и вовне страны, запущенные Путиным и при Путине, далеко не завершены, и рано подводить их итоги. Он сам не отошел от дел после президентских выборов марта 2008 г. и остается одной из ключевых фигур государственного руководства, пусть и на другой должности. Это значит – он будет и дальше оказывать на политику огромное влияние, продолжать, а возможно, и менять свои программы и политические направления. Поэтому их оценка – дело обозримого будущего. Повторю, на данный момент позволю себе ограничиться лишь самыми общими и сугубо предварительными наблюдениями и замечаниями.

* * *

Путин – это человек полутонов, автор решений и поступков, похожих на медаль о двух сторонах. Он выстроил вертикаль власти, добился относительного порядка и дисциплины ведомств, прекратил перманентное и чаще всего вредоносное противостояние с Думой и Советом Федерации, обуздал региональных «баронов». После десятилетия беспрерывных встрясок он обеспечил стабильность властных структур и политической жизни страны в целом. Внутриполитическая

стабильность – это, несомненно, огромное достижение восьмилетнего правления Путина, и именно в этом, более чем в чем-либо еще, залог его беспрецедентной популярности внутри страны: 70–80 % по опросам общественного мнения. При всей лояльности организаторов этих опросов Кремлю у меня нет сомнений, что они в целом верно отражают отношение россиян к президенту.

Но в то же время нынешняя «вертикаль власти» и «управляемая демократия» обернулись всеобъемлющей бюрократизацией политической и экономической жизни страны, свертыванием независимой роли законодательной и судебной властей, регионального и местного самоуправления, ущемлением свободы прессы и самодеятельности общественных организаций. Значительно и не всегда понятно, зачем выросли «силовые» ведомства и их представительство во всех органах власти.

Кремлевские политтехнологи создали бутафорские суррогаты гражданского общества в виде назначенных начальством правящих и оппозиционных партий в парламенте, общественных палат, советов, форумов и разных общественных организаций и движений. Эти конструкции, конечно, очень облегчают жизнь бюрократии и беспрепятственное принятие ею решений и программ. Но они блокируют взаимодействие общества и власти, не дают руководству правильно чувствовать настроения и чаяния народа и адекватно, своевременно на них реагировать.

Кроме надежды на благотворное личное вмешательство президента не осталось заслонов от продавливания непродуманных бюрократических проектов, которые возмущают общество и которые потом приходится с немалым экономическим или политическим ущербом выправлять (например, как законы о гражданстве, монетизации льгот, некоммерческих организациях, пенсионная система Зурабова).

Конституционные органы, призванные регулярно выполнять эти функции, за последние годы были основательно «поприжаты» ради достижения «большей управляемости» государства. В первую очередь, это относится к парламенту – Государственной Думе. За последние годы она, к сожалению, превратилась в синекуру для отставных чиновников и генералов, спортсменов и артистов, а также в трамплин для молодых политических карьеристов, стремящихся выслужиться перед начальством и подскочить на теплое местечко в исполнительной власти. Выборы только по партийным спискам, высокий проходной барьер в 7 %, запрет на предвыборные блоки партий привели к тому, что 90 % депутатов проходят в Думу будучи фактически назначены своим партийным начальством и одобрены в Кремле. Понятно, кому они

служат и перед кем реально несут ответственность. А вся оппозиция отдана на откуп Компартии с ее 11 % депутатов и политической платформой «Вперед: в советско-сталинское прошлое». О Совете Федерации говорить вообще не приходится – все наши «сенаторы» вообще не выбираются, а назначаются региональными губернаторами и президентами, которые, в свою очередь, назначаются Кремлем.

Упадок российского парламентаризма – это один из главных, если не главный минус политики Путина. Ведь парламент есть главный и незаменимый элемент демократии, которая может существовать без президента, без премьер-министра и без многого другого, но не без парламента, с которого, собственно, демократия и начиналась еще в античности. Сильный и независимый парламент – это главное связующее звено между властью и обществом, противовес бюрократическому произволу, кузница самостоятельных (а не услужливых) государственных деятелей, а главное – залог устойчивости государства даже в кризисных ситуациях.

Созданная сегодня в России система создает лишь иллюзию управляемости и стабильности. Чрезмерная концентрация власти на президентском уровне, когда без настойчивого вмешательства главы государства не проведут водопровод к деревенской бабушке и не построят госпиталь для моряков отдаленной базы, на деле подрывает устойчивость и эффективность государственной системы. В реальности разросшаяся и глубоко коррумпированная чиновная машина все менее управляема и все более действует согласно своим корпоративным интересам, а не интересам общества. Даже президент может оказаться заложником ведомственных интриг и подковерных игр, как это нередко случалось в прошлом с вождями КПСС и Ельциным в отсутствие сильной, реальной законодательной власти. Пока экономическое положение страны благоприятно – такая система худо-бедно функционирует, но стоит ей ухудшиться, и система затрещит по всем швам, миллионы недовольных снова выйдут на улицу и станут легкой добычей экстремистов и демагогов. Все это мы в своей истории тоже не раз проходили.

Вера в «доброго царя» и «справедливого барина» – это один из самых живучих и вредных предрассудков русского народа, который генетически помнит или авторитарный гнет, или хаос безвластия и гражданской смуты. Но в современном обществе такой настрой – это верный путь к новым потрясениям. Как бы ни были прекрасны намерения и национальные проекты Владимира Путина и его преемника Дмитрия Медведева, надеяться на то, что их проведут в жизнь «честные чиновники», не приходится. Кстати,

вовсе не случайно Медведев в одной из своих первых установочных речей на гражданском форуме в январе 2008 г. признал коррупцию чуть ли не главной национальной угрозой и призвал к реализации национальной программы борьбы с нею. Эта коррупция, которая, по официальным данным, ежегодно в суммарном денежном выражении равна федеральному бюджету, как раз и является следствием бесконтрольности чиновничества, образовавшего сверху донизу симбиоз с бизнесом. По статистике авторитетной международной организации «Транспаренси интернэшнл», Россия по уровню коррупции стоит на 120-м месте из 160 стран, оказавшись между Филиппинами и Руандой (!).

И в борьбе с коррупцией никакая национальная программа не поможет, если и дальше плодить контролирующие исполнительные органы, которые тут же сами с удовольствием приобщаются к коррупции. Велосипед нам тут не придумать, средства борьбы с коррупцией общеизвестны: разделение властей, прозрачные отношения бизнеса и власти, независимый суд и арбитраж, активное гражданское общество и свободная пресса.

И ключевое звено во всем этом – сильный и независимый парламент. Без восстановления реального российского парламентаризма невозможно дальнейшее поступательное развитие страны, неосуществимы национальные проекты и провозглашенные Медведевым замечательные принципы – свобода и справедливость, длительное стабильное развитие, гражданское достоинство и социальная ответственность, преодоление правового нигилизма и осуществление вложений в человеческий капитал.

* * *

За время правления Путина ощутимо улучшилось экономическое положение страны, она передвинулась с 20-го на 8-е место в мире по объему ВВП, расплатилась с внешними долгами и из должника превратилась в торгового кредитора других стран.

Зарплаты и пенсии стали платить вовремя, российские граждане впервые в своей истории стали в массовом порядке приобретать товары длительного пользования, покупать подержанные иномарки, строить дачи, выезжать на отдых за границу, захаживать в рестораны.

Для страны традиционно бедной, закрытой и завистливой по отношению к заграница – это огромное достижение поистине исторического масштаба (хотя поведение «новых русских» дома и

за рубежом – это, конечно, неприятные издержки такой новизны).

Нельзя не отметить проявление внимания к материальному и моральному состоянию ветеранов войны, блокадников, а также поиск, идентификацию и почетное захоронение останков погибших защитников Родины.

Но относительное экономическое благополучие основывается на хрупкой базе беспрецедентно высоких мировых цен на нефть – главной статьей российского экспорта. Под наплывом легких нефтедолларов экономика за последние годы стала еще более гипертрофированной в экспортно-сырьевом «флюсе», как и структура экспорта и доходной части федерального бюджета. Экономические реформы постепенно замерли, переход с экспортно-сырьевой на инновационную экономику высоких технологий мыслится как создание громоздких государственно-монополистических корпораций (кормушек для «освоения» больших денег функционерами с минимальной продуктивностью). Таким путем самых крупных и важных проблем решить не удалось и не удастся – основой хозяйства и экспорта осталось сырье, прежде всего нефть и газ, а не наукоемкая продукция и техника. Сохранилась крайняя зависимость от мировых цен на углеводородное сырье, а Стабилизационный фонд – слишком худосочная подушка для смягчения вероятных колебаний этих цен.

Государственная поддержка науки и техники, конечно, необходима, и в гораздо больших объемах, чем сейчас. Такая поддержка, кстати говоря, является практикой всех передовых стран с самой продвинутой рыночной экономикой. Но главная «энергия атома», которую нужно высвободить для ухода от экспортно-сырьевой экономической модели, – это активность наших талантливых ученых, инженеров, предпринимателей, менеджеров, банкиров, особенно молодых. Нужно создать им стимулы жить и работать в России, обратить свой талант на ее реальную экономику и производство. А для этого – обеспечить им надежные права на интеллектуальную и материальную собственность, высокий социальный статус, правовую и физическую защиту. Для этого требуются, наряду с хорошими законами, независимый суд и правоохранительные органы, что невозможно без реального разделения властей и сильной законодательной власти, свободной прессы и активного гражданского общества. То есть ключ к решению этой задачи насколько прост и общеизвестен в теории, настолько труднодостижим на практике, и перемены в России в последние годы, по-моему, отдалили нас от решения этих задач.

В федеральном бюджете преобладающая доля

финансирования приходится на оборону, государственную безопасность и содержание государственного аппарата (который превысил по численности советский и составил более 1,5 миллиона чиновников). Ассигнования на очень хорошие национальные проекты Дмитрия Медведева хоть и растут, но намного отстают от этих традиционно излюбленных властью статей.

Россия, обладающая самыми большими в мире запасами природного газа и экспортирующая больше всех нефти, имеет до сих пор 50 % негазифицированной территории и продает своим автомобилистам бензин по ценам стран – импортеров углеводородного сырья, а пенсионерам опять и опять обещают «в ближайшем будущем» (кто доживет) довести пенсии до уровня, превышающего прожиточный минимум.

* * *

С олигархической вольницей 90-х годов Путин расправился весьма решительно. Правда, непосредственно пострадали, на страх всем другим, далеко не худшие из олигархов – Ходорковский, Лебедев и другие руководители ЮКОСа, попавшие на большие сроки в тюрьму, а сама компания была пущена с молотка. Думаю, тут сыграли роль какие-то политические и даже личные антагонизмы. Но остальные «капитаны большого бизнеса» мгновенно усвоили урок: позволено по-прежнему все, но никакой политической деятельности, полная лояльность власти. В результате положение мало изменилось: раньше олигархи вертели чиновниками, теперь – наоборот, но от перемены мест слагаемых суммарный характер олигархического государственно-монополистического капитализма не изменился.

Пошли даже дальше, высшие чиновники получили руководящие места в крупнейших государственных компаниях, как «Газпром», РАО ЕС и другие. Может, некоторые из них лично вполне честные люди, но пример всей государственной машине сверху донизу показан плохой: власть дает деньги, а деньги – еще большую власть, если ладишь с начальством.

По массовому терроризму был нанесен сильный удар – и в этом тоже несомненная заслуга Путина. Правда, заплатить пришлось высокую цену – более 20 тысяч убитых и раненых среди федеральных войск во вторую чеченскую кампанию (потери местного населения так и не подсчитаны), еще большие разрушения в Грозном, трагедии терактов в московском театре и бесланской школе. Мой собственный сын в бытность депутатом

Думы чудом остался в живых, когда вертолет, на котором он летел вместе с коллегой по комитету обороны депутатом Зеленовым и полковником погранвойск Поповым, был сбит над территорией Ингушетии в мае 2001 г. (а командир вертолета подполковник Константинов был тогда смертельно ранен).

Но, в конце концов, массовое кровопролитие в Чечне прекратилось, остались лишь отдельные, хотя и частые случаи террористических актов. Началось восстановление разрушенного хозяйства и жилого фонда, выплачиваются компенсации пострадавшим жителям.

Вместе с тем положение на Северном Кавказе едва ли можно считать стабильным. Терроризм из Чечни расползся во все республики региона. По официальным данным, в 2007 г. было совершено 40 терактов (360 – предотвращено) и было уничтожено 500 террористов. Но вот что странно, примерно столько же боевиков убили и в предыдущем году и годом ранее, а численность активно действующих мятежников из года в год оценивается на том же уровне: 500–700 человек. Это значит, что потери террористов постоянно восполняются, причем в основном из местного населения, поскольку пограничники достаточно надежно закрыли внешнюю границу.

Это вызывает большие вопросы по поводу устойчивости положения нынешнего руководства Чечни и его методов управления, да и в отношении действенности там федеральных законов и конституционных норм. Чего стоит хотя бы 99 % участия населения в думских выборах 2007 г.? Причем все эти голоса якобы поданы за правящую партию «Единая Россия», что наводит на изрядные сомнения и опасения по поводу царящих там порядков.

Кроме того, обостряются межэтнические отношения Северной Осетии и Ингушетии, в других республиках Северного Кавказа, а по ту сторону гор постоянная напряженность в Грузии вокруг де-факто отделившихся от нее Абхазии и Южной Осетии, где стоят российские миротворческие контингенты.

* * *

Что касается внешней политики, то поначалу Путин, глубоко тронутый трагедией террористических ударов по США 11 сентября 2001 г., предложил Вашингтону всемерную помощь и сотрудничество, что помогло, в частности, покончить с властью опекавших террористов талибов в Афганистане. Нельзя исключать, что Путин рассматривал этот шаг как поворотный – к

широкому политическому и военному сотрудничеству с США в борьбе с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения. Но разъяснить это президенту Бушу он, видимо, не сумел или не захотел, а поскольку в умиротворении Афганистана мы были заинтересованы не меньше американцев, этот шаг Путина так и остался положительным эпизодом, но не поворотным пунктом в отношениях.

Конечно, наибольшую ответственность за это несут США и их союзники. Похвалив Россию за поддержку в Афганистане, Вашингтон продолжил линию на развал системы ограничения и сокращения ядерных вооружений (выйдя, в частности, из Договора по ПРО), продолжил расширение НАТО на восток и начал войну в Ираке, в которой потом и увяз.

Во многих случаях более самостоятельная линия Москвы вполне оправданна и находит поддержку в Западной Европе и среди демократической оппозиции в самих США. Это относится к проблемам Ирака, Ирана, Косова, американской системы противоракетной обороны и других дестабилизирующих военных программ.

Но стратегической ошибкой, на мой взгляд, является то, что, взяв во внешней политике курс на «разновекторность» и «равноудаленность» между Западом и Востоком, христианским миром и исламом, мы утратили долгосрочные ориентиры на международном горизонте. Россия стала дрейфовать в сторону все более мощного в экономическом и военном отношении Китая, фундаменталистского исламского Ирана, воинственных режимов вроде венесуэльского, суданского, бирманского, сомнительных организаций типа Хамас в Палестине.

Не получается в современном мире «равноудаленности», она ведет к несбалансированности внешних отношений, а «многовекторность» превращается во фрагментарность, отсутствие ясных внешнеполитических приоритетов, гипертрофию политики под знаком «против» вместо курса «за».

И уж совсем не оправданно стремление подражать плохим примерам Америки – выходить из договоров об ограничении и сокращении обычных и ядерных вооружений! Это тем более непонятно, когда военные возможности России намного отстают от США и НАТО, а в российской оборонной политике остаются нерешенными множество животрепещущих проблем (начиная с дедовщины, от которой, по официальным данным, в среднем каждые полтора дня один солдат кончает жизнь самоубийством, и кончая десятками тысяч бесквартирных офицеров и положением, когда более 50 % оборонных предприятий стоят на грани банкротства или не вполне платежеспособны).

Обострив отношения с Западом, в частности, что хуже всего, с Европейским союзом, нескончаемый процесс обмена мнениями с лидерами других стран не привел к сближению позиций по главным спорным вопросам. Насколько я знаю, за десяток прошедших лет Россия, впервые с начала 60-х годов прошлого века, не подписала и не ввела в силу ни одного действительно крупного и важного договора с ведущими державами мира (помимо множества рабочих документов, коммюнике и «дорожных карт», не решающих фундаментальные проблемы отношений).

* * *

И последнее. Возвращаясь к нашим внутренним делам, в заслугу Путину можно поставить то, что, вопреки советам и настояниям многих «доброхотов», он, в соответствии с Конституцией, ушел со своего поста, как пристало в демократическом государстве. Причем ушел в здравом уме и твердой памяти, при отличном состоянии здоровья и на пике популярности внутри страны. Для державы, в которой на протяжении тысячи лет лидеры всегда покидали свой пост или по причине естественной смерти, или в результате переворотов, революций и распада государства, – это огромный по своему историческому значению положительный шаг в политическом развитии.

Часть 3 Советники и соратники

Николай Николаевич Иноземцев. Фронтовик, ученый, политик

Уже в институте Коля Иноземцев выделялся. Не только академическими способностями, но и своей при еще юном возрасте взрослостью, серьезностью и надежностью. За последний учебный год он сдал экзамены за два курса и блестяще окончил МГИМО, где был не только выдающимся студентом, но и всеми уважаемым общественником. Тогдашний директор института Ю.П. Францев говорил мне: «Иноземцев – это будущий секретарь ЦК».

По окончании института он был направлен в ответственную командировку в Китай, а по возвращении – в газету «Правда», где вскоре стал заместителем главного редактора, ведавшим всеми международными делами. Одновремено академик А.А. Арзуманян пригласил его в свой институт – Институт мировой экономики и международных отношений на должность заместителя директора.

У нас с ним с самого начала сложились дружеские и очень доверительные отношения, тем более, что по всем главным вопросам, волновавшим нас, мы оказались единомышленниками. Сближало и то, что работы у нас, что называется, были смежными: вначале журналистика, а потом – Академия наук. Что сыграло в нашей жизни не меньшую роль – Брежнев начал привлекать и его, и меня в качестве внештатных советников и «речеписцев». К этому добавлялось личное доверие и общие друзья – Гриша Морозов, Валя Зорин и другие.

Одной из наших общих идей, которыми мы досаждали Брежневу и другим руководителям, была необходимость для нашей страны как можно скорее и активнее включиться в развертывающуюся в мире научно-техническую революцию. То ли мы, то ли другие убедили – готовить по этому вопросу Пленум ЦК.

Словом, я не раз вспоминал слова Францева, предсказывавшего Иноземцеву блестящую карьеру. Но об этом же думали его враги и завистники: они понимали, что выдвижение его в политическое руководство сразу же отодвинет их далеко назад. Потому против него плелись хитроумные интриги.

Сначала арестовали его заместителя по хозяйственной части. Сварганили дело, согласно которому Иноземцев часть списываемого институтом имущества (точнее – канцелярской рухляди) якобы приказывал отвозить себе на строящуюся дачу. Ничего не получилось – зама выпустили. Тогда в самом конце

1982 года арестовали двух молодых сотрудников – Фадина и Кудюкина – уже по политическому обвинению (их в следующем году тоже выпустили), и образовали комиссию Политбюро во главе с Гришиным по проверке всей деятельности института. Она составила настоящий обвинительный акт, который мог бы преградить и путь наверх его директору, но и с этой затеей ничего не вышло – дело потухло.

Однако безвременную смерть Иноземцева вся эта постыдная возня ускорила. Так что своего – не допустить выдвижения Иноземцева на высокий политический пост – его враги и завистники все же не мытьем так катаньем добились. Но запятнать его имя они так и не смогли…

Александр Евгеньевич Бовин. Не полностью востребованный талант

Александр Евгеньевич Бовин был человеком огромного таланта и очень больших знаний.

Это очевидно миллионам его читателей и полюбивших его телезрителей и радиослушателей. Как политика его, естественно, знают меньше. Но могу заверить: и здесь, как советник руководителей страны, он был на высоте и в смысле знаний, и в смысле смелости. Точно так же остается малоизвестной общественности его дипломатическая служба в бытность его послом в государстве Израиль.

Политически Бовин был безукоризненно честным, принципиальным человеком. По этой причине он болезненно переживал ошибки и неверные шаги нашей политики в Европе, Азии, других регионах. Не боялся говорить об этом с теми, кто принимал решения.

Ему претило наше бряцание оружием, авантюристическое ввязывание в сомнительные ситуации, возникавшие в разных странах, стремление внушить другим веру в непогрешимость Москвы.

Он с трудом сдерживал себя, когда видел, как наши идеологи набрасывают на существо дела пропагандистские одежды. Во время подготовки материалов к XXIII съезду КПСС он написал иронические куплеты о нашей общей борьбе за «чистоту марксизма-ленинизма». Там, между прочим, были такие строки:

Программа, линии, платформы…
– Чтобы сохранили свои формы,
Крахмалит Бовин, а потом
Их Брутенц гладит утюгом…

Не удержусь от искушения привести еще пару строк:

А. Беляков мрачнее тучи,
Полощет принципы. И тут же
Спешит Арбатов на подмогу,
– В ведре он кипятит эпоху.

Остается только сказать, что К.Н. Брутенц и А.С. Беляков – наши коллеги из международного отдела ЦК КПСС.

Перечитывая давние Сашины строки, я задерживаю внимание на словах о том, как мы, консультанты лидеров партии, в ведре «кипятили эпоху». По-моему, трудно точнее и лаконичнее выразить смысл наших тогдашних усилий. Хотя чаще всего они заканчивались выпуском пара.

* * *

Особенно болезненно Бовин переживал ввод наших (и других стран Варшавского Договора) войск в Чехословакию, удушение «пражской весны». Я тоже испытывал ужасный стыд за то, что мы тогда сделали, и не очень это скрывал. О моем отношении к августовским событиям 1968 года знали Бовин, Андропов, да и многие другие.

Брежнев долгое время был очень нерешителен. Кто-то ему втемяшил в голову, что если чехи не справятся с ситуацией, то именно ему, Брежневу, все будут ставить в вину, что он потерял Чехословакию. Это сильно задевало его честолюбие. Формированию у членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС негативного отношения к «пражской весне», к чехословацким реформаторам в значительной мере способствовали панические письма советника-посланника Посольства СССР в Чехословакии И.И. Удальцова, когда-то работавшего в ЦК, и записки заведующего сектором Чехословакии отдела ЦК КПСС Колесникова. Панические настроения, содержавшиеся во всех их обращениях в адрес высшего партийного руководства, усиливали эскалацию напряженности в кремлевских коридорах и в советско-чехословацких отношениях.

Андропов же никак не мог избавиться от венгерского синдрома. Считал, что мы с чехами потеряли время, раньше надо было «все пресечь», не доводить ситуацию до применения силы. Но вторжению он ни официально, ни в частных разговорах не противился.

О Чехословакии я с Брежневым и Андроповым говорил напрямую. Мои аргументы сводились к тому, что мы ведем себя непоследовательно. У нас был XX съезд партии, осудивший культ личности, а в ряде стран остаются памятники Сталину, улицы и площади носят его имя – и ничего!

Теперь чехи явно идут вперед, опережают нас в темпах демократизации общества. Мы отстаем, чувствуем себя уязвленными – обидчивость и раздраженность сказываются на наших решениях. Брежнев от этих разговоров отмахивался, а Андропов стоял на своем:

– А если это выльется в вооруженное восстание?!

* * *

Не я один, многие об этом говорили. А поступок совершил Бовин. В декабре 1967 года мы с Бовиным и наши жены отдыхали в Чехословакии, в Татрах. По окончании срока путевки мы с женой и Леной Петровной Бовиной вернулись в Москву, а Саша с разрешения руководства отдела на некоторое время остался в Праге. У него там было много друзей, они помогали ему лучше понять происходящее, в том числе смысл проходившего в те дни Пленума ЦК КПЧ, где чешские партийцы восстали против Антонина Новотного, тогда возглавлявшего ЦК. Разговоры с чехами, в том числе с Александром Дубчеком, передавали новую атмосферу, которую привносили в партию молодые реформаторы. По возвращении в Москву в январе 1968 года Саша написал записку «К урокам чехословацких событий». Это был лаконичный и глубокий анализ положения в КПЧ и Чехословакии, спроецированный на реальную обстановку в других – как тогда говорили, братских – странах и партиях.

По его признанию, все происшедшее тогда между Москвой и Прагой было разрушением «каких-то глубинных оснований его политического существа», «мыслящей социальной единицы».

В середине августа, вскоре после двусторонних встреч в Чиерне-над-Тиссой Бовин подготовил записку «К вопросу о «крайних мерах»» – довольно острый, по тем временам, анализ ситуации: как она может развиваться, какие будет иметь последствия в случае принятия нашим руководством «крайних мер», то есть решения о вводе в Чехословакию регулярных войск.

В достаточно деликатной форме, как бы взвешивая все плюсы и минусы такого решения, Бовин, едва ли не единственный из сотрудников аппарата ЦК КПСС, официально доказывал, что в сложившейся ситуации применение военной силы в Чехословакии «создаст такие трудности, которые вряд ли компенсируются возможным политическим выигрышем».

Прежде чем передать бумагу Брежневу, он решил показать ее Андропову, советуясь, следует ли переслать ее на юг, где в то время отдыхал Брежнев. Посылать ему не посоветовали. Он дождался возвращения Брежнева в Москву, добился тридцатиминутного с ним разговора, пересказал смысл подготовленного анализа.

– Мы с тобой не согласны, – ответил Брежнев. – Принципиально.

А до ввода войск в Прагу оставалось тогда всего три дня…

* * *

Все, о чем говорилось выше, относится к Бовину известному – известному своими талантами, знаниями, умом. Но хотел бы сказать о «неизвестных» сторонах этой незаурядной личности или известных лишь родным и близким друзьям. Саша был удивительно организованный, пунктуальный, в чем-то я бы даже сказал педантичный человек. я был поражен, когда впервые увидел страницу, исписанную им от руки. У него был мелкий, бисерный, но очень четкий почерк, писал он почти без помарок, изредка со столь же аккуратно сделанными исправлениями. Его бумаги хранились в образцовом порядке. Когда что-то надо было найти, на это почти не уходило времени.

Аккуратен он был во всем. В том числе в отношениях с товарищами и сослуживцами. Точен, обязателен, никогда не подводил. Когда у меня, например, случались сложности, трудные минуты, первый, с кем меня тянуло поделиться, посоветоваться, был Саша Бовин. Если уж зашла речь об этом, хотел бы сказать, что при всей сдержанности и нелюбви к сентиментальности он был удивительно душевный человек, верный друг, на которого можно было полностью положиться.

Я убеждался в этом не один раз.

В ноябре или декабре 1975 года при подготовке материалов к XXV съезду партии у Брежнева в Завидове собралась группа работников ЦК, МИДа, академических институтов. Помню, там были Бовин, Иноземцев, Загладин… При обсуждении международного раздела основного доклада зашла речь о событиях в Анголе, куда Фидель Кастро по просьбе Агостиньо Нето в помощь ему послал войска.

Мне тогда пришлось вступить в полемику с А.М. Александровым-Агентовым, оценивавшим эту акцию как выполнение Кубой интернационального долга. Я же видел в этом подрыв разрядки и осложнение советско-американских отношений.

– Представьте, – сказал в какой-то момент Брежнев, – что вы члены Политбюро. Поспорьте, а я послушаю…

Никто в спор не вмешивался. Единственным, кто порывался поддержать меня, был Бовин. Его только что возвратили из опалы, и мы с Иноземцевым сделали Бовину знак, что ему лучше помолчать.

СССР все-таки поддержал тогда Кубу. Потом я прочту в

бовинских мемуарах, что Брежневу «было не вредно узнать, что существуют весомые аргументы против ангольской авантюры Кастро, и что есть люди, готовые изложить эти аргументы».

* * *

Когда в 1980 году московский горком партии вместе с отделом науки ЦК КПСС задумал разгромить созданный Иноземцевым Институт мировой экономики и международных отношений, у нас с Бовиным созрел план поговорить с Брежневым. Мы ему рассказали о неприятностях, которые обрушились на Иноземцева и, по-видимому, ускорили его смерть, о том, что теперь вынашивается замысел закрыть институт.

– Кому позвонить? – спросил Брежнев.

Мы назвали В.В. Гришина, первого секретаря МГК и председателя комиссии, занимавшейся этим делом. Брежнев говорил по телефону с Гришиным в нашем с Сашей присутствии, и институт оставили в покое. Это был наш последний разговор с Брежневым.

Саша считал, что нельзя подводить друзей, и был в этом педантично точен. Он охранял их добрые имена, даже когда их самих с нами уже не было. Мы вместе защищали Г.Э. Цуканова, помощника Брежнева, когда в 1970-х годах над ним стали сгущаться тучи. Так бывает с очень приближенными к высшему руководству людьми, когда они или надоедают, или совершают маленькую оплошность, вызывающую неадекватную реакцию. Цуканов был одним из немногих людей, кто мог говорить Брежневу неприятные вещи. Мы оба как могли поддерживали этого славного, знающего человека, в прошлом главного инженера металлургического завода в Днепродзержинске. Именно Брежнев уговорил его в свое время перейти в ЦК КПСС помощником генсека.

* * *

Хорошо помню историю своей размолвки с Андроповым, в то время уже первым лицом в партии. Я вспоминал об этом выше, но все же повторю. Я написал Андропову письмо о ситуации в стране, об усилении цензуры, активизации консерваторов в аппарате ЦК и т. д.

Андропов прислал довольно резкий ответ, и я тут же позвонил Бовину. Мы встретились на Кропоткинской… Приведу

отрывок из бовинских мемуаров: «Ответ я прочитал тут же под фонарем. Действительно, такая небрежная отмашка… и совершенно не соответствующая тональности отношений, которые поддерживались между Андроповым и Арбатовым вот уже двадцать лет… Арбатов иногда перебирал по части настырности. Не потому, что он хотел поучать, а потому, что болел за дело. И Андропов должен, обязан был это понимать. Но – не понял. Это меня удивило и огорчило больше всего. Наверное, подозрительность, свойственная службе в КГБ, достигла критической массы. Наверное, делала свое дело и болезнь, ослабляя не только тело, но и душу, снижая сопротивляемость против наветов и наушничанья. И хотя данное письмо меня конкретно не касалось, я воспринял его как обращенное и ко мне».

Мы с Сашей понимали друг друга совершенно. Оба решили никому об этом письме не сообщать, не выяснять с Андроповым отношения, пусть все идет как идет. Потом и у Саши тоже отношения с Андроповым осложнились, а из-за чего уже не помню.

Некоторое время спустя, как я уже рассказывал, мне позвонил М.С. Горбачев:

– Звони немедленно Андропову, он хочет мириться с тобой и с Бовиным.

При встрече со мной Андропов не извинялся, а только сказал:

– Ну, что будем делать дальше?

Я ответил в том смысле, что глупо получается, в такой трудный период особенно важно что-то делать вместе.

– Да-да, вот ты это учти. Ну ладно, давай все начнем сначала…

Вскоре такая же встреча была у Андропова с Бовиным. Мы оказались ему нужны – меня он попросил поработать над темой «партия и интеллигенция», Сашу – над темой «партия и национальный вопрос».

* * *

Выступления Бовина в печати (неполных 20 лет он работал обозревателем «Известий»), авторские программы на радио и телевидении сделали его чрезвычайно популярным. Бовина узнавали на улице, в общественных местах, ему лично писали. Саша с честью выдержал и это испытание, оставшись самим собой – человеком, верным своим принципам и идеалам.

Потом была дипломатическая служба – Бовина назначили

послом в Израиль. Страна небольшая, но отношения нашей страны с ней были очень важны. Мы встретились с Сашей в Тель-Авиве, куда я прилетел по приглашению университета для выступления. Два главных впечатления, которые я вынес от этой встречи: одно – что дипломатическая служба с ее строго регламентированным этикетом нисколько его не изменила и второе – не столько от встреч с Сашей, сколько от разговоров с израильтянами: Саша стал там одним из самых заметных и популярных людей.

Работа ему нравилась, именно своей сложностью нравилась; он умудрялся с блеском выходить из трудных ситуаций, отношения же с нашим МИДом, как я понял, у него были непростые. Все же он сильно отличался от типичных карьерных дипломатов, какими они, по их собственным представлениям, должны быть. Саша о подробностях не распространялся, но можно представить, что это был не очень покорный и послушный подчиненный, управлять им вряд ли кому удавалось.

* * *

Возвратившись на родину, Бовин оказался в совсем другой стране, чем та, из которой он несколько лет назад уехал. Перемены эти были, в основном, не к лучшему. Чехарда со средствами массовой информации сделала неясными, в частности, статус и судьбу «Известий», куда, по идее, должен был вернуться обозреватель Бовин. Велись с ним какие-то разговоры и о работе на Третьем (московском) канале телевидения. Но и там у него не сложилось, и поневоле он решил стать «вольным» журналистом, сидел за письменным столом в основном дома.

Бовин не жаловался на судьбу, на то, что он, в прошлом ответственный работник ЦК КПСС и советник высшего руководителя, затем один из самых известных в стране журналистов и, наконец, посол России в важном и сложном ближневосточном государстве, оказался вдруг фактически невостребованным. Он мог украсить собой и с честью справиться со многими ответственными должностями, тем более в условиях острого кадрового голода, – я имею в виду, конечно, голод на достойные кадры. Он мне на это ни разу не жаловался, даже намеками. Но думаю, что в душе не мог не переживать.

А если бы и пожаловался, что я мог ему сказать? Что после периода Горбачева у нас как-то вроде бы отпала нужда в опытных, умных и достойных кадрах? В стране оказалось множество людей «без биографии», «без прошлого», без многих других как будто бы

абсолютно необходимых вещей, но готовых в любой момент занять любой пост, вплоть до должности премьер-министра. Думаю, что эта какая-то «неприкаянность», вроде бы «ненужность» после возвращения из-за рубежа стоила Александру Евгеньевичу, всегда бывшему востребованным и находившемуся в гуще событий, немало нервов и здоровья, сократила ему жизнь.

От этого потеряла не только любимая им семья (жена Лена, дочь Женя и внук Макар, сестра Галя), но и Россия. Такие журналисты, политики, мыслители – это везде и всегда «штучный товар», а нашей стране их ой как не хватает.

Анатолий Сергеевич Черняев. Кардинал при Горбачеве, но отнюдь не серый

Анатолий Черняев – человек необычного прошлого. Выросший в московской Марьиной Роще мальчишка стал студентом исторического факультета МГУ и со студенческой скамьи ушел на фронт бойцом лыжного батальона. Воевал он, видимо, умело и храбро – иначе не выдвинулся бы, не имея военного образования, из рядовых, через ряд ступеней, в исполняющего обязанности начальника штаба стрелкового полка. В пехоте служба трудная и опасная, но судьба его уберегла, и он остался живым и неискалеченным.

Демобилизовавшись, некоторое время Черняев занимался научной работой, а потом его призвали на работу партийную. Я с ним познакомился в Праге, где мы оба работали в международном коммунистическом журнале «Проблемы мира и социализма». Там мы и стали друзьями на оставшуюся жизнь.

Журнал был для нас в известном смысле и университетом. Мы предметно ощутили, что даже среди единомышленников-коммунистов на политические и социальные проблемы существуют разные взгляды и далеко не всегда наш взгляд является самым правильным. Из иностранных коммунистов мы особенно дружны были с итальянцами, работавшей в журнале Бианкой Видале (дочерью итальянского коммуниста, в годы диктатуры Муссолини эмигрировавшего в Москву, где Бианка и окончила школу) и ее мужем Франко. Термин «еврокоммунизм» появился на свет много позже, но многие его идеи и подходы открылись нам тогда, в этой итальянской семье и от некоторых других работников журнала. Это была часть интеллектуального багажа, с которым мы несколько лет спустя вернулись на родину – я на научную, а Анатолий на партийную работу.

Я часто видел Черняева, когда он работал в международном отделе ЦК КПСС (здесь он тоже продвинулся до первого заместителя заведующего отделом). С этой работы он был приглашен Горбачевым в помощники и остался с ним и после ликвидации ЦК КПСС и образования «Горбачев-фонда». Горбачеву он помогал много и эффективно. В этот период наши дружба и сотрудничество стали особенно тесными.

* * *

Анатолий – крупный специалист-международник, оказывавший Горбачеву большую помощь во внешнеполитических делах. Он – автор нескольких книг, в основном посвященных воспоминаниям о бедственном положении международного коммунистического движения, о современном положении нашей страны в мире и о трудных проблемах, с которыми она сегодня сталкивается. К сожалению, среди более молодого поколения я такого не вижу (сужу не только по личным знакомствам, но и по тому, что сейчас печатается на эти темы). Все это люди не того калибра, а может быть, иногда думаю я, не нужны при нынешней политике и политиках такие высочайшего качества специалисты?

Если бы Анатолий пошел в науку, он стал бы историком высочайшего класса, несомненно был бы удостоен высоких академических званий. Но он выбрал другой, более важный для страны, хотя и более трудный путь – политику. И стал не только помощником и советником М.С. Горбачева, но и крупным политическим деятелем.

Коллеги по работе знают его как надежного товарища, безукоризненно честного и принципиального человека. Репутация среди друзей у него безупречно чистая. То же самое можно сказать и о его политической репутации. Времена менялись, критерии оценок тоже, но Черняев всегда оставался самим собой, человеком честным, нелицеприятным и принципиальным.

Можно только пожалеть, что в такие сложные дни он вынужден стоять в стороне от реальной внешней политики – сферы, где он был и остается высококвалифицированным профессионалом. Хотя и то, чем он занимается сейчас – написание книг о работе бывшего Политбюро, о ситуации в стране и мире, представляет несомненный интерес и приносит практическую пользу.

Например, его с коллегами книга о деятельности Политбюро в последние годы его существования впервые дает представление о работе этого органа КПСС, решавшего самые важные вопросы нашей жизни, судьбы страны, о стиле его работы да и о нравах ее участников. Это не только интересно, но и важно знать нашим соотечественникам и тем, кто изучает нашу страну за рубежом. В наших интересах правильное ее понимание.

Григорий Алексеевич Явлинский. Реформатор, опередивший время

С Явлинским в 1980-х годах я часто встречался во время моих (и его) командировок в США, особенно часто в Гарвардском университете. Я занимался, как обычно, делами, связанными с советско-американскими отношениями, а он усиленно изучал экономику, американский и в целом западный опыт управления рыночной экономикой, взаимодействия рыночных и налоговых, законодательных, бюджетно-финансовых механизмов. Он встречался со многими американскими и европейскими специалистами, представлявшими самые различные школы и модели рыночной экономики, стремясь выбрать то, что могло бы пригодиться нашей стране, когда придет время глубоких социально-экономических реформ.

Вспоминаю один курьезный эпизод, когда в Нью-Йорке на встрече с известным американским экономистом в нашем гостиничном комплексе при советской миссии в ООН мы так увлеклись беседой в моем номере, что Григорий забыл, что оставил не выключенным кран в ванной своего номера. В итоге произошел небольшой потоп, за который ему потом пришлось отвечать перед завхозом.

Насколько я понял из наших многочисленных бесед, он всегда осознавал, что слепое копирование западных моделей никогда не даст положительного результата дома. Это было обусловлено не только национально-исторической спецификой нашего народа и государства. Главное – никогда в истории ни одна страна не проходила путь, который предстояло пройти нам. Капитализм везде развивался от аграрной экономики, через мелкую и среднюю промышленность, к большой индустрии, поначалу неуправляемой. отсюда кризисы, социальные потрясения, рождение радикальных политических течений – коммунизма и фашизма, которые победили в некоторых странах и надолго увели их в сторону от магистрального развития общества. Эта магистраль, безусловно, пролегала через такие модели, как кейнсианство, неокейнсианство, социал-демократические программы, сочетание экономического либерализма с социальной ответственностью государства и бизнеса. Именно в странах, принявших названные модели, общество достигло наилучших результатов в росте благосостояния преобладающей части населения, социальной защищенности нуждающихся в ней, в развитии политических

свобод и гражданского общества, темпах научно-технического прогресса.

Что касается нашей страны, то уникальность ее пути состояла в том, чтобы пройти обратной дорогой, от малоэффективной государственной плановой экономики, от гигантской и супермилитаризованной индустрии – к рыночному хозяйству, которое лучше всего отвечало нуждам потребителя в лице всех граждан. Проделать такой путь надо было, не допуская социальных потрясений, сохранив достигнутый высочайший уровень науки, культуры, образования и здравоохранения, обеспечив жесткий контроль над накопленными арсеналами ядерного оружия, атомной и химической промышленностью, транспортной инфраструктурой. Причем на развитие социально ответственного капитализма у нас не было сотни или двух сотен лет, какие потребовались для этого Западной Европе и Америке. Нам нужно было решать все задачи в течение одного-двух десятилетий.

* * *

Мне кажется, Григорий это понимал. Недаром, рассуждая о грандиозности стоявших задач, он шутил: «Из аквариума с рыбками нетрудно сделать уху, а вот можно ли уху превратить обратно в аквариум с рыбками – в этом главный вопрос».

Пытаясь решить эту колоссальную задачу, он вместе со своими молодыми коллегами из созданного им ЭПИцентра разработал известную программу «500 дней». Будучи назначен на пост заместителя премьер-министра РСФСР (Силаева) в самом конце 1980-х годов, Явлинский предложил эту программу как курс практической политики. Но программа «500 дней» была рассчитана на весь Советский Союз и потому была передана на рассмотрение советского руководства во главе с Горбачевым. Тому она показалась слишком радикальной, и он передал ее на апробацию ряду маститых экономистов-академиков, имевших огромный авторитет в Кремле. По тем или иным причинам, о которых можно только догадываться, академики приняли программу Явлинского с большими оговорками, и в результате она была, что называется, спущена на тормозах.

Григорий, будучи человеком принципиальным, ушел в отставку, не жалея о больших благах и привилегиях, которые давал высокий государственный пост. В этом проявилась его серьезная ответственность как государственного деятеля – качество, которое, к сожалению, за редчайшими исключениями,

не привилось ни в последний период существования СССР, ни в новой демократической России, где чиновники буквально зубами до последнего держатся за свои посты и сопутствующие им материальные блага, даже будучи полностью дискредитированными по части коррупции, скандалов и профессиональных провалов. И в экономических проектах, и в должностной этике Явлинский намного опередил свое время (дай бог стране когда-нибудь это время нагнать!).

* * *

Среди всех ошибок, которые справедливо или несправедливо теперь вменяют Горбачеву, этот эпизод никогда не вспоминают, а между тем, как мне представляется, именно тогда он совершил огромную ошибку, проявил нерешительность, излишний консерватизм. Это дорого обошлось стране, поскольку именно стагнация экономических реформ и углубление хозяйственного кризиса на фоне быстрой внутриполитической либерализации создали главный разлад его политики «перестройки», вызвали мощные центробежные процессы между республиками СССР, раскололи общество на сторонников более радикальных мер и приверженцев возврата к старым временам. Метания самого Горбачева «меж двух огней» оттолкнули либералов к Ельцину, а реакционеров побудили к авантюре с путчем августа 1991 года, со всеми вытекавшими последствиями.

Возможно, отнесись тогда Горбачев к программе Явлинского по-другому – вся последующая эпопея нашей страны была бы иной. Но история, как известно, не имеет сослагательного наклонения, как вышло – так и вышло.

А вот к программе «500 дней» хочу сделать еще ряд комментариев. Ее судьба заслуживает особенного сожаления, ибо эта программа претерпела три удара. Сначала, как отмечено выше, она была отвергнута как «слишком радикальная» руководством РСФСР и СССР. Потом, в 1992 году, Гайдар в своем курсе «шоковой терапии» буквально «надергал» из «500 дней» разрозненные меры и проекты, разрушив, по существу, всю систему, на которой основывалась программа Явлинского. Результаты «гайдарономики» были во многих аспектах просто катастрофическими на протяжении 1990-х годов и не изжиты до сих пор.

Сам Явлинский, его программа «500 дней», да и вся партия «Яблоко» в изрядной мере были сделаны «козлами отпущения» за разрушительные реформы Гайдара и его команды. Во всяком

случае, такое мнение было сформировано у значительной части общественности, а Гайдар и его соратники не слишком старались развеять это заблуждение, видимо, желая разделить ответственность с другими демократическими политическими силами.

* * *

В отношении программы «500 дней» (на деле ее мало кто читал) существует немало ложных представлений, которые сводятся к саркастическому утверждению, что, мол, Явлинский намеревался за 500 дней чуть ли не «превратить СССР в Швецию». Насколько я знаю, его программа ничего столь прожектерского вовсе не имела в виду. Она была предназначена исключительно для того, чтобы создать законодательные предпосылки и социальные «подушки» для начала честной и эффективной приватизации по реальной стоимости; постепенной либерализации цен; поощрения и защиты частного предпринимательства, особенно на уровне мелкого и среднего бизнеса, включая фермерство; антимонопольного регулирования; привлечения частного капитала и высоких технологий из-за рубежа. Программа предусматривала переход к рыночной экономике и создание ее двигателя – частной собственности – не любой ценой и не любым способом, а так, чтобы от этого выиграло все общество и в долгосрочном плане были заложены основы цивилизованного и социально ответственного рыночного хозяйства с сильным и беспристрастным государственным регулированием (а не коррупционным соитием). Именно такая экономика, в отличие от ельцинского «дикого капитализма» и современного экспортно-сырьевого хозяйства, должна была стать базой для развития российской демократии и правового гражданского общества.

Для закладки таких предпосылок и первоначального импульса в правильном направлении, как при выводе спутника на заданную орбиту, 500 дней, то есть полтора года, – это более чем достаточный срок. Конечно, при наличии политической воли сверху и поддержки со стороны общества снизу. Но как раз этого в России начала 1990-х годов не было. Поэтому не верьте тем, кто утверждает, что «реформу» Гайдара приняли потому, что не было у правительства ничего другого. Неправда, было! Сумма предложений Явлинского намного превосходила по обоснованности, охвату проблем, экономической и социальной зрелости проект Гайдара, во многом списанный у западных

экономистов. Стянув кое-какие идеи у Явлинского, Гайдар через ельцинского наперсника Геннадия Бурбулиса нашел лазейку, через которую прошел сам и протащил свой план реформ к президенту Ельцину. Тот абсолютно не разбирался в экономике и был куплен простотой предлагаемого плана – отпусти цены и возникнет рынок, который тут же заработает сам по себе.

То, что Явлинский планировал сделать за полтора года, Гайдар сделал за два дня, причем вне всякой разумной системы и без должной социально-экономической подготовки, а ведь при любой реформе система не менее важна, чем конкретные составляющие ее меры. Сам Явлинский не раз говорил, что тут как в хирургии: далеко не все равно, что делать раньше – наркоз или саму операцию. При гайдаровской операции инфляция подскочила до полутора тысяч процентов, а экономика покатилась вниз к тяжелейшему кризису и стагнации, из которых до она по-настоящему не выбралась до сих пор. (При всей радости по поводу экономического подъема последних лет, основанного на высоких мировых ценах на нефть и газ, не нужно забывать, что российский ВВП по объему все еще не больше двух американских военных бюджетов.)

* * *

Явлинский был одним из немногих, кто понимал, куда покатилась экономика, и на нем лежит вина, что он не проявил достаточной решительности в борьбе с очковтирательством Гайдара, убеждавшего всех, что через считаные недели или, во всяком случае, месяцы его «реформа», а с ней и экономика заработают полным ходом. Григорий, правда, насколько я слышал, пытался пройти к Ельцину и не только раскрыть ему глаза на авантюру Гайдара, но и предложить альтернативный план – модифицированный под роспуск СССР проект «500 дней». Но Гайдар и его друзья оговорили Явлинского в глазах Ельцина, упирая на то, что Явлинский якобы – человек Горбачева. Это был безошибочный интриганский ход: Ельцин ненавидел Горбачева, которого лишил власти, пожертвовав ради этого существованием СССР, о ликвидации которого он вместе с президентами Украины и Белоруссии договорился тайком в Беловежской Пуще в декабре 1991 года.

После этого Явлинскому оставалось продолжать экономическое и политическое исследование в своем научном институте «ЭПИцентр» и руководить партией «Яблоко», которая была представлена в Думе на протяжении десяти лет.

После того как «Яблоко» вытеснили из Думы на выборах 2003 года партия стала менее заметна в российской политической жизни. Частично это объясняется тем, что ее, безусловно, сознательно «зажимают» власти в Центре и на местах. Но есть тут, наверное, вина и Явлинского с его соратниками. Если в 1990-е годы они недостаточно жестко отмежевались от чубайсовско-гайдаровской партии, то, оказавшись вне Думы в текущем десятилетии, «Яблоко» проявило недостаточно настойчивости и гибкости, чтобы объединиться со всеми демократическими силами страны, включая Союз правых сил.

* * *

Сейчас «Яблоко» переживает очень трудные времена. Но именно в такие периоды партия проходит суровый экзамен на стойкость и политическую зрелость, доказывает свое право на существование и свою востребованность обществом. В России, особенно в бурный переходный период ее развития, все меняется очень быстро и непредсказуемо. Те, кто сейчас на высокой орбите, могут невероятно быстро упасть с политического небосклона – и наоборот.

Я уверен, что Явлинский – человек честный, умный и уже весьма опытный – был бы достойным членом руководства страны и привел бы туда немало способных людей. Как болельщик этой партии я продолжаю верить, что наступит и ее время, тем более что ее нынешние лидеры в Центре и на местах весьма молоды по политическому календарю.

Думаю, что и руководству страны станет ясно, что оно нуждается в оппозиции – лояльной, конструктивной и умной.

Владимир Петрович Лукин. Политик с чистыми руками

Я познакомился с Лукиным давно, когда он поступил в аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений, где я тогда работал. Потом я уехал в загранкомандировку в Прагу и на время потерял его из вида. Но знал, что после аспирантуры он работал научным сотрудником и журналистом. Уже после моего отъезда из Праги туда приехал Лукин и работал в том же журнале – «Проблемы мира и социализма». Здесь-то его и застала «пражская весна» 1968 года. Лукин дружил с Дубчеком и симпатизировал ему. Будучи честным, принципиальным и очень смелым человеком, он не скрывал своего негативного отношения к военному подавлению чешской «перестройки и гласности», хотя либеральные перемены в ЧССР тогда так не называли.

По тем временам это был действительно мужественный поступок. Наряду с несколькими диссидентами, которые не побоялись выйти в знак протеста на Красную площадь, в СССР набралось совсем не много людей, которые открыто осудили действия стран Варшавского договора в августе 1968 года, хотя втайне и на кухнях их ругали многие.

Кто мог тогда представить себе, что ровно через 23 года тысячи советских граждан выйдут на улицы, чтобы смести коммунистический тоталитаризм и десятки тысяч встанут на защиту Белого дома от кремлевских путчистов?!

Но тогда, в глухой и мрачный период политической реакции, нелояльных разговоров Лукина было достаточно, чтобы его срочно отозвали из Праги в Москву. Его уволили с работы, он был на грани исключения из партии.

* * *

Вскоре после возвращения в Москву Лукин пришел в мой недавно образованный Институт США. Не скрою, в той ситуации принятие Лукина на работу вызывало у меня опасения. Но отзывы уважаемых мной людей о Лукине были самые положительные, и я решил, несмотря на «волчий билет», пригласить его работать в свой институт. Правда, я сообщил об этом Андропову, чтобы недоброжелатели не донесли ему все в извращенном свете и не настроили его против меня и Лукина. Я был приятно удивлен,

когда Юрий Владимирович сказал: «Твой институт, ты сам и решай».

Авторитет Лукина как в институте, так и за его пределами быстро рос. Я этому был рад, но понимал, что Лукин в институте долго не задержится: его масштаб и способности были гораздо крупнее; они должны были рано или поздно повлечь его выдвижение на политическую работу. Что вскоре и произошло.

Как я и ожидал, Лукина пригласили в МИД на довольно высокую должность. Потом, когда наступили большие перемены при Горбачеве, а после – при Ельцине, он стал одним из самых видных и влиятельных демократических политиков СССР и России, занимал высокие посты в парламенте, а затем его на несколько лет назначили послом в США. После возвращения из Вашингтона в 1993 году он вместе с Явлинским создал партию «Яблоко» (собственно, первые буквы этого названия составлены из фамилий ее основателей – Явлинского, Болдырева и Лукина).

Нельзя не упомянуть роль Лукина в заключении мира в Хасавюрте в 1996 году, который положил конец первой чеченской бойне. Лукин был направлен в Хасавюрт вместе с генералом Лебедем вести переговоры с Масхадовым. По мирному соглашению определение статуса Чечни откладывалось до 2001 года, предусматривалась демилитаризация вооруженной оппозиции.

Сейчас это соглашение принято поливать грязью, называть чуть ли не «предательством», но я категорически не согласен с такой оценкой. Мир был единственно верным решением на тот момент, ошибкой было другое: после Хасавюрта в Кремле как будто забыли о Чечне. Москва не могла и не пыталась ни контролировать ситуацию внутри Чечни, ни изолировать мятежную республику «санитарным кордоном» по ее административным границам, чтобы пресечь вылазки боевиков в соседние районы, свободный проход туда и обратно бандформирований, оружия, наркотиков, контрабанды и прочего.

На территории России образовалась «черная дыра», что привело через три года, в 1999 году, к новой войне. Как утверждалось официально, к ней федеральные войска лучше подготовились. Но почему тогда им опять пришлось нести столь большие потери – более 20 тысяч убитыми и ранеными – и это на территории, сравнимой с Московской областью, при обладании абсолютным превосходством в тяжелых вооружениях, авиации, артиллерии, бронетехнике?! Видно, в нашей армии немногое изменилось за 60 с лишним лет, прошедших с 1945 года, и солдат, как и тогда, считается самым недефицитным предметом «военного снабжения».

* * *

После того, как «Яблоко» вытеснили из Думы на нечестных выборах 2003 года, Лукин, по представлению президента Путина, был избран уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. По правде сказать, меня этот шаг Путина удивил, но, несомненно, он был одним из удачных кадровых решений нового президента, в отличие от многих других. На эту работу, наверное, невозможно было найти лучшую кандидатуру. Ум и образованность, безупречная честность, принципиальность и неизменная гражданская позиция, искренняя забота о простых людях и широта взглядов – это далеко не полный перечень достоинств Владимира Лукина.

Говорят, политика – «грязное дело», но при этом забывают, что таким ее делают «грязные политики». Владимир Лукин – это пример того, что политику можно делать чистыми руками, и это определяет ее цели, нравственные качества, а в большой степени и результативность, ибо такая политика, скорее всего, получит широкую общественную поддержку в нашей стране и за ее рубежами.

Послесловие. Отчет по окончании «холодной войны». Есть ли «особый русский путь» развития?

После окончания «холодной войны» прошло около 20 лет. Как использовали возможности, открывшиеся с ее окончанием, наиболее крупные и активнее других участвовавшие в «холодной войне» державы?

«Отчет» за эти годы весьма противоречив, но, скорее, имеет отрицательный баланс, дебет, а не кредит. Конкретно говоря, кое-что хорошего сделано, но еще больше того, что сделать не удалось, и даже того, что было сделано плохого.

Положительные итоги в том, что закончилось изнурительное, опасное и бессмысленное глобальное геополитическое и геостратегическое соперничество двух сверхдержав – СССР и США с огромными коалициями их союзников и сателлитов. В локальных конфликтах бывшие противники стали нередко сотрудничать, а не противостоять друг другу, как раньше. Была несколько свернута расточительная гонка вооружений, сократились потенциалы ядерного оружия и обычных вооружений и вооруженных сил.

Благодаря программе американских сенаторов (моих хороших знакомых) Сэма Нанна и Дика Лугара Россия получила помощь в безопасной ликвидации излишков ядерного оружия – взрывоопасного наследия «холодной войны».

На передний план вышло взаимодействие великих держав по нераспространению ядерного оружия. После чудовищных терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. США вместе с Россией возглавили коалицию стран в борьбе с международным терроризмом и одержали поначалу внушительную победу над талибами и «Аль-Каидой» в Афганистане.

* * *

Но несмотря на эти первоначальные успехи, не удалось добиться коренного перелома в построении нового миропорядка на основе многостороннего сотрудничества, главенства дипломатии в разрешении межгосударственных споров, верховенства международного права и его институтов во главе с

ООН, радикального разоружения и использования оставшихся военных потенциалов для совместного миротворчества и общей обороны. А раз такие основы не были закреплены, в текущем десятилетии принципы сотрудничества стали все более размываться международными противоречиями, новыми линиями противостояния, недоверием и враждебностью. Дошло до того, что возобновляется гонка ядерных и обычных вооружений и политики всерьез обсуждают возможность новой «холодной войны».

Главную ответственность за эту историческую неудачу, на мой взгляд, несут соединенные Штаты – констатирую это с горечью и глубоким разочарованием, поскольку хорошо знаю эту страну со всеми ее достоинствами и недостатками. Охмелев от того, что с распадом СССР мир из биполярного превратился, как им казалось, в однополярный и этим единственным полюсом и средоточием силы стали США, они направили огромные средства на то, чтобы сохранить свой статус «единственной сверхдержавы» – вопреки международному праву, сотрудничеству, дипломатии и, в конечном итоге, в ущерб своему собственному благосостоянию и престижу в окружающем мире. Этот курс завел их в трясину иракской войны, выбраться из которой им будет не намного легче, чем в прошлом из вьетнамской, а международные последствия будут наверняка весьма пагубными.

Под руководством США НАТО стала использовать свои силы для наступательных операций, вне зоны ответственности альянса и вопреки нормам международного права, как в войне против Югославии в 1999 г., в которой сейчас собираются поставить точку с предоставлением независимости сербскому краю Косово. Кроме того, НАТО активно занялась расширением на восток, что вызывает обоснованное непонимание и беспокойство России, создает новые разделительные линии на континенте взамен берлинской стены, крушение которой ознаменовало конец «холодной войны».

Кстати, глубокое и широко распространенное на Западе непонимание причин и истоков упомянутого события во многом предопределило проблемы отношений с Россией в последующий период. Как очевидец и участник разработки тех решений и договоренностей, могу с полной уверенностью утверждать, что никакого чувства проигрыша в «холодной войне» у Горбачева, Шеварднадзе, Яковлева и окружавших гражданских и военных деятелей не было. Как и у Ельцина и его команды, пришедшей им на смену.

Было искреннее стремление прекратить «холодную войну»

и бессмысленную и опасную гонку вооружений, были надежды на реформирование СССР, а потом и России в интересах благосостояния народа (при всех совершенных на этом пути ошибках), были расчеты на взаимовыгодное сотрудничество с Западом в экономической, политической, военной сферах. Но когда потом пришлось встретиться с отношением Запада к России как к побежденному государству (вроде Германии и Японии после 1945 г.) – искренность заверений американских и европейских политиков об их стремлении к сотрудничеству и об их желании видеть Россию сильной демократической страной неизбежно была поставлена под сомнение.

* * *

Со своей стороны, Россия сначала бросилась в одну крайность – слепо следовала американским рекомендациям в своей внутренней политике и шла в фарватере курса США на мировой арене, а затем, убедившись, что такая политика не соответствует ее интересам, впала в другую крайность – во всем перечить США и сочувствовать всем антиамериканским силам в мире (разве что кроме «Аль-Каиды».

Как реакция на поражения и унижения 90-х годов в стране поднялся мутный вал настроений национализма, милитаризма, шовинизма вплоть до средневекового мракобесия и ксенофобии, которыми своекорыстно и цинично пользуются некоторые политики.

Не сумев провести эффективную военную реформу, создать компактную и мобильную, профессиональную армию, вооруженную и обученную по последнему слову техники и военного искусства (и это несмотря на огромный приток нефтедолларов и многократное увеличение военного бюджета), российское военное руководство вернулось к своему привычному делу – готовиться к войне против США, НАТО и Японии.

Возобновилась показуха с морскими походами, авиационными полетами и сухопутными маневрами, ничего общего не имеющими с реалистическими военными задачами и вероятными условиями конфликта, но тешащими честолюбие военного начальства, дурящего голову гражданским руководителям. (И это притом, что в Чечне войскам не хватает современных средств связи, легких бронежилетов и инфракрасных визоров, а вертолеты находятся на земле без горючего.)

Россия объявила мораторий на Договор об обычных

вооружениях в Европе и намеревается, судя по всему, выйти из Договора по ракетам средней дальности. Оба эти соглашения двадцать лет назад положили начало демонтажу военного противостояния в Европе по ядерным и обычным вооружениям, с чего и началось завершение «холодной войны» в ее военном измерении.

* * *

Поэтому все чаще звучит вопрос: неизбежна ли новая «холодная война», когда она начнется? Но не надо забывать, что многополярный и глобализирующийся мир стал неизмеримо более сложным и динамичным. Вместо одной главной угрозы возникло множество новых и разноплановых опасностей, начиная от распространения ракетного и ядерного оружия, от рвущегося к средствам массового уничтожения международного терроризма – и кончая этническим и религиозным экстремизмом, незаконной миграцией, гигантской контрабандой наркотиков и оружия, работорговлей, массовым голодом и эпидемиями, перспективой нехватки энергии и пресной воды, вероятностью экологических катастроф.

Навести какой-то порядок и внедрить большую предсказуемость, управляемость в этот новый многополярный и взаимозависимый, насыщенный конфликтами мир будет делом невероятно трудным, а в условиях новой «холодной войны» – абсолютно невозможным.

Тут требуется беспрецедентный уровень сотрудничества и взаимного доверия великих держав, всех цивилизованных стран мира, нужны действительно большие политические умы в их руководстве, какие не раз в прошлом спасали человечество в периоды тяжелых испытаний. Но здесь, к сожалению, почти повсеместно пока наблюдается изрядный дефицит.

Что касается США и союзных им стран, то их руководителям для выработки правильного курса в отношении России и на мировой арене в целом в ближайшем будущем надо проделать самую большую «работу над ошибками» последних двух десятилетий.

Поскольку же речь идет о России, то нам на обозримый период следует научиться не впадать в крайности или пресмыкательства перед Западом, или вражды к нему, а вместо этого выработать долгосрочную и последовательную стратегию решения, в первую очередь наших громадных внутренних проблем, оставшихся в наследство от советской власти и ошибок

последующего периода. Помимо всего прочего, для этого нужна внешняя политика, максимально благоприятствующая и помогающая таким решениям, что ни в коем случае нельзя трактовать как мелкий меркантилизм или изоляционизм.

Уже первые крупные, так сказать, системообразующие заявления преемника Владимира Путина – Дмитрия Медведева стали основанием для определенного оптимизма. он правильно определил, что России нужны десятилетия стабильного и спокойного развития, нормальной жизни в направлении перехода с экспортно-сырьевой на инновационную экономику и решения других наболевших вопросов. Тут необходим истинно национальный путь, учитывающий всю глубокую российскую историческую специфику, – но при этом нацеленный на построение универсальных основ, присущих европейской цивилизации.

Весь вопрос в том, чтобы, признавая трудности этого пути, не выдавать его издержки и отклонения от курса за благо и какую-то особую национальную модель развития. Именно так делали нацисты в Германии, проповедуя философию превосходства арийской расы и абсолютное захватническое право своей милитаризованной тоталитарной империи.

* * *

Весьма примечательно, что мнение об «особости» русского пути, якобы обусловленного самой природой нашего народа, разделяют сейчас три весьма непохожие друг на друга историко-политические школы.

Одна представлена, например, уважаемым мною профессором Юрием Афанасьевым (он изложил свои взгляды в книге «Опасная Россия»; М., 2001).

Другая школа – это не уважаемые мной российские ура-патриоты, великодержавные шовинисты и неоимпериалисты всех мастей и идеологических оттенков. Разница между ними в том, что первые считают эту «особость» проклятием, а вторые – ценнейшим национальным достоянием.

И, наконец, третья школа – это зарубежные политики и политологи, в частности мой неизменный американский оппонент Збигнев Бжезинский, которые упирают на российскую чуждость Западу в качестве довода о невозможности долгосрочного и глубокого сотрудничества и тем более интеграции с Россией.

Бжезинский в свое время прославился аргументом, что

Россия не может воссоединиться с Европой, потому что не пережила Возрождения, Реформации и Просвещения. На мой взгляд, такие аргументы, хоть и звучат красиво, на самом деле безосновательны: многие страны Европы (в частности, Польша – родина Бжезинского) тоже исторически оказались не очень причастны к этим великим переворотам европейского сознания, что не мешает им считать себя частью Европы и усиленно интегрироваться в нее.

Но не только в этом дело. В России были и Возрождение, и Просвещение, но несколько позднее – в XIX веке, а Реформации действительно не было, но лишь потому, что в России Православная Церковь со времен Ивана III была всегда подчинена государству. Потому она не являлась самодовлеющей силой в экономике, политике и войнах, как папский Рим, который после тысячелетнего идеологического господства вызвал протестное движение своими жестокостями, властолюбием, корыстью и развратом.

В отличие от азиатских народов русские не могут развивать эффективную рыночную экономику без политической свободы, при авторитарной политической системе (как в Китае) или в условиях иностранной оккупации (Япония, Южная Корея в 1950—1960-е годы), – и это еще один важнейший признак нашей европейской принадлежности.

В России 1990-х годов криминальная приватизация, «шоковая терапия», государственный и правовой хаос имели мало общего с политической свободой и демократией, которые необходимы для цивилизованного частного предпринимательства. А в текущем десятилетии свертывание слабых первых ростков демократии и гражданского общества под лозунгом укрепления государства опять придавливает рыночную экономику. Процветают в основном экспортно-сырьевые монополии, сращивающиеся с государством, а основа современной экономики – отрасли высоких технологий, средний и мелкий бизнес, включая сельское хозяйство, приходит все больше в упадок, ее продукция замещается импортом. За границу уезжают уже не только талантливые ученые, врачи, деятели искусства, но и простые инженеры, которые обречены в России на нищенское существование или унизительный челночный приработок. Будучи природными европейцами, на Западе они очень быстро приспосабливаются и добиваются успеха, запросто интегрируясь в общество и не образуя замкнутых общин, как делают иммигранты из Азии, Африки и Латинской Америки.

* * *

И еще одно соображение насчет ценностей. Какая страна может претендовать на европейский статус больше, чем Италия – родина европейской цивилизации? Или чем Германия – центр европейской истории на протяжении целого тысячелетия? Куда же подевались их европейские ценности, когда в Италии зародился фашизм, когда в Германии фашизм достиг своего чудовищного апофеоза с зоологическим расизмом, крематориями концлагерей и тотальной войной?!

К чему же все эти философствования об отличающихся ценностях россиян? Не в ценностях дело – они у нас с Европой общие, – а в политике, которая и определяет на каждый данный момент уровень цивилизованности или проявления варварства каждой конкретной страны.

Если в силу крупных политических ошибок наш «большой скачок» в капитализм в 1990-е годы оказался не успешным и принес огромные издержки, то это не повод в нынешнем десятилетии вновь твердить о нашей исключительности и об особом российском пути «между Европой и Азией» в экономике, внутриполитическом устройстве и внешней политике. Такой подход ведет нас по замкнутому кругу, обрекает на стагнацию, все большее отставание от передовых держав, толкает к изоляции или к неприглядным, а то и весьма опасным союзникам, готовым втянуть нас в свои авантюры.

«Евразийство» – это реакционная философия, служащая идеологическим обоснованием и грубым макияжем для прикрытия социально-политической отсталости России, бесправия народа, чиновничьего произвола. Понятно, что такой строй диктует и внешнюю политику (опять-таки под лозунгом «евразийства») в виде отчужденности от самых передовых, демократических и процветающих стран мира.

В известной степени это относится к современной концепции «суверенной демократии», выдвинутой кремлевскими политтехнологами и, как обычно, услужливо подхваченной новой правящей партией «Единая Россия». Эта концепция сильно смахивает на доктрину времен Брежнева под названием «реальный социализм», которая была призвана узаконить социализм, построенный в СССР и разительно отличавшийся от идеалов классиков марксизма, и к тому же заставить другие соцстраны и мировое коммунистическое и рабочее движение признать его как истинный и единственно возможный. Теперь нам пытаются внушить, что нынешняя политическая система России – это реальная демократия, но только «особого», российского «разлива», и любая критика ее есть априори попытка навязать нам чуждые порядки и подорвать российский суверенитет в угоду

«злонамеренному» Западу.

В теоретическом плане это, конечно, полная чепуха. Основные принципы демократии, как законы всемирного тяготения, универсальны: верховенство закона, выборность законодательных органов и высшего государственного руководства, разделение властей, независимый суд, многопартийность, свобода слова и другие демократические свободы, гражданское общество, демократический контроль над силовыми структурами. Вместе с тем в каждой стране, совершенно естественно, эти принципы имеют национально-историческую специфику и существенно отличаются, скажем, в США, Великобритании, во Франции, в ФРГ, Италии, Швеции. Но ни одна из этих стран не подчеркивает, что там «суверенная демократия».

Почему же правящая элита России считает необходимым делать на этом столь сильный упор? Думаю, потому, что у нас сейчас сохраняется только внешняя оболочка демократии: формальное разделение властей, выборы, многопартийность, свобода печатной прессы, а по существу, в начинке системы, политическая власть и все больше экономическая власть и собственность концентрируются в руках федеральной бюрократии во главе с президентской администрацией, которые сращиваются с большим бизнесом.

Таким образом у нас формируется классический государственно-монополистический капитализм, который со всеми его негативными признаками Ленин описал еще в конце XIX века на примере Англии, а предсказал, сам того не ведая, положение в России сто с лишним лет спустя. Новая посткоммунистическая номенклатура по своей милости разрешает ту или иную меру свободы действий и материальные блага политическим партиям, региональным наместникам, парламенту, судебным органам, лояльному бизнесу, СМИ и общественным организациям – и называет это демократией. Выстраивается авторитарно-бюрократическое здание государственного управления с демократическими виньетками на фасаде.

Другая концепция нового времени – «исполнительная вертикаль». В принципе ничего плохого в этом нет, как говорится, чтобы в обществе была демократия, в бюрократии должна быть диктатура. однако у нас эта концепция вылилась во всемерное расширение полномочий и штатов федеральной бюрократии в ущерб другим ветвям власти на федеральном и региональном уровнях, а также в ущерб институтам и нормам гражданского общества. Без сильного и легитимного противовеса, без

общественного контроля эта бюрократия не работает как единая команда, выполняющая определенную политическую программу.

Окруженная рыночной, а не командной экономической средой, каста чиновничества быстро коррумпировалась, разложилась на соперничающие кланы и лоббирующие группировки, борющиеся за ресурсы и финансовые потоки. Политическое руководство утрачивает управление бюрократией и становится все больше заложником ее махинаций, а государственный курс превращается в дрейф под воздействием внешних событий и соперничества кланов государственно-монополистической олигархии.

* * *

Я готов скрепя сердце принять, что после разрушительных реформ и ельцинского хаоса 1990-х годов определенная консолидация на основе привычных и «неформальных», понятных всем способов управления страной на какое-то время допустима (недаром столь популярен стал блатной термин «по понятиям»). Но только как временная, вынужденная мера стабилизации и латания самых зияющих дыр в социальных, правоохранительных, оборонных функциях государства. Как средство профилактики стихийной экстремистской реакции общества на материальный и моральный урон от нашего «веймарского» периода 1990-х годов. Тем более что либеральные, демократические силы общества оказались частично дискредитированы, в целом разобщены и дезориентированы в результате произошедших событий.

Однако возводить это вынужденное отступление в догму, в статус нашей особой национальной модели – не просто безосновательно, но бесперспективно и опасно. Такая модель обрекает нас опять на стагнацию, растущий разрыв между государством и обществом, невозможность решить крупнейшие национальные проблемы. Она несовместима с высокотехнологичной, инновационной экономикой и чревата социальными потрясениями, как только мировые цены на нефть пойдут вниз.

Кстати, когда это случится, я не удивлюсь, если наш вожделенный Стабилизационный фонд и золотовалютный запас вдруг таинственным образом «испарятся», как миллиардные иностранные кредиты в прошлом десятилетии (о которых, помнится, Ельцин сказал что-то вроде «черт его знает, куда делись…»). Ведь никакого парламентского или общественного контроля над ними как не было, так и нет, а в честность наших

чиновников уже не очень верится.

Опыт 1990-х годов – это повод серьезно проанализировать политические причины неудач, вывести из этого правильные уроки и вернуться на магистральный путь европейской цивилизации. Причем надо не копировать по-школярски формы и методы развития передовых государств, а следовать сущностным принципам их экономического и политического развития, применяя формы и методы такого развития сообразно российской национальной специфике.

* * *

Россия – это великая нация и великая держава. Но этот статус не есть нечто безусловное, данное, как аристократический титул, от рождения и навечно. История знает множество великих держав и народов, скатившихся на обочину мирового развития и канувших в небытие. Статус великой державы в современном мире должен постоянно подтверждаться, как титул чемпиона, и обеспечивается он благосостоянием и свободами граждан, прочностью внутренней и внешней безопасности, прежде всего перед лицом новых вызовов и угроз XXI века.

Уверен, что Россия, пройдя столько невероятных испытаний в XX веке, может этого добиться. Но только – на путях строительства экономики высоких технологий и демократического, социально ответственного государства, последовательно развивая взаимовыгодное сотрудничество со своими ближайшими соседями, с самыми передовыми демократическими странами мира.

Приложение. Зарубежные друзья и собеседники

Генри Киссинджер

Я познакомился с Генри Киссинджером в Москве в декабре 1967 года на очередной Пагуошской конференции, в которой он принимал участие в качестве члена американской делегации. Тогда еще Киссинджер был известен лишь как ученый, видный специалист по внешней политике и международным отношениям, но не как политик. Наша и американская делегации заметно различались по характеру. В нашей большинство составляли крупные ученые, в основном специалисты в области точных наук, а в американской – специалисты в области внешней политики, разоружения и ограничения вооружений.

Киссинджер несколько раз брал слово и говорил нам о реалистическом плане окончания войны во Вьетнаме. Но наши участники, при всей симпатии к планам прекращения этой войны, от обсуждения его идей воздержались.

В перерыве я объяснил ему ситуацию, и в частности то, что наши участники – крупные, известные ученые, но никакие не политики. Тогда он изложил план мне, сказав, что приехал в Москву по поручению министра обороны США Макнамары с его предложением: американцы уйдут из Вьетнама без всяких условий, но только через какое-то время, скажем, через 1–2 года; это позволит им «спасти лицо».

Я пообещал в тот же день передать это предложение нашему руководству. Предупредил: не думаю, что он сразу получит ответ – дело, как он сам, по-видимому, понимает, было не простое. На этом вопрос был закрыт.

Спустя примерно месяц состоялась моя первая поездка в США. Я позвонил Киссинджеру по телефону, чтобы условиться о встрече. Он пригласил меня зайти к нему на работу, в Западное крыло Белого дома.

Я не замедлил воспользоваться приглашением и тут же отправился в Белый дом. Предъявив охране паспорт, прошел в примечательное правительственное здание и нашел кабинет Киссинджера. В этой большой комнате за большим письменным столом, заваленным бумагами, сидел (довольно гордо, явно наслаждаясь своим новым положением) хозяин кабинета.

Мы с ним поговорили о делах, и в частности о необходимости начинать наконец переговоры об ограничении вооружений (с чем он выразил полное согласие), о визите американского президента в Китай, о Вьетнаме.

Он меня спросил, как идет становление моего института. Потом он пригласил в кабинет своих помощников и познакомил

меня с ними. Я воспользовался случаем и пригласил их всех на прием, который посольство устраивало в мою честь этим вечером. (Это я, конечно, согласовал с нашим посольством.) Они поблагодарили и обещали прийти.

Потом помощники ушли, а самого Киссинджера куда-то вызвали. И произошел забавный инцидент. Через пару минут вбегает растерянный хозяин кабинета, извиняется и говорит, что на столе остались секретные документы, и, извиняясь, просит меня подождать его несколько минут в приемной. На это я ему сказал:

– Конечно, я подожду, но жаль – я только хотел подойти к столу познакомиться с бумагами, хотя потом раздумал – все ваши секреты нам все равно давно известны.

Он рассмеялся и сказал, что я, наверное, прав – в эффективности работы КГБ в Америке давно не сомневаются.

Наступил вечер, и Киссинджер со всей своей командой прибыл в посольство. (Как сказал он сам, впервые в жизни.) Через некоторое время по внутренней лестнице сбежал из своих апартаментов вниз только что прилетевший из Москвы посол Добрынин. Вскочивший с постели специально, чтобы познакомиться с Киссинджером, о приходе которого в посольство ему только что доложили. Они познакомились, и это стало началом работы нового канала связи между Вашингтоном и Москвой.

Что касается меня, хорошие отношения с Киссинджером сохранились, и, приезжая в США, я всякий раз с ним встречался и подолгу беседовал и до и после назначения его Государственным секретарем.

Уйдя с государственной службы, Киссинджер написал несколько объемистых книг, как мемуарного, так и чисто теоретического характера, в том числе серьезный труд «Дипломатия» (к которому я написал тоже довольно большое послесловие).

Уже как частное лицо Киссинджер посетил пару раз Москву. При этом немало времени он провел в институте США и Канады. После «холодной войны» настроения его менялись. Распад «советской империи» он встретил с большими надеждами и оптимизмом, которые вскоре сменились разочарованием. Потом он некоторое время связывал большие надежды с тем, что Америка стала единственной сверхдержавой, но и за этим всплеском надежд последовало разочарование, а теперь, по-моему, Киссинджер снова ждет каких-то крупных перемен в мире. Все это, правда, лишь мои догадки – я давно с ним не говорил. Но остроты ума и глубины знаний он наверняка не утратил,

сохранив в этом смысле прежнюю молодость.

Разговоры наши были в основном деловые, хотя очень часто мы спорили (тоже по существу). Но чем больше я Киссинджера узнавал, тем больше восхищался его политической эрудицией и прозорливостью. Деловые отношения с годами переросли в дружеские. Встречи приносили удовлетворение и даже какую-то радость. Возможно, прежде всего, просто потому, что мы еще, несмотря на преклонный возраст (обоим за 80), продолжали работать…

Джордж Буш (старший)

В один из моих первых приездов в Америку мой друг со студенческих лет Виктор Исраэлян, работавший в Нью-Йорке в нашей миссии в ООН, предложил познакомить меня с американским послом в этой организации Джорджем Бушем. Его штаб-квартира была в одном из фешенебельных отелей города – Уолдорф-Астории (там же он с семьей жил). Часа полтора прошли в оживленной беседе. Я рассказывал об институте (он тогда вызывал у американцев живой интерес), а он – о делах в ООН, а также о только начавшем раскручиваться «уотергейтском» скандале. Я познакомился также с семьей, включая Джорджа Буша (младшего), в котором тогда, правда, трудно было угадать будущего президента страны.

Во второй раз я встретился с Бушем уже в Вашингтоне, где он руководил Национальным комитетом республиканской партии, занятым в то время подготовкой к выборам 1970 года в Конгресс США. Мы с ним довольно долго разговаривали, в основном о внутренних делах в США («уотергейтский» скандал набирал полные обороты), а также о Вьетнаме, где так и не вырисовывалось окончание войны. Потом он пригласил меня позавтракать в столовой Конгресса, находившегося в одном квартале. На его ступеньках нас сфотографировали, и в тот же день в наше посольство пришел пакет с этой фотографией.

Вскоре после выборов Буша назначили директором ЦРУ, и наши контакты прекратились. Как-то, правда, знакомый конгрессмен, живший рядом с Бушем, передал от него привет и приглашение, если мне любопытно, посетить его в Лэнгли, где размещалось ЦРУ. Но я поблагодарил и отказался. Андропов, которому я рассказал об этом по возвращении в Москву, сказал, что сделал я правильно, а то дал бы своим недругам массу пищи для поношений.

После избрания президентом Рейгана старший Буш стал вице-президентом, и наши встречи, по его инициативе, возобновились. И на этом посту, и став президентом, он держался в отношениях со мной просто, даже, я бы сказал, нарочито по-приятельски, как бы демонстрируя, что, став «большим» человеком, он не забывает старых друзей. Буш производил впечатление серьезного, вдумчивого, хотя и не блестящего политика и очень достойного человека.

Рональд Рейган

С избранием Рейгана президентом совпало новое обострение «холодной войны». В это обострение новый президент внес немалый вклад своими крайне антисоветскими речами (это он, выступая в Лондоне, назвал СССР «империей зла») и, главное, своей политикой. Значительно увеличились военные ассигнования, было заявлено, что США приступают к созданию территориальной системы противоракетной обороны (так называемая стратегическая оборонная инициатива – СОИ) и готовы выйти из договора по ПРО.

Но было бы неверно и несправедливо во всем винить США. Даже выбрать президентом именно Рейгана американцам помогли мы. Его «ястребиные» взгляды были давно известны, а наша политика последних лет (война в Афганистане, размещение в Европе ядерных ракет средней дальности СС-20, поддержка в Центральной Америке если не просоветских, то, безусловно, антиамериканских режимов в Никарагуа и Гренаде) убедила многих американцев, что сейчас им нужен именно такой «твердый» президент. Но Рейгану и правящим кругам США явно изменило чувство меры.

Они хотели напугать СССР. Но переусердствовали и напугали мировую общественность, включая и общественность США. Поднялась сильная антивоенная волна, в этом русле активизировалась и советская внешняя политика. И вопреки тому, что было еще совсем недавно, над «холодной войной» начала нависать серьезнейшая опасность, дни ее, как оказалось, были сочтены. Это становилось очевидным и Рейгану.

В книге телохранителя М.С. Горбачева В. Медведева «Человек за спиной» описан такой эпизод.

Переговоры в Рейкьявике закончились, соглашения подписать не удалось. Рейган и Горбачев прощаются. Американский президент глубоко расстроен. Горбачев говорит ему: заявите об отказе от СОИ, и я тут же подпишу соглашение. А у Рейгана покатились слезы из глаз. Видимо, он понял, что американцы, да и вся мировая общественность, ждут соглашений и разоружения, а он вернется домой с пустыми руками.

СОИ, однако, все равно тихо скончалась, и окончилась, к общей радости, «холодная война». Кто в ней победил, спорят до сих пор. Но ясно, кто погубил ее саму – это Горбачев, наша политика, миролюбивые силы мира.

Ричард Никсон

К двум американским президентам, занимавшим Белый дом в период моего знакомства с ними, хотел бы добавить еще одного, с которым довелось контактировать и в период его президентства, и после него, в 1980-х годах, когда Никсон приезжал в Москву уже в качестве частного лица. По его первому визиту в Москву в 1959 году – на американскую выставку и особенно по «кухонной дискуссии», – в СССР сложилось мнение о нем как о заядлом реакционере, а прорыв во внешней политике – разрядку 1972 года – относили в основном на счет Генри Киссинджера. Нисколько не умаляя заслуги последнего, а они действительно велики, хотел бы сказать, что к позитивным результатам вела все же политика Никсона, в которой, конечно, самое активное участие принимал Киссинджер. Да и вообще из-за «уотергейтского» скандала все положительные стороны деятельности Никсона оказались в тени и были или забыты, или вовсе не замечены, а он был просто обычным, средним президентом, репутацию которого напрочь испортил скандал.

Может быть, это послужит уроком всем будущим президентам.

Аверелл Гарриман

Аверелл Гарриман происходил из семьи железнодорожного магната и финансиста. Но для себя избрал другой – политический – путь наверх (богатство ему при этом, конечно, не мешало) и здесь тоже преуспел. Его пребывание на посту посла в СССР в течение практически всей войны вписало свои страницы в историю внешней политики США и советско-американских отношений. Двери его дома в аристократическом уголке Вашингтона Джорджтауне были всегда открыты для важных или просто интересных ему приезжих из СССР, и я, делавший в ту пору первые шаги в знакомстве с Америкой, узнал это на собственном опыте, он познакомил меня со многими видными американскими деятелями.

Так, во время своего первого посещения Гарримана я робко сказал, что хотел бы встретиться с кем-либо из руководителей Пентагона, например, с заместителем министра Паккардом. Он тут же начал звонить по телефону, и через несколько минут встреча была условленна. Она состоялась, положив начало длительному и интересному знакомству. (После отставки из Пентагона Паккард вернулся в фирму, производившую новейшие компьютеры и другие электронные приборы, которой владел вместе с Хьюлетом, – фирма и называлась «Хьюлет – Паккард». По приглашению владельцев я ее посещал и, кстати сказать, настоящую книгу набираю на компьютере их производства.)

Был Гарриман, кроме всего, и завидным собеседником – много знавшим и умевшим обо всем интересно рассказывать. Его можно было слушать часами. Как-то в разговоре со мной и другим советским гостем, советником-посланником нашего посольства Юлием Воронцовым, он спросил:

– Что же вы, в конце концов, собираетесь делать с Солженицыным? Сталин его просто бы посадил – а вы?

Я ответил вопросом на вопрос:

– А что бы вы предложили?

– Я бы выпустил его из страны, а если он не выразит желания уехать – выслал бы его. Высылка из страны – это, конечно, стыдная мера, но куда менее позорная, тем более в стране с вашим прошлым, чем арест. И соответственной была бы и реакция в цивилизованном (не хочу в этом контексте говорить в западном) мире…

Гарриман финансировал институт по изучению СССР в Колумбийском университете, который, как и сам Гарриман в этот период острой «холодной войны», придерживался в целом

умеренных взглядов, а к концу жизни его позиции становились все более дружественными.

Как жаль, что его не стало. С такими людьми уходит целая эпоха – со всем своим плохим, но и с хорошим тоже.

Дэвид Рокфеллер

С Дэвидом Рокфеллером я познакомился во время поездки в США в 1969 году и с тех пор встречался много раз: и в разных городах США, и в Москве, и в Киеве (на состоявшейся там в 1984 году Дартмутской встрече).

Человек, носивший фамилию, которую можно было считать символом могучего американского капитализма, оказывался очень скромным, интеллигентным, не выставляющим напоказ не только своего богатства и, по американским понятиям, знатности, но и собственного ума и интеллигентности.

Скромный, мягкий в общении с собеседниками и в то же время обладающий быстрой реакцией и острым умом, Дэвид Рокфеллер был приятен в любой компании и любой обстановке. Он был воплощением «старых денег» и «старой знатности», человеком уже не первого поколения большой семьи, выросшим в богатстве и почтении окружающих, но упорно отстаивающим свое «я», «я» скромного, любящего хорошую, спокойную компанию человека. Своим безупречным воспитанием, манерами и вниманием к окружающим он просто удивлял незнакомых с ним людей.

В политике Д. Рокфеллер был убежденным сторонником республиканской партии и, вместе с тем, столь же убежденным сторонником нормализации отношений с СССР. Отсюда и его активное участие в Дартмутских встречах, организованных специально для советско-американского диалога еще президентом Эйзенхауэром. Я тоже участвовал в этих встречах и хотел бы рассказать о двух эпизодах, связанных с Рокфеллером и имевших место во время этих встреч.

Один из них относится к встрече, состоявшейся в Киеве. Как-то Рокфеллер отозвал меня в сторонку и спросил, удобно ли попросить советских организаторов отпустить домой раньше окончания конференции двух его дочерей, тоже входивших в состав американской делегации?

– Видите ли, – объяснил он. – У нас в семье принято, что наши дети, став студентами, сами зарабатывают деньги, которые надо платить за учебу, и дочки заключили договор: во время летних каникул будут работать в ларьке на пляже – продавать прохладительные напитки и сладости. Им надо ехать.

Их, конечно, отпустили, подивившись этой добротной традиции одной из богатейших семей Америки.

Второй эпизод связан с Дартмутской конференцией в Тбилиси. Вскоре после приезда грузинские товарищи устроили

загородный ужин для части нашей и американской делегаций. Проходил он по всем правилам грузинского гостеприимства, и в город мы возвращались довольно веселыми. В дороге родилась идея – пойти завтра в баню, но мнения разошлись – в какую: исторически традиционную или современную. Большинство высказалось за первую. Когда приехали домой и вышли из машин, Рокфеллер отвел меня в сторону и спросил, а что значит традиционная, удобно ли ему, пожилому, солидному, семейному человеку, туда идти? Я невольно в ответ рассмеялся и сказал:

– Вы, Дэвид, наверное, забыли, в какую страну приехали. Здесь вам в этом смысле нечего бояться.

Сейчас, имея в виду произошедшие в нашей стране перемены, я бы, наверное, не решился так уверенно успокаивать почтенного банкира.

На следующий день я и еще два-три члена нашей делегации нежились в маленьком бассейне, пока банщик в трусах и коротком фартуке мылил и тер самого смелого из нас, решившегося первым пойти на эту процедуру. Но вот настала очередь Рокфеллера. Он лег на мраморную плиту и попал в руки банщика. Тот, узнав, с кем имеет дело, старался вовсю. И успокаивал клиента: «Ничего, ничего. Я недавно самого Фиделя Кастро мыл, и тому понравилось». Мы покатывались от смеха, и Рокфеллер нам вторил.

И еще один штрих. Дэвид, как и другие члены семьи, был воспитан в понимании того, что большие деньги несут с собой и большую ответственность, в том числе ответственность перед обществом. Потому Рокфеллеры финансировали создание медицинского научно-исследовательского института, покупку многих произведений искусства (которые сейчас выставлены в зданиях правления банка, но со временем, несомненно, будут перенесены в музеи для всеобщего обозрения), создание консерватории Джильярди, строительство одной из достопримечательностей Нью-Йорка – комплекса зданий Рокфеллеровского центра в Манхеттене. (Внутренняя часть главного из этих зданий расписана, кстати сказать, мексиканскими художниками крайне левых убеждений.)

Уильям Фулбрайт

Сенатор Уильям Фулбрайт был одним из самых прогрессивных американских парламентариев. Он придавал большое значение воспитанию молодежи в интернационалистском духе. Марксистом он, разумеется, не был и термина этого не употреблял, но суть была именно в этом: выделить средства для обучения американских студентов за рубежом и зарубежных – в США, а также создать в разных странах международные учебные центры, чтобы освободить молодежь от национализма, привить ей более широкие представления о мире.

Особую известность сенатор приобрел как непримиримый противник милитаризма, агрессивных авантюр и гонки вооружений. Его книга на эту тему – самонадеянность силы – приобрела международную известность.

Он, естественно, был противником «холодной войны» и сторонником нормализации советско-американских отношений. У меня есть и личная причина быть ему благодарным – Фулбрайт написал весьма благожелательное предисловие к одной из моих книг о советской внешней политике, изданных в США.

Так что в американском парламенте была реальная и весьма слышимая в стране оппозиция милитаризму и империалистической политике правительства, представляемая далеко не одним сенатором Фулбрайтом, но весьма ярко олицетворяемая им.

Тэкс Торнтон

С Торнтоном меня заочно познакомил мой друг, обозреватель и корреспондент телевидения Валентин Зорин. Примерно за полгода до моей первой поездки в США он был там и интервьюировал Торнтона. Заодно рассказал ему обо мне и новом институте, который я начал создавать. Сказал также, что институт собирается приглашать интересных людей.

– Вроде меня, – пошутил Торнтон.

– Да, да, и вас, возможно, тоже, – ответил ему Зорин.

Когда по возвращении в москву Зорин рассказал мне об этом разговоре, я всерьез задумался: а почему бы действительно не начать приглашения с Торнтона? Он был известен как один из руководителей программы быстрого развертывания производства боевых самолетов в годы войны, когда он пришел в правительство с группой молодых людей (их потом прозвали «торнтоновскими вундеркиндами») и сумел добиться в самолетостроении чудес – таких же, как Кайзер в судостроении. После окончания войны его пригласили стать главным управляющим «империи» Форда; оттуда Торнтон перешел главным управляющим в самолетостроительную фирму Хьюза, а потом решил работать уже только на себя: купил захудалую, балансирующую на грани банкротства фирму «Литтон индастриз» и за несколько лет превратил ее в гиганта по производству авионики, а затем систем управления для военных самолетов и ракет.

И мы его пригласили. Это был наш первый американский гость, и программу для него подготовили прекрасную: Москва, Ленинград, еще строившийся тогда автозавод в Тольятти и много других интересных мест, встреч и посещений.

Я решил вместе с моей помощницей Инной Шейдиной (она же – переводчик) сопровождать нашего гостя во время всей поездки. В Ленинграде мы посетили завод «Светлана», и в частности цех, где изготавливали полупроводниковые элементы для компьютеров и других сложных технических изделий.

Осмотрели по-быстрому город и Петергоф, а затем пошли в Эрмитаж. Борис Борисович Пиотровский принял нас очень любезно и после беглой экскурсии по музею предложил осмотреть «золотую кладовую», где хранились скифское золото и другие ценные находки археологов, а также драгоценности царского двора, включая изделия Фаберже. Когда мы, усталые (как всегда после музея), вышли, Торнтон мне сказал:

– Вы видели конскую сбрую, украшенную золотом и драгоценными камнями? Знаете, если бы я жил тогда в России,

то, наверное, стал бы коммунистом и участвовал бы в революции. Кругом такая нищета и бедность, а знать не знала, куда деньги девать.

В Тольятти Торнтон задавал много вопросов, а потом сказал, что сейчас такие гиганты избегают строить: огромный сборочный цех – да, но большую часть комплектующих деталей делают средние и крупные фирмы в других городах.

По возвращении в Москву было организовано прощание в институте, где Торнтону подарили на память сделанную нами книжечку формата записной книжки: «Цитаты из председателя Торнтона» (во всем мире как раз нашумела книжка «Цитаты из председателя Мао»).

Он остался очень доволен поездкой и взял с меня слово, что я посещу его в Лос-Анджелесе, и он покажет мне восход солнца над пустыней Мохави (у Торнтона был свой небольшой самолет, которым он сам управлял). Год спустя я выполнил обещание, и мы с ним полетали – все было хорошо, только вставать, чтобы встретить восход солнца, пришлось в три часа утра.

А уж наговорились мы всласть – и о СССР, и о США, и обо всем другом.

Том Уотсон

У нас Том Уотсон известен, прежде всего, как бывший американский посол в России. Но он к тому же – владелец крупнейшей фирмы, производящей компьютеры. И совсем немногие знают, что он пилот и во время войны перегонял военные самолеты из США в СССР через Аляску, Чукотку и Сибирь.

Ну а ко всему этому Том Уотсон еще и прекрасный человек, гостеприимный хозяин и интересный собеседник. Я познакомился с ним и стал его приятелем во время поездок в США. Дружба продолжалась, когда он стал послом в Москве.

У Уотсона была мечта повторить перелет через Аляску и Сибирь на собственном небольшом реактивном самолете «Гольфстрим». Но наши власти тянули с ответом, ссылаясь на отсутствие на Чукотке таможни и пограничного пропускного пункта. В конце концов, я передал его письмо с соответствующей просьбой лично М.С. Горбачеву, и вопрос был решен (таможенник и пограничник просто на день прилетели в Анадырь). Самолет летел с Запада на Восток и сделал посадку в Москве, где его встречали, кроме посольских и автора этих строк, несколько полярных летчиков во главе с Мазуруком.

И все закончилось благополучно, ко всеобщему удовольствию.

Тэд Тернер

Тэд Тернер – обладатель редкого предпринимательского таланта. Ему не раз пророчили банкротство, но всякий раз он завершал дело с солидной прибылью. Он рассказывает, что в один прекрасный день ему в голову пришла идея – люди хотят иметь свежие новости все время, а не только в часы, выбранные для теленовостей телекомпаниями. Из этой идеи родилась компания CNN, сегодня известная во всем мире и обслуживающая весь мир, и она вопреки многим прогнозам не прогорела, а становится все более знаменитой и богатой.

Тернер обожает природу, содержит у себя в имении небольшое стадо бизонов, а в местном пруду, где он любит купаться, живет семья крупных аллигаторов. И еще он любит путешествия и женщин.

На таких людях многое может держаться. Его компания CNN по праву стала популярной. Притом за очень короткий срок. Я это хорошо помню. По делам был в Атланте, где она начинала свою жизнь. Организаторы пригласили меня на первый выпуск новостей, и я невольно оказался первым советским человеком, принявшим участие в их передачах. Ютились они тогда в небольшом, на вид ветхом домике; я и думать тогда не мог, что присутствую при рождении «Всемирной империи теленовостей». Но оказалось именно так.

Норман Казенс

Норман Казенс – редактор американского журнала для интеллигентных людей и сам представитель лучшей части американской интеллигенции. В конце 1950-х годов, посоветовавшись с президентом Эйзенхауэром, он отправился в Москву с идеей – вместе с СССР наладить регулярные встречи и обмен мнениями видных представителей советской и американской общественности, открыть диалог, посвященный вопросам войны и мира, отношениям между двумя странами.

Дартмутские встречи (название они получили по американскому университетскому городку Дартмут, где состоялась первая встреча) стали постоянными и привычными, и в самые трудные времена они помогали поддерживать хоть какой-то неформальный разговор между двумя странами.

Благодаря этим встречам своего рода «обкатку» получили многие работники дипломатической и других служб, не говоря уж об ученых и журналистах.

Эгон Бар

…Когда во время моей поездки в ФРГ я познакомился с Эгоном Баром, я еще не знал, что вскоре мы оба будем работать в Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности («Комиссия Пальме»). Да и вопрос о ее создании еще не был решен.

Беседы с этим человеком были интересны и подтверждали реальную возможность нашего сотрудничества с социал-демократами. Сам он производил хорошее впечатление непредвзятостью, открытостью и готовностью доброжелательно и честно обсуждать любые проблемы.

Я также высоко ценю профессиональные достоинства Эгона Бара как высококвалифицированного специалиста в области разоружения, безопасности да и вообще международных проблем, специалиста, можно смело сказать, международного класса.

Ряд его предложений о безъядерном режиме Европы (удалении всего ядерного оружия с территории неядерных европейских государств и другие) был в виде специального приложения включен в доклад Комиссии. Кроме всего этого, работать с Эгоном Баром было всегда интересно и приятно.

Гельмут Коль и Дитрих Геншер

…Новое правительство ФРГ хотя и было заметно консервативнее социал-демократов, контакты с СССР продолжало поддерживать и даже развивать. Премьер-министр Гельмут Коль во время своего визита в Москву пригласил на утренний завтрак (где-то в 8 или 9 утра) в резиденцию посла группу наших экономистов и международников. Состоялась оживленная и вполне дружеская и откровенная беседа интересная, по-моему, для обеих сторон. Потом он подарил каждому из присутствовавших книгу Эрхарда о «германском чуде» – экономическом возрождении Германии после войны. Коль сделал это, по-видимому, не без умысла, потому что он, по-моему, не поддерживал, в отличие от многих западных руководителей, «шоковую терапию» (так же, впрочем, как и Эрхард). В общем, развитие отношений с ФРГ продолжалось.

Теперь коротко о Дитрихе Геншере. Он тоже активно участвовал в развитии отношений с СССР. И небольшой «личный вопрос». Не знаю, соответствовало это действительности или нет, но бытовало мнение, что я и Геншер внешне похожи. Возможно, эту версию пустил как шутку сам Геншер, рассказывавший многим (особенно в моем присутствии), что в Стокгольме во время похорон Пальме к нему подошел какой-то человек и спросил:

– Вы случайно не знаменитый политик и международник профессор Арбатов?

Вскоре я мог ему ответить такой же шуткой. Во время одной из поездок в США я посетил городок Лонг Бич на Тихоокеанском побережье страны и поднялся на стоявший там на приколе, превращенный в музей корабль «Куин Элизабет» – самый большой пассажирский теплоход в мире, до войны обслуживавший трансатлантическую линию. Устав от осмотра огромного корабля, я присел на скамейку, стоявшую на палубе, и вдруг ко мне подходит пожилая супружеская пара, и на немецком языке раздается вопрос:

– Вы случайно не наш бывший министр иностранных дел господин Геншер?

Эту историю я не раз рассказывал и самому Геншеру, и, в его присутствии, нашим общим знакомым. Отношения у нас при этом, естественно, оставались приятельскими, так что, посещая Бонн, я, как правило, давал ему о себе знать.

Улоф Пальме

Он разделял главные идеи века: мир, безопасность, социальная справедливость, глубоко верил в них и отдавал все свои силы для их воплощения в жизнь. Улоф Пальме родился и вырос в бывшей в далеком прошлом великой и очень воинственной державе, теперь ставшей мирной, благополучной, нейтральной страной, стоящей как бы в стороне от конфликтов и неурядиц нашего времени. Но по своему сознанию и темпераменту он был гражданином мира, подлинным интернационалистом, принимавшим близко к сердцу беды и заботы других, понимавшим к тому же, что не может быть прочным счастье и благополучие небольшого государства, отгородившегося от мира в бушующем море конфликтов и бедствий.

Будучи премьер-министром Швеции и председателем шведской социал-демократической партии, он принимал активное участие в мировых делах. Памятна возглавлявшаяся им социал-демократическая демонстрация протеста против войны во Вьетнаме у американского посольства в Стокгольме. Он активно участвовал в работе «Комиссии Брандта», занятой проблемами «третьего мира», опасным, чреватым конфликтами разрывом между развитыми и развивающимися странами. Когда созрело решение о создании комиссии по разоружению и безопасности, руководить ею стал, как все и ожидали, Улоф Пальме.

В состав Комиссии входили общественные, политические и государственные деятели 17 стран Европы, Америки, Азии и Африки, но не как официальные представители своих правительств, а, как говорится, в личном качестве. Среди членов Комиссии были граждане как стран НАТО, так и стран-участниц Варшавского Договора, а также граждане нейтральных, неприсоединившихся государств.

Приведу состав этой Комиссии: Улоф Пальме (Швеция, председатель), Георгий Аркадьевич Арбатов (СССР), Эгон Бар (ФРГ), Гру Харлем Брунтланд (Норвегия), Юзеф Циранкевич (ПНР), Жан-Мари Дайе (Франция; прервал свое участие в работе Комиссии в январе 1982 года), Роберт Д. Форд (Канада), Альфонсо Гарсиа-Роблес (Мексика), Харуки Мори (Япония), С.Б. Мутамма (Индия), Олусегун Обасанджо (Нигерия), Дэвид Оуэн (Великобритания), Шридат Рампал (Гвиана), Салим Салим (Танзания), Соджатмоко (Индонезия), Иоп ден Ойл (Нидерланды), Сайрус Вэнс (США). Такой состав Комиссии в целом обеспечивал объективность и учет самых разных точек зрения.

Надо также иметь в виду, что председатель Комиссии и многие ее члены встречались и имели обстоятельные беседы с виднейшими деятелями тех стран, где проходили ее заседания (в их числе Р. Ганди, Ю. Андропов, П. Трюдо, Б. Крайский и другие).

Результатом работы Комиссии стал обстоятельный доклад «Безопасность для всех – программа разоружения», который, с моей точки зрения, не утратил актуальности и сегодня. Хотел бы особо подчеркнуть личную роль Пальме в этой работе.

Эрудиция, глубокие, почти энциклопедические знания и талант политика делают Улофа Пальме поистине выдающейся личностью. Почти 3 года работы с ним в Комиссии стоили трех лет университета. Поэтому всех, а особенно тех, кто его лично хорошо знал, так потрясло злодейское убийство этого замечательного человека, скромная могила которого на небольшом церковном кладбище в центре Стокгольма стала своего рода местом паломничества.

Я считаю, что его имя вполне заслуженно носит одна из улиц в Москве.

Пьер Трюдо

Я познакомился с Пьером Трюдо во время своей первой поездки в Канаду. Думаю, что здесь не обошлось без «происков» моего старого друга, незадолго до этого занявшего пост посла в Канаде, Александра Яковлева. В программе моей поездки, по-моему, на третий день значилось: семейный завтрак у Трюдо, у него дома.

Я был польщен и рад этой встрече, потому что слышал о Трюдо много хорошего уже задолго до приезда в Канаду. Резиденция премьер-министра оказалась комфортабельной, но достаточно скромной виллой на окраине столицы. Меня, помимо хозяина, встречали его сыновья – два прелестных мальчика лет 6–8, а вскоре присоединилась и хозяйка, только что вернувшаяся с лыжной прогулки, – красивая молодая женщина, раскрасневшаяся после лыж. Завтрак был вкусным, легким и, главное, очень веселым. Деловые разговоры начались несколько позже, когда мы с хозяином удалились в его кабинет.

После этой встречи было еще много других – и в Канаде, и на международных совещаниях в разных городах. Один раз мы даже вместе летели самолетом из Нью-Йорка в Стокгольм.

Что касается моих впечатлений, сложившихся в результате этих встреч, то в лице Трюдо Канада, да не только она, но и все мировое сообщество, имеют выдающегося политического и государственного деятеля, который действительно понимает современную эпоху и современный мир. Можно лишь жалеть, что его страна не играет более важной и активной роли в международных делах. (Странная закономерность наших дней – наиболее интересные и выдающиеся лидеры появляются в малых и средних по размеру и влиянию странах.)

Александр Дубчек

Справедливости ради хочу сказать и о некоторых деятелях той части Европы, которая считала и называла себя социалистическим содружеством. Я знал многих деятелей этих стран; среди них, естественно, были разные люди, хотя после первой волны – бывших подпольщиков и политэмигрантов – все больше выдвигались вперед и вверх, согласно заимствованной у нас системе, партийные аппаратчики, как правило, посредственности, но очень честолюбивые. Среди них интересные, выдающиеся люди попадались уже много реже. Потому, никого не желая обидеть, я все же позволю себе сказать здесь лишь о двух восточноевропейских лидерах, мне особо запомнившихся. Но предпошлю этому лишь одну оговорку: в Китае, наверное, было и есть немало выдающихся руководителей, но я шапочно знаком лишь с одним из них – Дэн Сяопином; с другими просто не сводила судьба.

Первый, о ком я бы хотел сказать, – это Александр Дубчек.

Человек сложной, временами драматической судьбы, попытавшийся вывести страну на путь обновления, благосостояния, истинной независимости и демократии. В сложившейся системе отношений в так называемом социалистическом лагере это не могло не спровоцировать вооруженного вмешательства других членов этого лагеря, или, как его еще называли, содружества. Но историю не так легко повернуть вспять, и в конце 1980-х годов весь лагерь развалился, а в 1991 году развалился и Советский Союз, главная сдерживавшая, цементировавшая этот лагерь сила.

В Москву по случаю какого-то праздника приехал Дубчек. Тогда я с ним и познакомился и обстоятельно поговорил. Через пару лет я приехал в Чехословакию по приглашению чешского института международных отношений. В Праге состоялись встречи и беседы с президентом Гавелом и другими лидерами страны. А потом я отправился на машине в Братиславу, где меня ожидал ужин и продолжительная беседа с Дубчеком – ее мы заканчивали уже утром за завтраком.

Общее впечатление: Дубчек озабочен кучей проблем, стоящих перед страной, но в будущее смотрит с оптимизмом и надеется на дружбу и сотрудничество с Россией. О тяжелом прошлом он вспоминать не хотел – уверен, что оно не повторится. А свои сложные проблемы чехи и словаки решат сами, и решат успешно.

Янош Кадар

С Яношом Кадаром у меня были обстоятельные беседы в ходе почти каждой поездки в Венгрию (а поездок таких было немало). Познакомился я с ним (не шапочно, а по-настоящему), когда бурные годы его сложной и нелегкой жизни были уже позади, и о них он при мне не вспоминал, а я, естественно, не спрашивал. Сам знал, что при жизни Сталина и диктаторском правлении Ракоши он, старый коммунист и революционер, был арестован своими же, в тюрьме терпел издевательства и мучения, во время восстания мучился неизвестностью будущего. Но все выдержал и принял высокий пост главы партии и страны. Проявил себя на этом посту как мудрый, умелый и умный руководитель. При нем поразительно скоро начали возвращаться люди, из страха покинувшие Венгрию в дни восстания, вообще быстро начала входить в нормальное русло жизнь страны и ее граждан.

Сам по себе Кадар был умный, многоопытный, обаятельный человек. Он хорошо знал нашу страну, ее проблемы и сложности и был верным другом Советского Союза. Его политический опыт был велик и многогранен. Насколько я знаю, он был одним из немногих лидеров стран Варшавского Договора, пытавшихся в 1968 году отговорить наше руководство от военного вмешательства в Чехословакии. Словом, в отличие от некоторых других это был зрелый европейский политик.

Войцех Ярузельский

Еще один лидер социалистической страны, о котором я бы хотел коротко сказать, – это Войцех Ярузельский, генерал и бывший глава Польского государства. Он возглавлял министерство обороны и едва ли думал о политической карьере. Но ситуация в Польше в 1981 году накалилась до крайности. «Солидарность» готовила всеобщую забастовку, которая, учитывая накал страстей и темперамент будущих забастовщиков, могла перерасти и во что-то еще более неприятное.

Я не присутствовал на обсуждении польской ситуации в московских верхах, но думаю, что нашлись бы горячие и неразумные головы, которые при определенных поворотах опять были бы за силовое решение, за то, чтобы следовать, так сказать, по накатанной дорожке, и выручил Ярузельский (думаю, при поддержке ряда товарищей в политбюро ПОРП), который взял верховную власть в свои руки и объявил военное положение. Этим он и свою страну, и нас, и мировую ситуацию спас от многих бед и неприятностей.

Мне довелось после первой встречи в Варшаве в конце 1980-х годов пообщаться с ним в небольшом американском университете в Америке (городок Манхэттен, штат Канзас). Мы о многом поговорили, многое обсудили, и я расстался с Войцехом Ярузельским его почитателем.

Побольше бы таких здравомыслящих людей – особенно на высоких постах, да еще военных.

Автор выражает глубокую сердечную благодарность *М.А. Деркач, Л.Н. Соловьеву, С.А. Стулову* и *И.Х. Урилову* за помощь в издании этой книги.